Четыре жизни. 1. Ученик

Четыре жизни - 1

Эрвин Гельмутович Полле

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Школьник, студент, аспирант. Уштобе, Челябинск-40, Колыма, Талды-Курган, Текели, Томск, Барнаул…

Страница автора на «Самиздате»: http://samlib.ru/p/polle_e_g

- Эрвин Гельмутович Полле
  - Школьник
    -
    - Начальная школа
    - 5-й — 7-й классы
    - 8-й — 10-й классы
  - Студент
    -
    - Первый курс
    - Второй курс
    - Третий курс
    - Четвёртый курс
    - Пятый курс
  - Аспирант
    -
    - Первый год
    - Второй год
    - Ассистент
    - Третий год. Защита диссертации

Эрвин Гельмутович Полле
Четыре жизни. 1. Ученик

Школьник

Первые пять лет жизни в Уштобе (родился 11.03.1941 г.) помню смутно, больше по рассказам мамы и тёти Муси. Ясли, детский сад, многочисленные детские болезни… Время трудное, голодное, мама работала на износ. Даже в Германии, через полвека, они вспоминали мой конфуз в 3-4-хлетнем возрасте. «Мама! Я обкакался!» И горькие слёзы.

Несколько моментов запомнил хорошо. Празднование Нового, 1945 года. В качестве ёлки наряженный ватой и игрушками саксаул (по-моему, берёза или тополь больше напоминают ель), взрослые выпивают за приближающуюся победу. «Ёлка» загорается, тушат одеялами, большая часть красивейших (так мне тогда казалось) довоенных стеклянных игрушек разбита.

К территории железнодорожной больницы примыкал отличный яблоневый сад (апорт, лимонки…). Сторож поймал мальчишку лет 6–7, взял за ноги и головой об землю. Ужас!..

Уштобе. 1942–1944 гг. Ясли, сад. Внизу слева трагически погибшая дочь тёти Муси Вельда.

Приезд папы летом 1946 г. в необычной американской одежде и без подарков, украденных на вокзале Новосибирска при пересадке с транссибирской магистрали на Турксиб (воры разрезали рюкзак в толпе у билетной кассы).

Папа перевёз семью (маму и меня) в Челябинск, с трудом получив специальное разрешение. Помню, как мы оказались в комнатке при больнице Челябметаллургстроя. Именно на этой стройке металлургического гиганта папа отбывал принудительную трудовую повинность. Запомнился ленинградский профессор-хирург А.А.Руш тоже трудармеец, в тяжелейших лагерных условиях учивший папу мастерству хирурга. Профессор развлекался по моему адресу: Маруська приехала (на мне была вязаная шапочка, полностью закрывающая щёки).

В ноябре 1946 г., родителей *принудительно* отправляют на

великую «атомную» стройку. Создающийся гигантский объект вместе с жилой застройкой закодирован как Челябинск-40 (в настоящее время Озёрск).

Жильё — одноэтажный барак на берегу большого озера, прямо напротив красивая церковь города Касли, знаменитого на весь мир изделиями из чугуна. В бараке комнат 20 с общим коридором, нас подселили к семье с телёнком. Помню, как я удивлённо смотрел на облегчающееся посреди комнаты животное. Через пару недель нас переселили в отдельную комнату этого же барака.

Челябинск-40. Начало 1947 г. Лыжник на фоне жилого барака.

Дружат родители (мама справа), дружат дети.

Из первых впечатлений, кроме писающего телёнка, запомнил огромное количество побирающихся и калек, стучащих в двери, а ведь меня закрывали одного на целый день, когда не исполнилось и 6 лет. Рыбаки, вылавливавшие на знаменитой ныне своей радиоактивной грязью речке Теча у искусственной запруды большим сачком крупную рыбу. Обилие доступных даже дошколятам раков в озере. Необычные игрушки (американские палочки, шарики, высекающие искры…).

Когда мне становилось скучно в закрытой на ключ снаружи комнате, через форточку вылезал на улицу и свободно бегал с друзьями дошкольного возраста (папа с мамой узнали об этом в Германии в 90-е). Друзей-ровесников почти не помню, в 2005 г. один из них Рольф (ныне Владимир) Изаак прислал электронный привет из Ташкента, обнаружив в интернете мои воспоминания. Друг из детства наступил на мою «больную мозоль», никогда не принимал мотивы изменения фамилии и имени, связанные с

национальностью. Глубоко убеждён, человек должен гордиться своей национальностью, фамилией и именем, которые подарили ему родители вместе с жизнью. Не могу понять, к примеру, кузенов, родных братьев Ремезовых (отличная русская фамилия), поменявших отцовскую фамилию на немецкие, причём разные, под предлогом, что это нужно для детей. Об изменении фамилий своих племянников, детей Вельды, говорил выше. Люмпенские иллюзии! В определённые исторические периоды русский немец в России всегда будет «Фриц», а в Германии «русской свиньёй», независимо от имени и фамилии. Как в старом еврейском анекдоте «…бить будут не по паспорту, а по морде!»

Путешествия через форточку могли окончиться печально, слава богу, обошлось. Конкретные примеры. Однажды перевернулся плот, на котором нас было трое. Я — единственный, совсем не умевший плавать. Хватило самообладания по дну под водой пешком выйти на берег. Родители узнали об этом факте только из моих литературных «изысков».

Другой случай. Пацаны развлекались, кидая палками или камнями в редкие проезжающие машины, и убегали. И вот я длинной палкой ткнул в окно «Победу», водитель остановился и за мной. С разбега так растянулся, что разбил в кровь лицо, живот и коленки. Поделом! Водитель не тронул, похоже, сам за меня испугался.

Через начальника стройки Челябинска-40 и центральное ведомство Берии в Москве в 1947 г. удалось выписать бабушку с лесоповала в районе Котласа Архангельской области. Приезд бабушки помог родителям решить «мою проблему».

Вскоре переехали в другой барак, но уже в двухкомнатную квартиру в торце сооружения, общим на два барака сараем и уличным деревянным сортиром на 10 очков. Крылечко с видом на прекрасное озеро. В озере много рыбы и раков (вода ещё не загажена радиацией, через два года, после пуска атомных объектов, раки исчезнут).

Почти каждый вечер, после работы папа брал меня с собой на рыбалку. Первое время неплохо клевало (чебак, окунь). Леску достать нельзя было, и делали её из 5–6 связанных кусков хирургического кетгута (операционный шовный рассасывающийся материал), который папа приносил с работы, получалась пародия на нормальную леску, кетгут набухает в воде. Удилища — засохшие ошкуренные ветки ивы. Дождевых червей заготавливал заранее. Без рыбы домой не возвращались, приносили на кукане (любопытная деталь, так как позже я никогда не использовал кукан для пойманной рыбы), кошке всегда хватало — это точно. Почему-то запомнил, как в плохую погоду уже на берегу (на

подмостках) у меня оторвался крупный окунь. В первые годы в Челябинске-40 были популярны рыбалка ночью с острогой на щук (меня не брали) и ловля раков. Боже мой, сколько же там было раков, если с одним-двумя ровесниками мы запросто налавливали ведро раков под камнями и корягами (инструмент — обычная острая вилка, привязанная к палке) и ставили на костёр варить.

Ещё увлечение — коллекционирование жуков и бабочек, бегал с сачком по берёзовым рощицам невдалеке от дома. Бабочек прикалывал к листу бумаги, а жуков складывал в коробочки. Однажды майские жуки ночью расползлись и начали летать по квартире. Скандал, бабушка утром «навела порядок», жуков в доме не стало. Несмотря на коллективное воспитание, любовь к сачку осталась и однажды в своих любимых местах (берёзы, папоротник…) обнаружил колючую проволоку. Началось (или завершалось) оконтуривание секретного города, вооружённая охрана на каждом шагу. Помню, как по замёрзшему озеру катались шести — семилетние мальчишки на лыжах и откуда-то охрана с автоматами: «Назад!» Кстати, Челябинск-40 строился очень быстро. На берегу озера, метрах в двухстах, от нашего барака построили парткабинет с большой библиотекой, которой я интенсивно пользовался. Город затягивался в асфальт, появились проспекты Сталина, Берия, большие дома. Исчезли нищие и калеки (тогда я не понимал, куда они делись, а их просто вышвырнули «за забор»).

Перед крылечком небольшой огород, сотки 2–3, растёт зелень, морковка, огурцы. Ухаживает за огородом, преимущественно, бабушка. Я — пассивный наблюдатель и любитель потихоньку таскать огурцы, чаще у знакомых (естественно, однажды застукали и со смехом рассказали родителям). Зачем лазил по чужим огородам? Свои огурцы есть, и в семье не голодают. Наверно, у стайки пацанов 6–7 лет своя логика. Риск быть пойманным бодрит и повышает моральный авторитет среди сверстников. Много позже, летом 1962 г. услышал, как простой донецкий шахтёр (поезд «Симферополь-Москва», полвагона забойщиков ехали в командировку) под водку с салом выдал универсальную формулу: «Со своей бабой, да у чужого плетня…». Мне, ещё неженатому, мысль показалось интересной, не совсем понятной. Об адреналине в те времена не говорили.

Впрочем, универсальность шахтёрской формулы в прямом смысле я ощутил ещё в то далёкое послевоенное время. Первый сексуальный контакт. Забавная попытка. Полянка с белыми ромашками среди берёз, снятые трусики, что-то куда-то

толкается, опасение быть увиденным…. Что это было? Подражание взрослым (чего только дети в бараках не видят и не слышат)? Не серьёзно, зато безопасно! Не могу вспомнить ни имени девочки, ни внешности, ни кто из нас инициировал близкий контакт. Смешно? По-видимому, не очень! Пацан стремится познать мир в разных проявлениях.

Начальная школа

1948–1952 гг.

В 1948 г. с большим портфелем (уже в сентябре опробован на крепость перочинным ножом) начал ходить в старую деревенскую начальную школу, здание — бревенчатое, одноэтажное, в районе Течи, 30–40 минут пешком. Первая учительница — Лилия Алексеевна. Первая оценка в тетради по чистописанию огорчила родителей, дисциплинарные акции не заставили себя ждать. Основное наказание — стояние в углу на коленках, пока не попросишь прощения, но упрямства мне не занимать, никогда позже не использовал сей метод к своим детям

Челябинск-40. 1948 г. 1-й класс. Я сзади, слева от учительницы.

Малоприятный старт (тройка по чистописанию) не повлиял на стремление хорошо учиться. В «мешок» собираемых подарков Сталину к 70-летию попал мой табель (сейчас я не уверен, что «подарки» далеко ушли из Челябинска-40, но какая гордость для второклассника, только что принятого в пионеры). Сохранились коллективные фотографии 1-го и 2-го класса с Лилией Алексеевной в центре, заметна потрясающая беднота школьников,

на обоих снимках только на мне белая рубашка.

Челябинск-40. Весна 1950 г. 2-й класс. Первая учительница Лилия Алексеевна.

Обучение в школе — тяжёлый труд, многое в последующей жизни человека зависит от способности сознательно выполнять возрастающие объёмы умственной и физической работы. Сколько помню, никогда не занимался приготовлением уроков под давлением. Основную часть школьной жизни я учился во вторую смену (в те времена школы работали в две, а то и в три смены). Являясь «жаворонком», никогда не ждал заунывного «вставай делать уроки». И сейчас считаю, домашние задания лучше выполнять утром на свежую голову, а ведь раньше на дом задавали много. Правда, не было такой привлекательной для детей «заразы» как телевизор и я, как правило, самостоятельно ложился спать не позже 10 часов вечера.

В художественной самодеятельности участвовал с удовольствием с 1-го класса, где мы хором пели «Вновь богачи разжигают пожар, миру готовят смертельный удар…». Как это похоже на сегодняшнюю Северную Корею. В школьном хоре я всегда любил петь. А вообще-то больше склонен к чтению стихов на сцене, розыгрышу небольших интермедий.

Первые два класса закончил круглым отличником, а вот после перевода в третий класс новой прекрасной четырёхэтажной десятилетки на проспекте Сталина учился гораздо хуже (без

троек, конечно). Учитывая, что позже, в пяти разных школах, учился весьма прилично, сделал вывод, причина в следующем: попал в другую среду учеников (и учителей!) и не хватило времени для адаптации. В школе на Течке я был «белой вороной» среди детей нищих малограмотных родителей. Новую школу посещали в основном дети совсем других родителей, более обеспеченных и интеллектуально развитых — «заводчан», т. е. имеющих отношение к эксплуатации атомных объектов. Естественно, в 3-м классе мне это было непонятно. «Строители» (имеющие отношение, даже косвенное, к строительству атомных объектов) и «заводчане» — в эти две категории укладывалось население Челябинска-40. Основную массу первых строителей в Челябинске-40 составляли зэки и бывшие трудармейцы. Вольнонаёмных «строителей», освободившихся зэков и «потенциальных шпионов» регулярно с 1949 г. в летний период эшелонами отправляли на Колыму. Бериевский способ сохранения секретности.

Не столько учёба осталась в памяти от Челябинска-40.

Рождение сестры Вельды, будучи первоклассником, понятия не имел, что мама беременна, и кто-то должен появиться.

Драки улица на улицу, иной раз невозможно было пройти свободно к школе на Течке.

В третьем классе ходил по карнизам 4-го этажа из окна в окно на перерыве (как-то засекли учителя, вызвали родителей, дома — большой шум, тогда мне не очень понятный).

Как-то отец, придя раньше времени с работы, застукал кампанию третьеклассников, курящих в сарае. Здесь уж он меня натурально порол (не в угол ставил), боюсь соврать, единственный раз в жизни. Уж не знаю, повлияла ли порка, но я так к курению не пристрастился, хотя папа много курил всю жизнь, последний окурок выбросил за 15 минут до смерти.

Отвращение к принудительно навязываемому приёму рыбьего жира, до сих пор тошнит при появлении знакомого запаха.

Богатые для того времени городские новогодние ёлки (в подарок за выступление в сценке из Некрасова в роли «мужичка с ноготок» получил конструктор, немыслимо роскошный подарок).

На день рождения (10 лет) гости принесли 3 одинаковых подарка — «Три зимовки во льдах Арктики» (читал я действительно много, толстенная книга показалась гостям в самый раз). Кстати, в Советском Союзе активно пропагандировали освоение и заселение северных просторов. Что мы видим в начале 21-го века?

Не обошлось без болезней. «Подцепил» где-то стригущий лишай (сейчас называется трихофития), в основном волосы

удалось спасти, но на всю жизнь осталось пятно. Мама стыдилась даже говорить на эту тему, так как заболевание возникает в антисанитарных условиях. Кстати, до 1955 г. все мальчишки-школьники до 7-го класса должны были стричься наголо (до сих пор ощущаю ужас от ежемесячной стрижки в парикмахерской старой ржавой машинкой, причём школьников, как правило, стригли практиканты). Злополучное пятно спрятал, когда начал стричься под полубокс.

В марте 1951 г. ночью увезли на операционный стол с приступом аппендицита. Папа с мамой находились в операционной, но у хирургов не принято оперировать близких родственников. Мама говорила, что аппендикс был гнойный и вот-вот должен был разорваться. Сам же я запомнил два момента: вечером перед операцией съел половину большой сковородки жареной картошки; очнувшись после операции, ощутил неприятную тяжесть в животе. Недели через 3 пошёл в школу, но боли в животе не исчезли, периодически появлялись приступами. Мама меня успокаивала, дескать, образуются спайки, надо соблюдать строгий режим питания и всё пройдёт. Я не знаю, о чём они говорили с папой. Жизнь показала (лет через 40), что фактически проявлялись первые признаки язвенной болезни желудка. Но в то время не было такой аппаратуры для внутреннего обследования организма, которая доступна сейчас в любой городской больнице.

В конце 40-х традиционная забава мальчишек — устраивать взрывы ацетилен-кислородной смеси, называлось «поджечь карбид». Делалась ямка в земле, туда насыпался карбид кальция (на стройках легко доступен), сверху ставилась пустая консервная банка, помаленьку добавлялась вода, а затем чиркали спичкой. При хорошей подготовке банка улетала вертикально вверх метров на 50. Соседский 8-летний мальчишка как-то замешкался, банка попала ему прямо в лоб. За гробом второклассника шли сотни школьников. Для меня урок, всегда старался оберегать от подобных забав своих детей. Удивительный факт, лет через 20 от подобного процесса чуть не погибла старшая дочь Эльвира. Дело было так. В Талды-Кургане бригада «шабашников» устанавливала батареи в родительском доме, используя самодельный сварочный агрегат для ацетиленовой сварки. Аппарат находился во дворе, Эля (года четыре) крутилась рядом. Агрегат неожиданно взорвался (по-видимому, проскочила искра), причём сила взрыва была такая, что чугунная крышка улетела через 2 квартала и разбила шиферную крышу. К счастью направление взрыва, на звук которого сбежались десятки соседей, было в сторону от дома. Шок от возможной трагедии сложно описать.

Запомнились и мирные забавы. Много времени играл с ровесниками в шахматы (не в шашки), научили родители лет в 6. Штандар — любимая игра детворы с мячом, преимущественно жёстким теннисным, чтобы больнее бил по телу. Чугунная жопа (прыжки через сидящего с горой кепок на голове, сколько кепок сбил столько, поставленный раком, получаешь ударов задницей сидящего, раскачиваемого за руки-ноги игроками, затем превращаешься в сидящего). Чехарда. Чика — уличная игра на металлические деньги, не «пристенок», хороший биток — мечта любого пацана. Лапта, напоминает современный бейсбол. «Пёрышки», имел целую коллекцию выигранных перьев для письма (нынешние поколения школьников даже понятия не имеют о перьевых ручках и чернильницах — основных источниках грязи в тетрадях, на руках, лице и одежде).

Самые ранние воспоминания о кино. Построен кинотеатр и на площади перед ним из микрофонов голос Марка Бернеса «Фронтовая, не страшна нам бомбёжка любая…». К билетным кассам не пробиться, толпа берёт штурмом два окошечка. Мальчишки моего возраста с помощью взрослых передвигаются к кассе по головам. Покупаем входной билет за 10 копеек, располагаемся на полу перед первым рядом и, задрав головы (позе не позавидуешь) внимательно смотрим двухсерийный цветной (!) фильм «Падение Берлина» с Геловани в роли Сталина. Периодически приходилось передвигаться на сухое место, кое у кого сзади не выдерживали мочевые пузыри (можно сейчас такую дикость представить?). Не помню, были ли в конце 40-х ещё цветные фильмы, мне казалось, что лучше фильма не может быть. Напомню, фильм вышел в атмосфере всенародного сбора подарков к 70-летию Сталина. Лично мне (скорей всего и подавляющему числу сверстников) «изверг рода человеческого» казался самым, самым, самым. Сравнил бы его с Богом, но в школах пропагандировали атеизм, мыслей о Боге у меня не могло быть.

Ежегодно, с 6 лет ездил в отличный пионерлагерь куда-то в район Кыштыма. Первая ночь в июне 1948 г. и дошкольник «поплыл» (единичный случай, не оказалось рядом бабушки с её профилактикой), так было стыдно, словами не передать. Вспоминаю не случайно, зачастую воспитатели забывают, что имеют дело с малыми детьми, резко вырванными из дома. Сколько раз и в пионерских лагерях и чуть позже в интернате наблюдал, как чисто физиологические проблемы детей превращались в нравственные, когда дети убегали домой, подальше от насмешек ровесников, да и взрослых тоже.

В районе пионерлагеря много ужей (удивительно, не

противно было закручивать неядовитых, но вонючих, змей на шее и руках) и слюды, выходящей на поверхность. Невдалеке от лагеря стоял трофейный танк (как и зачем он там оказался мне и сейчас неясно, но пацаны любили по нему лазить). Хорошо запомнил возврат из лагеря 1 июля 1951 г. На улице жара, а в квартире темнота (окна занавешены), прохладно и бабушка приготовила что-то вкусное.

Не прошло и двух суток, как в жизни нашей семьи начался очередной перелом, для родителей трагедия, для меня — познание удивительного мира. Во второй половине дня 3 июля появился мужик с кожаной сумкой и заставил папу (находился дома на больничном, сломана ключица) расписаться за получение какой-то бумажки. Сразу я не понял, что произошло, все в доме забегали, мама с бабушкой начали срывать шторы. Оказалось, принесли предписание быть готовым к 6 утра 5 июля к отправке на Колыму.

Начались срочные сборы с помощью знакомых, бесполезные обращения друзей к руководителям Челябинска-40 (работники ведомства Берия), поиски сундуков для упаковки вещей, покупка чемодана вафель, ликвидация и зажарка всех кроликов… Одна из основных версий (истинные причины сгниют в архивах МВД) нашей скоропостижной отправки связывается с тем, что во время войны бабушка была в Германии.

Рано утром вещи загружены в грузовик и в 6 часов нас привезли к отправной точке. Яркое солнце. Около железной дороги настоящий табор (вооружённая охрана!) под открытым небом с отдельными семейными кучками. Очень громко играет музыка. Разносят обед — «кулеш». Мне очень интересно. А у кого-то солнечный удар (5 июля!). Бабушка больная, у отца ещё не снята повязка с ключицы. После обеда началась погрузка. При отправке разрешили взять все вещи, так что две трети железнодорожного состава — товарные вагоны для людей, треть состава — с вещами. С собой у нас несколько чемоданов, половина из них с закупленной и заготовленной едой.

Отчётливые впечатления от поездки на Колыму не стираются в памяти. Товарный вагон с решётками, сплошные нары с двух сторон в два яруса. В центре фанерная параша. Нашей семье посчастливилось (или авторитет родителей сработал) занять верхнюю полку в сторону движения и я расположился у окна. Всего на нарах человек 30. Вагон открывался два-три раза в день только для доставки ведра с перловым супом, ведра с чаем и 4–5 булок чёрного хлеба. Тяжело заболела Вельда (см. «Сестра»). Недели через две пути на каком-то разъезде детям разрешили погулять около вагона (взрослых не выпустили), охрана с

винтовками наперевес (именно винтовки, а не автоматы).

Поражало обилие голодающих вдоль железной дороги, мы постоянно бросали людям остатки хлеба. Поскольку я располагался у окошка, то многократно встречал удивлённые взгляды и вопросы: «Почему за решёткой дети?». Конечно, трагичность ситуации мне тогда была недоступна (страна «самых счастливых» детей в мире!), но это было «открытие мира». На удивление много вдоль дороги раскосых людей, всех их называл «бурят-монгол». Никто не поправлял, взрослым было не до моих восторгов.

Через три недели состав выгрузили в одном из лагерей Ванино, знаменитого специфическими песнями как перевалочный порт на Магадан. Лагерь огромный, эшелон за эшелоном прибывали из засекреченных городов типа Челябинск-40 (Глазов, Невьянск…). Между бывшими зэками из разных мест началась поножовщина. Папин больной бывший зэк Гроль охранял наши вещи, ночуя прямо на сундуках, поставленных друг на друга. Удивительное для 1951 г. зрелище — грохочущие пролёты реактивных истребителей над лагерем на небольшой высоте. До того я вообще самолётов близко не видел, не говоря о реактивных, так как над Челябинском-40 только Пауэрс в 1960 г. попытался пролететь.

Примерно месяц лагерь-накопитель работал на приём, затем началась погрузка тысяч (более точную оценку дать не в состоянии) людей в трюмы с многоярусными нарами товарного теплохода «Минск». Трюмное заключение — 5 суток, дышать нечем, постоянно качает (3–4 балла), вкус компота ткемали, много банок куплено в качестве средства против укачивания ещё в лагере, противен до сих пор. Впрочем, охрана разрешала иногда детям подышать на палубе, мне даже удалось случайно увидеть, как сбрасывали за борт труп, завёрнутый в матрасовку, но осторожные родители старались не допускать самостоятельные прогулки.

Магадан, порт Нагаево, очередная трёхнедельная пересылка. Изредка выпускали из лагеря погулять по городу. Пасмурно, Магадан казался удивительно серым и мрачным. Глаза десятилетнего пацана выхватывают непривычные картинки. По улицам пешком водят зэков туда-сюда. Никак не мог понять, почему колонны средь белого дня периодически идут навстречу друг другу. Запомнил колонну женщин, каторжан (нашитые крупные номера на спине и на груди, охрана с винтовками на перевес и собаки), никогда даже передвижения мужчин с такой охраной не видел.

Сопровождающие этап офицеры утрясли в принимающих

органах конкретные места расселения «особого контингента». Подана колонна «Татр» с прицепами. В прицепах вещи, в основном кузове под тентом человек 10 на своих матрасах, тюках. Два водителя, два вооружённых охранника в кузове и вперёд по колымской трассе, почти 600 км на север. Гравийная дорога с бесконечными выбоинами, до асфальта ещё не дожили. На коротких остановках («девочки налево, мальчики направо») поразило обилие ягод (сентябрь!), в первую очередь, брусники.

Примерно двое суток дорожной пыли, затем последняя перевалка, вдоль трассы около посёлка Саганья установлены палатки, человек на сто каждая. Размещены, ждём, пока за нами приедут. Трактора с санями вывозят с прииска «власовцев», нацменов, представителей южных районов СССР не русской национальности (в то время всех граждан СССР, которые воевали на стороне Германии, называли «власовцами»). Предусмотрена практически полная замена жителей прииска. Наконец, грузимся в сани. Дороги нет, есть контуры направления с бесконечным пересечением мелких речушек, разнокалиберных каменных россыпей. Более суток преодолевали 30 км, остановки только на ремонт, трактора старые, постоянно спадают гусеницы или отлетают башмаки. Кто хочет, сидит на санях, большинство идёт следом, лакомясь ягодами. Трактористы без конца чифирят (пачка чая заваривается в алюминиевой кружке). Много позже я понял, на Колыме чифир — своеобразная защита водителей в страшных северных условиях и круглосуточном режиме работы (заснёшь за рулём — погибнешь, никто не успеет помочь).

21 сентября 1951 г. (78 суток в пути), прибыли на золотодобывающий прииск «Джелгала». Варлам Шаламов в «Колымских рассказах» неоднократно упоминал страшную Джелгалу. В первый же день лично мог в этом убедиться, хотя о писателе Шаламове услышал лет через 40.

Золотая осень, прямо за стенами больницы, в которой нас поселили, «море» голубики и брусники. По ягодникам бежит, петляя, человек, а за ним несутся трое солдат с пистолетами и стреляют, пока человек не упал. Позже я многократно видел подобные сцены в кино— и телебоевиках, кто-то из читающих может подумать, что я фантазирую. Но я всё видел метров с 10, правда, подойти ближе к убитому побоялся. В детстве я много слышал о нравах заключённых, о взаимоотношениях заключённых с охраной, о ничтожной стоимости человеческой жизни в каторжных условиях, но открытое убийство безоружного человека увидел первый и, надеюсь, последний раз в жизни.

При оформлении на работу родители в который раз столкнулись с дискриминацией по национальному признаку. Все

приехавшие по этапу разделены на 2 категории: бывшие зэки (в основном, русские) и немцы. Русские заключают обычный северный договор на 3 года с повышением северных надбавок каждые полгода, и после отработки 28 месяцев (в год 2 месяца отпуск и 2 месяца в 3 года даётся на дорогу) могут свободно ехать на материк в любом направлении. С немцами договор не заключается, и они не имеют права покидать прииск. А ведь привезены строители секретных оборонных объектов страны на Колыму в одинаковых скотских условиях.

Единственная власть на прииске — начальник прииска, подчиняющийся Северному управлению (центр — Ягодное) Дальстроя (входит в состав Хабаровского края), деления по районам нет, милиции нет, только солдаты. Связь с Ягодным — телефон и пешеходный курьер. Зимой накатывается дорога, работающая с большими перебоями.

Первое время жили в больнице (мама с папой — весь врачебный персонал), затем получили двухкомнатную квартиру. В кухне клетка для свиней, над ними клетка с курами. Моя работа — каждый день приносить с лесопилки полмешка опилок. Запомнил бойцовый характер петуха. На прииске и жило не больше 10 петухов, он побивал всех, однажды потерпел поражение, кто-то положил петуха без признаков жизни на завалинку (не исключаю, его поражению поспособствовали люди), несколько дней не мог ходить. Но оклемался.

Колыма, Джелгала. 1952 г. Центр детских развлечений, я в кепке.

Справа перед отправкой в интернат.

В приисковом магазине сухие молоко и яичный порошок, сушёные картошка, лук и другие овощи. На полках в изобилии

консервные банки, включая остатки от американской помощи в военные годы (бабушка была очень довольна наличием коробок с не используемыми северной кухней специями, запомнил анис чикагского производства). Витамины добывали сами: кедровый стланик, брусника, голубика… К счастью, всё это было в изобилии. Папа снабжал аптечными витаминами, в первую очередь драже из шиповника. Из голубики папа ставил вино. Как-то ночью двадцатилитровая бутыль взорвалась, перепуганы все, а голубизну на стенах так и не удалось ликвидировать. Цены на прииске по тем временам бешеные и «круглые»: мясо 100 руб./кг, яйца 100 руб./десяток, курица — 300 руб. (в магазине ничего этого не было). Изредка зимой появлялись оленьи упряжки, якуты привозили мороженное молоко и оленину (на прииске — праздник). Бабушка продавала яйца поштучно и вела запись. Как купили 10 кур и петуха за 3200 руб., так и продали через год за эту же цену перед переездом в Ягодное. Куры окупили себя, правда и кормили их хорошо витаминизированной пищей: орехами, брусникой, свежей зеленью (овёс проращивали в ящиках на окнах)…

Борька и Васька тоже оставили в памяти след, особенно первый. Кабанчики хорошо росли, вымахали килограммов по сто, потребовалось превратить их в мясо. Жалко, до слёз! Навязался заколоть свиней один типичный блатной урка. Оплата свежениной. Мы все ушли за дом, подальше от места «казни». Вдруг душераздирающий рёв, мимо пролетает Борька с финкой, воткнутой по самую рукоятку, понёсся по прииску. Следом бежит горе-специалист. Свинью колоть — не человека резать. Сколько лет прошло, такое не забывается.

22 сентября пошёл в школу. Опять начальная. Трёхкомнатный дом, 19 учеников, одна учительница. Помню только фамилию, она с мужем — приисковым радистом «рыжим Бияйко» жила в соседней квартире (детей не было, муж издевался, и бабушка жалела её). Некоторые родители периодически устраивали обструкцию учительнице, писали какие-то письма, но мои этим не занимались и претензий учительнице не предъявляли. При школе жил сторож — уборщик, чистоплотный, крепкий, усатый мужчина лет 50–60 родом с Западной Украины. Я в его каморке часами находился, похоже, он был из дезертиров по религиозным причинам. Привязанность была взаимной. После мытья или подметания всегда опрыскивал классы одеколоном, которым снабжал его папа (зав. аптекой!).

Учёба проходила в две смены: 2-й и 4-й класс сидели вместе, выпускников 6. Занимался неплохо, на выпускные экзамены приехал (пришёл!) учитель из Ягодного (запомнил его большие

резиновые сапоги). Экзамены сдал отлично и получил похвальную грамоту с изображениями Ленина и Сталина, любопытный, по нынешним временам документ.

В центре Джелгалы стоял небольшой клуб, здесь и кино и концерты, и всякого рода собрания. Запомнил выборы весной 1952 г., вдвоём с одноклассницей стоим в парадной пионерской форме около урны и салютуем каждому голосующему. Все молчком бросают бюллетени и направляются в буфет. Неожиданно один мужик перед опусканием бюллетеня торжественно произносит: «Голосую за партию Ленина-Сталина…». Рядом никого из взрослых или фотографов не было. Мини-речь человека, принудительно сосланного на Колыму, впечатляет даже спустя полвека. Маленький пример силы пропаганды.

Главное развлечение на прииске — кино. Вместе с отечественным «Чапаевым», «Мы из Кронштадта» стали привозить фильмы Голливуда, предварявшиеся фальшивой надписью «взяты в качестве трофея в Великой Отечественной войне». Однажды привезли «трофейный» «Тарзан» (в главной роли олимпийский чемпион по плаванию Джонни Вейсмюллер), сначала 1-ю серию, затем по очереди остальные три. Ажиотаж!!! Я видел, как толпы людей сносят двери в клуб, пришлось вызывать солдат. Думаю, если посмотреть «Тарзан» сейчас, он покажется примитивным (причины разные, главное мы стали умнее и больше знаем об окружающем мире). Но в 1952 г., африканская экзотика, снятая в Голливуде (отечественный зритель об этом и не догадывался) произвела потрясающий эффект. Уже после 1-й серии пацаны, думаю не только на Джелгале, бегали по улицам, пытаясь подражать голосом Тарзану (нечто подобное происходило лет через 20, когда отечественный зритель познакомился с популярным французским сериалом, и на каждом заборе появилась надпись — Фантомас). Лет пять, а может и больше, ходили анекдоты про Тарзана и Читу, причём в стихотворной форме, некоторые помню до сих пор, неудобно печатать полностью (к примеру, как Чита заставляла Тарзана идти на работу и зарабатывать деньги).

Для детей рядом с клубом когда-то создана ручная карусель, вокруг неё и собиралась приисковая детвора. А ещё запомнил как летом часами гонял по приисковым тропинкам, тротуарам и дорогам колесо с помощью специально изогнутой прочной стальной проволоки — полезное для детей занятия, колесо катится только когда бежишь (что-то из серии доступных цирковых забав).

В морозные зимние дни, когда температура воздуха не

поднималась выше -50? школьники развлекались дома, я больше читал и сортировал марки. Филателия — увлечение с раннего детства. Сбором марок впервые занялся ещё в Челябинске-40, когда папа приносил марки с работы, т. е. оторванные с конвертов. С тех времён запала в память марка номиналом несколько копеек «Чечены» (именно, так). На Колыме я подружился с почтмейстером (на Джелгале он хозяйничал в маленьком помещении) и добился разрешения отрывать марки от приходящих писем. Кощунство, без сомнения. В 10 лет это не всегда понятно.

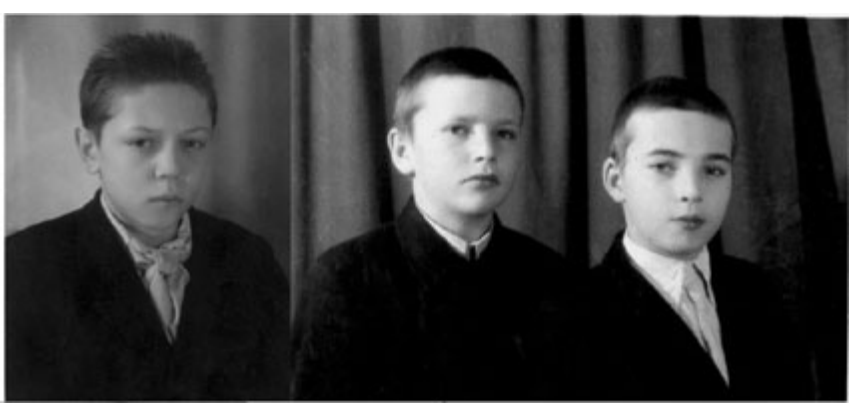
5-й — 7-й классы

1952–1955 гг.

Кончилось лето, впереди новая, совершенно особенная жизнь. В последний день августа 1952 г. руководство прииска переправило выпускников начальной школы в интернат центра Северного управления Дальстроя посёлок Ягодное. До колымской трассы 30 км шли пешком, чемоданы на лошадях, а дальше на крытом грузовике. Папе с мамой не дали возможность проводить ребёнка (прииск покидать запрещено).

Интернат при средней школе. Рядом три здания: школа, интернат, столовая. В спальнях по 8-10 человек. Первая неожиданность: старшеклассники роются в моей тумбочке и на глазах тройки малолеток (в интернате 5-й класс — младший) выгребают то, что нравится. Ни тебе «здрасьте», ни тебе «спасибо».

Проживание в интернате в школьном возрасте помимо очевидного отрицательного момента — отрыва от родительского влияния, имеет и положительную сторону, приучает к самостоятельности в жизни (без напоминаний выполнение уроков, уборка за собой, режим, мелкая стирка, баня и многое другое). Именно с тех пор я всегда мыл пол руками, никогда шваброй, не случайно в народе называемой «ленивкой». Существовали воспитатели, но далеко не все дети могли адаптироваться к жёстким условиям интерната. Двое из 6 ребят, приехавших вместе со мной в 5-й класс, сбежали к родителям на прииск и бросили учиться. Учёба в интернате проходит гораздо сложнее, чем в домашних условиях, слишком много отвлекающих моментов.



Колыма. Ягодное. 1953 г. Неразлучная троица: Алёша

Денисов слева и Саша Жалков справа.

Конечно, тянуло домой, и на зимние каникулы в канун Нового 1953 года, школьников (человек 15, включая старшеклассников) привезли на прииск. В начале января морозы спали, поднялась метель, связь с внешним миром прекратилась, возврат задержался недели на две и проходил следующим образом: школьники набились плотно в легковой «газик» начальника прииска (прародитель современных УАЗ-469), который поставили на сани, трактор дотащил до трассы.

Папу изредка начали выпускать из Джелгалы в Ягодное за медикаментами для приисковой больницы. Естественно, он появлялся в интернате, выкладывал из большой сумки бабушкины деликатесы, другую продуктовую вкуснятину и много витаминов.

В комнате начиналось веселье, как только папа исчезал. Двери на замок и справедливый делёж всего поступившего через завязанные глаза. Чтобы старшие ребята не отобрали (интернатовская дедовщина), приходилось максимум съедать сразу, остаток попытаться спрятать. С продуктами 8 пятиклассников справлялись быстро.

А витамины? Витамины на Колыме необходимы как воздух для поддержания жизни. Через 45 лет, когда я в Германии вспоминал интернатские проделки, папа не мог поверить, как мы варварски пожирали витамины. Все упаковки имеют чёткие указания о максимальном суточном потреблении (1–3 драже для различных витаминов). Но эти записи не для нас. Особенно ребятам нравились крупные мягкие коричневые драже в картонных коробках, витамин С. Конфеты и конфеты, по вкусу и консистенции чем-то напоминают гематоген. С одной коробки получалось по 50 драже на человека. Максимум два дня и витамин С исчезал в наших желудках. Но это ещё семечки.

Пацаны приспособились, благодаря витаминам, отлынивать от уроков, обманывая воспитателя и школьного медика, не все сразу, а по очереди, по мере необходимости. Одновременное потребление 10-20-30 драже витамина РР (для каждого организма доза разная), давало дикую аллергию, повышение температуры, тело и лицо покрывается красными пятнами. На всю жизнь запомнил ощущение, будто тело пронизывают иголки, невозможно ни сесть, ни лечь. Воспитатель бегает, «кудахчет», не может понять, в чём дело, а одиннадцатилетним мальчишкам смешно до колик в животе.

Как беда не приключилась?

Запомнился крайне неприятный случай, связанный с

очередной посылкой из дома, когда преодолел страх перед возможными последствиями. По порядку. В общежитии участились факты воровства. Как-то ночью проснулся, дверь приоткрыта и коридорный свет падает прямо в лицо. Смотрю (чуть-чуть приоткрыв глаз) у моей тумбочки стоит воспитатель-грек и нюхает банку с Gribenschmalz (смальц, прокрученный со шкварками — любимое в нашей семье лакомство для бутербродов, русским пацанам он не нравился), не может понять, что это. Было очень страшно, зажмурил глаза. Утром прошу ребят проверить карманы. У одного пропало 50 руб. Через полчаса заскакивает огромный (или так казалось) грек и кричит: «Кто видел? «Отвечаю: «Я видел!» Швыряет на стол 50 рублей и выскакивает из комнаты. Начали ждать последствий, со мной ходили 2–3 человека. Грек исчез, несколько позже узнал, что его жестоко избили старшеклассники.

Любимыми лакомствами в интернате считались замороженные до каменного состояния ломтики хлеба (у каждого своя потайная уличная морозилка, тем более что температура зимой опускалась до -62?), нечто вроде сухарей «наоборот», и жареная картошка. Последняя не готовилась для общего потребления, но каждый вечер после отбоя кухня приглашала 5–6 человек чистить картошку. Первую партию очищенной картошки отправляли на огромную сковородку, часа полтора чистили, а затем — блаженство! Очень любил эти часы в большой интернатской кухне. Напомню, свежей картошки в Ягодном практически не было, только для детей и больниц привозили издалека.

В интернате приучился бережно тратить выделяемые родителями деньги. В летнее время собирал ягоды (голубика и брусника) и сдавал в приёмные пункты, взамен всяких дефицитных в то время мелочей, в частности запомнил приобретение простых маек. Без какого-либо принуждения со стороны родителей. Кстати, после 5-го класса открыл личную сберкнижку, куда складывал сэкономленные рубли, если память не изменяет, то к отъезду на «материк» на ней было ~ 250 рублей (детский билет в кино стоил 10 копеек).

В школе у меня было двое близких друзей, одноклассников и жителей Ягодного: Саша Желнов и Алёша Денисов. Удивительно приветливо меня принимали в доме Саши (отец — руководил службой безопасности Северного управления, большой дом, домработница). Помню Сашин день рождения, богатый стол. Всё чинно, как в кино. А я, интернатовец, в лыжном костюме с начёсом и протёртой коленкой.

С Алёшей я даже переписывался, когда мы покинули Колыму.

Отличный мальчишка, жил с отцом и мачехой в комнате общежития. Учился он, помнится, чуть-чуть лучше меня. В меру озорной, хотя неожиданно для меня, учителя стали выговаривать моим родителей, что Алексей на меня плохо влияет. Чушь собачья! Дома у него была сложная ситуация. Алёша больше времени проводил в интернатском общежитии, а после переезда моих родителей в Ягодное, у нас дома. Только один раз я видел Алёшиных родителей, озабоченных сыном. Алёшу хотели побить в школьном туалете, пытаясь увернуться от удара, он рассёк кожу около глазницы о перегородку между унитазами. Заражение крови, через день лицо Алёши представляло сплошное лиловое месиво, страшно смотреть. Алёшин отец плакал в нашей квартире, уговаривая родителей спасти сына. Срочная стационарная хирургическая помощь позволила сохранить Алёше жизнь. Уже в восьмом классе я получил от него письмо с фотографией из Магадана, родители не дали ему окончить среднюю школу, отправили в Магадан, где он поступил в горный техникум. Жаль! Талантливый был мальчишка. Не знаю, как сложилась его судьба.

В интернате участвовал в первенстве средней школы по шахматам, особых успехов не добился, занял 5-е место при 14 участниках. Дальше следовало специально заниматься, но, столкнувшись с несколькими игроками на «голову выше», потерял интерес к публичной игре.

На Колыме в 1951-54 гг. на удивление богатые (по сравнению с Челябинском-40 времени нашей высылки) библиотеки. Перешерстил школьные библиотеки, приисковую (Джелгала) и центральную (Ягодное). На стеллажах масса книг, изданных в 30-е, позже я их не видел. Например, изданная в 1940 г. книга английского автора «Тайная война против Советской России», запомнившаяся пророческой финальной фразой (суть): после убийства Троцкого остался один претендент на российский престол — Адольф Гитлер!

Или прекрасное многотомное издание «Тысячи и одной ночи», только лет через 30 подобное увидел на материке. Были (и немало) книги о гражданской войне с вырванными отдельными страницами или замазанными лицами на фотографиях. На материке я подобного не встречал, только в 90-е начали показывать книги из секретных архивов с купюрами, связанными с разоблачениями очередных «врагов народа», ранее героев революции и гражданской войны. Трудно понять, почему там, в колымской глубинке эти книги не уничтожались, как везде на материке. Скорей всего команда доходила до конкретных библиотекарей через «испорченный телефон», слишком много

передаточных звеньев, книги в большинстве «на руках», а потом война и не до книг стало. Молодым читателям возможно интересно знать, что в 30-е — 50-е библиотеки пользовались огромной популярностью, на руки давали по 5-10 экземпляров книг, в библиотеке с фондами в 50 тысяч экземпляров процентов 10 находились непосредственно в библиотеке. На отдельные книги велась письменная очередь. Книги старались не воровать и возвращать во время, иначе новые не получишь, ТВ не было, единственный кинотеатр по 2 недели крутил один фильм, а морозные ночи очень длинные.

На Колыме родители покупали много книг в домашнюю библиотеку (помню, продавал на улице за копейки осенью 1954 г., когда нам разрешили уехать на материк, на себе тащить книги было просто невозможно). Увезли несколько книг с официальными надписями, типа «За хорошую учёбу…». Одна из них «В Крымском подполье» И.Козлова, изданная в Магадане в 1948 г. (стоит и сейчас на стеллаже, автор — секретарь подпольного обкома), оказалась востребованной через 20 лет, один из реальных отрицательных персонажей оказался ректором тюменского индустриального института. Многим приятелям я открыл глаза на молодость авантюриста «чистой воды». Не исключаю, что ректор Косухин ранее не видел этой книги, иначе он бы не рекламировал себя в качестве подпольщика с кличкой «Костя». В 70-е появилось переиздание книги, раза в 3 большего объёма, но характеристики «Кости» остались без изменений.

В школе не было тяги к поэзии, хотя декламировал стихи и даже большие поэмы, быстро схватывал и долго помнил. На Колыме публично читал симоновское «был у майора Деева друг майор Петров» или лермонтовское «не будь на то господня воля, не отдали б Москвы».

Кое в чём интернат оказывал отрицательное влияние на подростков, скажем, распространением азартных игр. Карты, точнее первую игру — «пьяницу» — освоил рано, ещё до того, как разобрался в шахматных фигурах. Позже научился играть в дурака. Качественный скачок в карточных играх произошёл в интернате, играли тайком, так как воспитатели карты отбирали. Сначала освоил «девятку», затем «кинг», «буру», «1001», наконец, «очко». Все, кто пробовал играть в «очко», имеют представление об азартности игры. Нужно иметь силу воли, чтобы вовремя остановиться. 11-летние пацаны играли в «очко» на пули. Бог сберёг нас, когда мы собирали пули за мишенями боевого стрельбища, не имевшего никакого ограждения. Из пуль выплавляли на костре свинец и отливали пистолеты, битки для игр с денежной монетой, «зоски» (кожанка с мехом и грузом,

которую подбрасывают внутренней частью стопы, кто больше) и т. п. К счастью, не начали играть на деньги, присылаемые копейки мгновенно реализовывались, пока старшие ребята не отобрали.

Не могу забыть пакость, которые интернатские пацаны устроили для автомобилистов. Как-то в воскресенье 4–5 человек решили пойти по трассе пешком из Ягодного до Саганьи, чтобы назад вернуться на машине. Два одноклассника жили в Саганье, каждую субботу родители их забирали, а воскресным вечером привозили в интернат. Примерно, 18 км. Шли часа 4, а по пути из указательных дорожных знаков, выковыривали рефлекторы (машин на трассе было мало, и никто не дал нам «по ушам», а заслуживали!). На эти рефлекторы играли в очко и другие игры. Сколько шоферов-дальнобойщиков недобрым словом поминали ночью неизвестных вредителей.

Колыма, Ягодное. 1953 г. Лучшие ученики. Я третий справа под портретом вождя, второй Алёша Денисов. В центре директор школы Комиссарова, справа «пристроилась» интернатская кухня.

На Колыме я слышал немало страшных правдивых историй, но видеть в возрасте 10–12 лет труп зарезанного человека — большая психическая нагрузка на детский организм, оставляющая в душе рубец на всю оставшуюся жизнь. В нынешнее время натуральные сцены насилия показываются по всем телеканалам и

чувства детей, в массе своей, атрофируются к восприятию чужой боли, несчастью конкретного человека, если, конечно, это не близкие родственники. Но я описываю начало 50-х, когда в кино (о ТВ ещё не слышали) жестокие сцены показывались ограниченно, в пропагандистских целях, да и то в исполнении белогвардейцев или гитлеровцев. Хорошо запомнил труп в парке Ягодного, интернатские пацаны толпой бегали смотреть. Не знаю, почему его полдня не убирали. Много крови, хотя ножа не видел. Как и в предыдущем случае на прииске, я ничего не знал о личности убитого, по какой причине его насильственно выкинули из жизни, но в обоих случаях это были нормально одетые мужчины (не бомжи) и, судя по детскому восприятию, не старше 40 лет.

Тяжёлое впечатление произвела смерть Сталина. Хорошо помню первые ощущения при известии о смерти Сталина. Интернатские мальчишки-пятиклассники планово моются в бане. В предбаннике радио начало передавать первые сообщения. Общее состояние — шок. Митинг на центральной площади Ягодного. Тысячи человек без головных уборов (7 марта на Колыме ещё холодно), воспитатель безуспешно пытается заставить интернатских надеть шапки, митингующие искренне плачут. Возможно, моя личная реакция мало отличалась от реакции подавляющего населения страны, но забыть, как на площади в Ягодном (глубинка Магаданской области, где подавляющее большинство населения составляли сосланные и те, кто их охранял) перед домом культуры плакали сотни взрослых мужчин, невозможно.

В день похорон подавленные горем люди ждали у репродукторов радиотрансляцию из Москвы, 5-минутный рёв заводских сирен, траурные минуты молчания. Помню всесоюзные траурные минуты в актовом зале школы.

И это Колыма! Большинство людей привезено принудительно и не имеют возможности выехать на материк! Существовало (существует) типично российское раздвоение общественного сознания: Сталин — одно, НКВД — другое; враги со всех сторон мешали Сталину строить социализм. Я не верю большинству современных мемуаристов и писателей, описывающих тот период (исключение — Солженицын), которые якобы тогда (в марте 1953 г.) радовались смерти Сталина. Другое дело, когда в 1956-58 гг. и позже у желающих слышать и видеть «открылись уши и глаза». Я сразу и бесповоротно изменил на 180R отношение к Сталину, а чуть позже и к Ленину. К стыду России более половины населения не хотят слышать о великих несчастьях, которые принесли народу злые гении-недоучки

Ленин, Сталин и созданная ими государственная машина подавления личности.

Мальчишки в интернате активно обсуждали, кто заменит Сталина: Ворошилов или Молотов. Оказалось — Маленков.

Последствия смерти Сталина проявились быстро. Родители реабилитированы, с ними заключён обычный северный трёхгодичный договор, причём со времени приезда на Колыму; разрешено покинуть прииск «Джелгала» и переехать в райцентр Ягодное, что и было сделано летом 1953 г.

Поселились в самом центре Ягодного. Две комнаты в коммунальной квартире на верхнем этаже двухэтажного дома и общая на 4 семьи кухня. На кухне и произошёл эпизод, над которым всё ещё смеялись папа и мама почти через полвека в Германии.

Учитель рисования поставил задачу изобразить с натуры предмет домашнего обихода, любой. Моя ответственность при выполнении уроков в младших и средних классах явно опережала способности к рисованию.

Бабушка легла отдохнуть после обеда, я расположился на кухне. В качестве модели на стол возле окна водружён слегка почищенный кирзовый сапог (в те годы пацаны на Колыме как солдаты щеголяли в весенне-осенний период в кирзачах со столовой ложкой за голенищем). Сам уселся за другой стол и приступил к творчеству с натуры. Проснулась и зашла на кухню бабушка, начала смеяться. Огрызнулся. Творческий процесс в разгаре, появились родители, к общему хохоту присоединились соседи. А мне до слёз обидно, так старался, да и получил за рисунок четвёрку. Смехотерапия подействовала однозначно: никогда больше не пытался заниматься рисованием дома. Значительно позже, будучи сам отцом, осознал, родители смеялись не над сапогом в альбоме, а над сапогом на кухонном столе.

В Ягодном вспомнили с папой о рыбалке. На Колыме (понятие территории, соответствующее нынешней Магаданской области) сроки рыбалки ограничены коротким летом (о крупной реке «Колыма» сказать ничего не могу, я её просто не видел, так как жили в сотнях километрах от неё). Рыба — гольян и хариус. Ловля хариусов на Севере осталась в мечтах, как и поездка на знаменитое именно хариусами озеро имени Джека Лондона. А вот гольянов ловил много, никогда позже даже не видел столько голодной, пусть и мелкой рыбы. Удивительно, когда надоедало надевать новую наживку, гольяны хватались за абсолютно голый крючок. В качестве наживки использовались белые личинки-короеды, добываемые под корой хвойных деревьев (лиственница

и кедровый стланик). Бабушка всегда находила применение наловленной рыбе. В пионерских лагерях рыбачил немного, проблема, куда деть рыбу. Может это и смешно, но в течение жизни неоднократно отказывался от рыбалки, из-за незнания, куда деть рыбу. Я и сейчас не хожу на рыбалку, если не продуман вопрос использования (чистки, хранения) пойманной рыбы.

Окна нашей квартиры выходили на двухэтажный Дом культуры с большим (по меркам Джелгалы) кинозалом. Смотрел всё подряд, что показывали на детских сеансах. А выбора-то особого не было. «Джульбарс», «Мы из Кронштадта», «Трактористы», «На границе», трилогия о Максиме, ещё десяток довоенных фильмов видел много раз. Личный рекорд (десятки раз, точней не помню) по количеству просмотров — «Чапаев» режиссёров Васильевых. Последний раз видел «Чапаева» лет 20–30 назад по ТВ, могу в деталях описать сюжет. Художественно и эмоционально сильный фильм, «Чапаев» — находка для агитпропа 30-х — 60-х. На фильме воспитывалось несколько поколений пацанов (и не только мальчишек). К сожалению, фильм претендовал на правдивое изложение событий. Талантливые авторы «Чапаева» сумели в ряду заказных фильмов про рекламных героев гражданской войны Лазо, Котовского, Шорса создать удивительный по силе эмоционального воздействия на детей и малограмотного зрителя старшего поколения фильм. Вкрапление исторических фактов (скажем, реальное существование слабо образованного комдива Чапаева или места его гибели в районе станицы Лбищенской) в канву придуманного Фурмановым, «улучшенного» Васильевыми и отличным актёром Борисом Бабочкиным образа борца за светлое будущее делает фильм интересным для зрителей. «Чапаев» — образец агитационного фильма тоталитарного режима. Никогда уже не смогу забыть смех зрителей (не у нас ли учились геббельсовские пропагандисты в начале 30-х), когда на экране захлёбывается «психическая атака» русских офицеров против взбунтовавшейся черни. Не случайно, с дуновением оттепели возникло огромное количество анекдотов про Чапаева и его соратников, которые уже лет 30–40 остаются злободневными.

Образована Магаданская область, вместо управлений «Дальстроя» образованы районы (наш Ягоднинский), появилась милиция. Яркий штрих в памяти. С первой волной либерализации проезда на Колыму и обратно Ягодное наводнили женщины-цыганки с детьми, приехавшие искать своих мужей. Это было страшное и нелепое зрелище, когда полураздетые (не в пример нынешним, разбогатевшим на торговле алкоголем и наркотиками, сытым цыганам) женщины и дети в лютые морозы

просили милостыню на улице.

Это было время, когда началась расчистка колымских лагерей, многих заключённых выпускали, но тяжёлых рецидивистов со сроками более 25 лет (раньше максимальное наказание за убийство 25 лет и некоторые «умудрялись нахватать» до 150–200 лет срока) расстреливали. Последнее время коммунистическая печать активно извращает роль амнистии 1953 г., так как это был первый серьёзный удар по тоталитарному режиму. Трудно разобраться, кто фактически инициировал великую амнистию: Маленков, Хрущёв или Берия, но «снежный ком реабилитаций покатился с гигантской горы, ничто уже не могло остановить его движение».

Между тем в Москве продолжалась жестокая борьба за власть, факт кровавой схватки очевиден, но детали разборок в высшем руководстве страны, как всегда, скрыты от народа. Постепенно власть полностью перешла в руки Хрущёва. Точкой отсчёта можно считать устранение Берии. Мало говорят о том, что вместе с Берия было физически уничтожено много высших офицеров МВД и госбезопасности, в т. ч. расстрелян «хозяин» Челябинска-40 — генерал-полковник Кузьменко. Напомню, именно Берия возглавлял организацию атомной промышленности в СССР и до сих пор, некоторые «атомные генералы» вспоминают его добрым словом, в частности, лично слышал выступление министра среднего машиностроения Е.П.Славского. У меня сложное, не устоявшееся отношение к Берии, только недавно узнал, что Берия ещё в 1953 г. предлагал вывести советские войска из Германии и дать возможность Германии объединиться. Через 36 лет объединение Германии произошло, сколько за это время выброшено на ветер народных денег, посчитать наверно никто не сможет, да и не захочет.

Неприятный осадок в памяти остался в связи с арестом Берия. Радио, газеты начали бурную кампанию по дискредитации его деятельности. Однажды вызывают меня с урока в учительскую, дают в руки бумажку с текстом, кроющим «иуду Берия». Прямо в учительской заставили вызубрить текст, а затем повели на общешкольное собрание. Представляете, розовощёкий шестиклассник выступает перед старшеклассниками и несёт бред про агента международного империализма. Стыдно! Так в России принято создавать общественное мнение. Выступления снизу инициируются и поощряются. Не отсюда ли идёт классическое советское начало выступления представителя низов на любых коллективных собраниях, митингах: «Мы, как и весь советский народ, считаем…»

Одно из тяжёлых воспоминаний того времени. В Ягодном

появился майор из Белоруссии с двумя пацанами. Один (6-й класс) приехал без ноги (подорвался на мине), а второму (8-й класс) всадили в нашей школе финку в плечо. Помню плач родителей пацанов у нас дома с просьбой к папе с мамой спасти сыну руку.

Неприятный случай произошёл и со мной в марте 1954 г. (опять, как и три года назад в Челябинске-40 перед началом школьных каникул). В борьбе с одноклассниками за купол ледяной горки (слив теплового контура Дома культуры) под окном нашей квартиры ударился затылком с потерей сознания. Пришёл в себя несколько дней (недель?) спустя. Не смог запечатлеть первоначальную реакцию родителей, запомнил только ужас во взгляде бабушки, когда друзья затащили меня домой. После каникул объявился в школе с большим опозданием. Внешне вроде бы осталось без последствий.

Ещё несколько запомнившихся моментов из «колымского времени».

По центру Ягодного три солдата с винтовками со штыками наперевес ведут одного человека.

В районной больнице трудился санитаром военнопленный австриец, полностью утерявший память и почти не понимавший русского языка. Иногда он появлялся в нашей квартире, высокий красивый голубоглазый блондин не старше 25 лет (такая фактура хорошо показана в фильме Михаила Рома «Обыкновенный фашизм»). Одет в тоненькое пальтишко. Бабушка жалела солдата-инвалида, о чём-то с ним разговаривала по-немецки, кормила, «утеплила» его частью папиного белья и верхней одежды.

Похороны в Ягодном при огромном стечении народа начальника прииска «Джелгала» Горбатюка (с его дочкой, Люмилой, мы сидели за одной партой и дружили в 4-м классе). Александр Васильевич поступил в тяжёлом состоянии (не буду путаться в медицинских терминах), папа вынуждено отрезал ему ногу значительно выше колена, несколько месяцев шло улучшение, больного готовили к выписке и вдруг скоропостижная смерть (тромбоз аорты). Горбатюк и раньше хорошо относился к папе, верил ему как врачу и человеку, подарил золотые карманные швейцарские часы, вывезенные в 1945 г. из Европы. Папа вручил мне эти часы как фамильную реликвию в 1992 г. перед уездом в Германию, я передал их по наследству Игорю в Тюмени в 2002 г.

Рядом с Домом культуры деревянный уличный сортир очков на 30, коротким летом смрад, зимой сталактиты высотой до полуметра с вмороженными рублями (туалетная бумага, надо полагать). Потрясающее зрелище!

Обилие летом комаров и мошки. Без накомарников заходить с ведром на природные плантации голубики просто невозможно, диметилфталат мало помогает. По-видимому, постепенно выработался иммунитет, так как десятки лет позже был активным сборщиком грибов и ягод в Сибири, а здесь гнуса хватает, но никогда накомарник не использовал.

В Ягодном приличный стадион с теннисными кортами (здесь я впервые взял в руки ракетку и, без всяких денег, надо было иметь только собственные парусиновые спортивные тапочки, познал азы тенниса). Удивительно, на материке открытые теннисные корты ещё лет сорок, до 90-х, были большой редкостью.

По завершении трёхгодичного контракта, родители решили выехать с Колымы, как ни уговаривало районное начальство высококлассных хирургов задержаться хотя бы ещё на три года. Мешало отъезду то, что русские немцы не имели права селиться в Советском Союзе по своему усмотрению. После длительной переписки чекисты выдали разрешение на проживание в Талды-Курганской области. В 1949 г. станица семиреченского казачества Гавриловка превратилась в областной центр Талды-Курган, в его подчинение передана железнодорожная станция Уштобе, в больницу которой родители были распределены после окончания мединститута в 1940 г.

Срочно начали распродажу своего имущества, торговали с бабушкой не на базаре, а прямо около дома, рядом с колымской трассой. В мою компетенцию входила продажа сотен, может тысяч, книг. Недели за две реализовали всё. По дешёвке, конечно.

Впереди новый поворот в жизни нашей семьи.

5 сентября 1954 г. семья Полле отправилась на материк с несколькими чемоданами (в отличие от полувагона вещей при прибытии на Колыму) и очень приличными, по тем временам, деньгами (80 тыс. руб.).

Автобус до Магадана, затем каюта 2 класса комфортабельного теплохода «Александр Можайский» (один из флагманов пассажирского флота фашистской Германии «Герман Геринг»). Чистота, порядок. В Охотском море встретили несколько китов и обилие сопровождавших теплоход дельфинов. Несколько омрачил путешествие 5–6 бальный шторм. Много лет родители смеялись над моей самоуверенностью: Я! Заболеть морской болезнью?? бррр…

Порт Находка, никаких зэков, после морской качки неуверенно чувствуешь себя на «твёрдой» земле. Базарчики в районе порта и железнодорожного вокзала, наполненные дарами осени. Самое вкусное: отварная картошка, малосольные огурцы и

домашний варенец. На Колыме о подобных деликатесах не мечтали.

По транссибирской магистрали ехали в отдельном купе, имели возможность свободно выходить на каждой остановке. Далеко не всегда железнодорожный вокзал является лицом города и, тем не менее, интересно их сравнивать, увлекательно рассматривать пассажиров в залах ожидания. Как и три года назад, вдоль железной дороги полно голодных людей, кидающихся за куском хлеба, брошенным из окна проходящего поезда. Ужас! Особенно много голодающих видно из поезда по мере приближения к Байкалу с востока. Начинаются многочисленные туннели вокруг Байкала, на каждом разъезде люди торгуют жареным, копчёным омулем. Торгующих людей значительно больше, чем домов на разъезде. Рыба очень вкусная. Насколько бедно жили в то время люди, но здесь им помогал великий кормилец — Байкал.

Пересадка в Новосибирске. Великолепный вокзал. Индивидуальная архитектура. Трудно сказать, какое место занимает новосибирский вокзал в нынешней «железнодорожной иерархии». Позже я много ездил по железной дороге, уверен, вокзал Новосибирска входит в тройку лучших вокзалов России.

Поезд Новосибирск — Ташкент покатил нас по Турксибу на юг. Въезжаем в Казахстан, первый город — Семипалатинск. Десятки раз позже проезжал я этот крупный (по масштабам республики) город. С одной стороны города длинный мост через Иртыш, с другой — крупный военный аэродром, причём реактивные МИГи взлетают и садятся на глазах пассажиров близко от железной дороги. Севернее Семипалатинска вдоль Иртыша тянется уникальный сосновый ленточный бор.

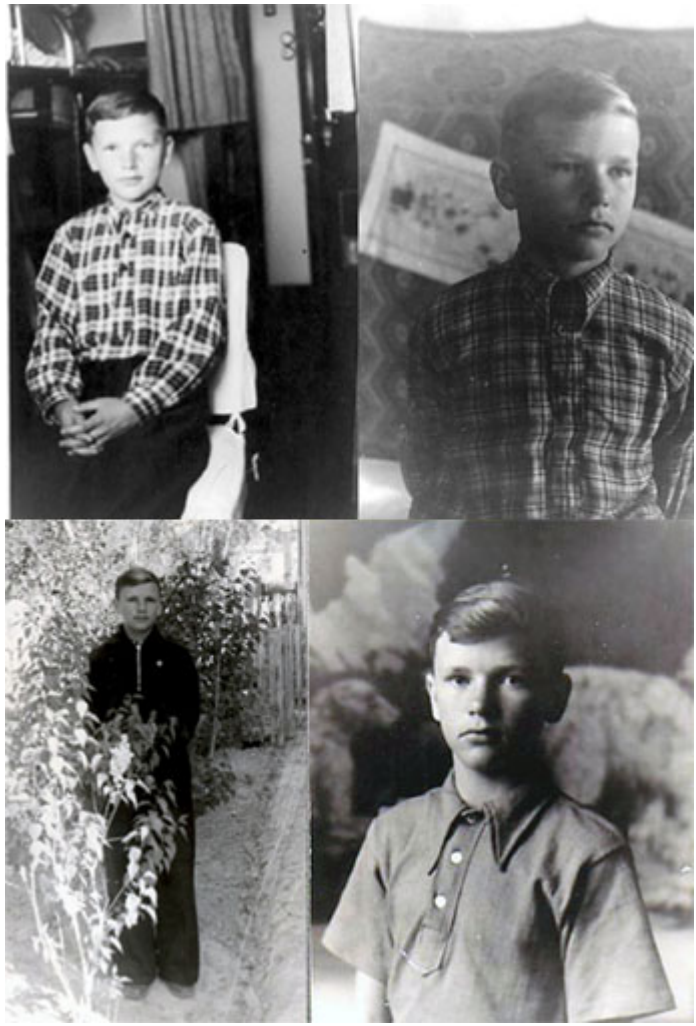
Конечная точка нашего движения железнодорожная станция Уштобе, место моего рождения. Станция начала развиваться после пуска Турксиба. Первоначально это был типичный пустынный казахский посёлок. Заложен парк, преимущественно из карагачей, заложен сад при железнодорожной больнице. Вот, пожалуй, и всё. Изменения начались после принудительного расселения в Уштобе и ближайших аулах корейцев с Дальнего Востока в конце 30-х годов (о великая национальная политика Сталина!). С появлением корейцев в Уштобе начали выращивать рис и овощи, что дало импульс развитию ирригационной системы (рисовые чеки постоянно находятся под водой). В 1954 г. по всему Уштобе журчали арыки, саманные дома (других материалов для строительства жилья не было) утопали в зелени. У тёти Муси в саду плодоносили яблони разных сортов, виноград, сливы, вишня. Асфальта не было и в помине. К осени деревья вдоль

дорог стояли серые от пыли, корни тянут влагу из арыков, дожди летом бывают редко.

19 сентября родственники встречали нас в Уштобе (14 суток в пути «оттуда» в отличие от 78 суток «туда»), наняли ишака, погрузили чемоданы и вперёд… мимо арыков, обилия пыльной зелени к дому тёти Муси.

21 сентября 1954 г. пошёл в железнодорожную школу (игра цифр, прошло 3 года и теперь уже 7-й класс начинаю с трёхнедельным опозданием).

В уштобинской школе я учился недели три, затем родители купили дом в Талды-Кургане, устроились на работу в областную больницу и мы в очередной раз переехали. Расстояние между Уштобе и Талды-Курганом всего 50 км, старенький автобус преодолевал маршрут несколько часов с остановкой в середине пути на обед в чайной; в настоящее время отличное асфальтированное шоссе позволяет тратить на дорогу менее часа, от здания «половинки» и следов не осталось.



1954 — 56 гг. Пароход «Александр Можайский» (возвращение с Колымы),

Уштобе, Талды-Курган, Текели.

Талды-Курган утопает в зелени, вдоль арыков стройные ряды пирамидальных тополей. От нашего дома до трёхэтажного (небоскрёб!) обкома партии не больше 1 километра, но электричества нет. Освещение — керосиновые лампы, приготовление пищи — керогаз или примус. Казаками-основателями Гавриловка разумно спланирована квадратными кварталами с продуманной арычной системой, а улицы назывались в соответствии с арифметикой 1-я, 2-я, 3-я… (Нью-Йорк и только!). Очень удобно. В 50-е годы многое начало принудительно меняться в названиях (национализация: 5-я улица стала имени Абая, 6-я — имени Чокана Валиханова и т. д.) и в

подходе к градостроительству. В 60-е появились кварталы «хрущоб», ума не приложу, как в этих панельных домах можно жить летом, когда температура в тени превышает порой +40?.

Средняя школа имени Ленина только открылась, классный руководитель Игорь Дмитриевич. Закадычный друг Витя Мазур. Остановлюсь. Мы сидели в 7-м классе на одной парте, да и время проводили вместе. Он часто приходил к нам домой. Я тоже бывал у них, семейная атмосфера казалась мне не благополучной. Отчим плохо относился к Вите, хотя тот был спокойным мальчишкой, хорошо учился. В связи с нашим очередным переездом (из Талды-Кургана в Текели) мои пути с Витей разошлись. Через 3 года случайно оказались в одном поезде, ехали на сдачу вступительных экзаменов в разные институты. В Томске я Витю «потерял». Оказалось, Витя не поступил в политехнический институт и его забрили в армию. Приезжаю после 1-го курса в Талды-Курган и узнаю страшную новость: Витя Мазур покончил жизнь самоубийством, выпрыгнув головой вниз на асфальт из окна третьего этажа обувной фабрики, где он устроился на работу после списания из армии (что? как? для меня покрыто мраком).

Из обязательных домашних обязанностей Талды-Курганского периода запомнил добычу хлеба и керосина. За хлебом вставал в 4 часа утра, очередь уже приближается к сотне человек. В 6:30 приезжала хлебовозка. Чтобы не стоять ещё два часа в очереди, вызывался добровольно разгружать машину, к 7:30 свежий хлеб был дома (днём хлеб в магазине отсутствовал). За керосином приходилось стоять по 5–8 часов. Многочасовая очередь за керосином специфична стремлением к справедливости, метров на 200 растягивалась лента из бидонов, стоящих вплотную друг к другу. Вклиниться без очереди практически невозможно.

В школе учился легко, вопросов к родителям по учёбе не было. Активно занимался в художественной самодеятельности. В Талды-Кургане читал со сцены разные стихи, за что получал грамоты и дипломы городского и областного уровня. Декламировал со сцены и Маяковского. Но не было в детстве случаев, чтобы запоем читал (для себя) чьи-то стихи. По собственной инициативе не раскрывал ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова, не говоря уж о Баратынском, Тютчеве, Кольцове…. О существовании поэзии Есенина, Блока узнал в конце 50-х, а фамилии репрессированных поэтов (Мандельштам, Клюев…) вообще услышал в 80-х. В 90-е прочитал несколько стихов Бродского, пытаясь понять, насколько велик как поэт нобелевский лауреат. Не понял.

На зимних каникулах в январе 1955 г. успешно выступил на

городском конкурсе с чтением поэмы Твардовского «Ленин и печник», предварительно «обкатав» поэму на школьных вечерах и сборных концертах перед горожанами. Неожиданно «печник» Твардовского получил курьёзное продолжение.

Воскресенье. Прибегают две одноклассницы: «Эрвин, скорей в школу, приехали корреспонденты «Пионерской зорьки» Всесоюзного радио из Москвы, хотят записать твоё выступление!» Мама, бабушка засуетились, белая рубашка, галстук, глаженые брюки…

Чистенький наивный мальчик-активист, мечтающий через два месяца вступить в члены ВЛКСМ, приготовился декламировать Твардовского перед микрофоном. Вдруг режиссёр подсовывает читать без подготовки четверостишье про Ленина (уровня детского сада, типа «камень о камень, кирпич о кирпич, умер наш Ленин Владимир Ильич»), никакого отношения к теме не имеющее. Говорливые радио-фальсификаторы не дали мне возможности даже что-то расспросить (здесь же и руководство школы заискивающе поддакивает наглым москвичам), смотали аппаратуру. Всё хорошо, всё прекрасно!

А мне стыдно. До сих пор. Урок на всю жизнь.

Так дурили радиослушателя, телезрителя в советские времена, через полвека ситуация мало, по сути, изменилась. Власть России не любит маленького конкретного человека, сама определяет, что и в каких количествах человек должен слышать и видеть. Отсюда и уровень пропаганды. К счастью, власть пока плохо справляется с управлением интернетом.

Вскоре после переезда в Талды-Курган родители сделали мне роскошный подарок — велосипед. Пензенский «ЗИФ». Помню, учился ездить, наехал на подпившего мужика, свалил его, упал сам, но быстрей поднялся и дёру. Запомнился ещё случай, как на большой скорости проехал (не желая того!) по шее гуся, вытянувшего её и шипевшего в мой адрес. Пришлось скорость ещё прибавить, пока хозяева не появились. До конца школы я не расставался с велосипедом, кроме 3-х зимних месяцев. Просто не слезал с велосипеда. Даже в школу часто ездил на велосипеде, хотя расстояние не более 1.5 км. Иногда имел травмы, чаще по глупости. Дети любят ездить без рук, оглядываясь на прохожих, какие они смелые. Так и я на гравийной дороге (асфальта практически не было) на большой скорости растянулся и физиономией, и животом, и коленками. Надолго запомнил и никому не рекомендую «цирковой» способ езды на велосипеде.

Запомнилось лето 1955 г. Форма майка, сатиновые шаровары, босиком. Велосипед и любимая собака Джек. Дети не могут поверить, что в этом возрасте их отец бегал босиком. 14 лет.

Комсомолец.

Начал физически трудиться на семейном огороде. Купленный в Талды-Кургане дом располагался на 6 сотках. Несколько вишнёвых и абрикосовых деревьев, пара яблонь, остальная площадь занята под традиционные овощи: помидоры, огурцы, редиска, фасоль, зелень. Днём летом очень жарко, дожди редко. Водопровода в квартале нет, колодец в 50 метрах. Основная проблема — полив. Вода по арыкам распределяется строго по графику, пару раз в месяц, причём график полива не срывается даже когда идёт дождь. Но для того, чтобы воду получить, жители квартала (30–40 дворов) участвует в процессе, который принято называть «гонять воду». Именно здесь приходит внутреннее ощущение хорошо известной истины: вода — это жизнь. Тысячелетиями отработанный среднеазиатскими земледельцами способ полива напуском имеет мало общего с нынешним привычным «шланг присоединил и открыл кран» или с поливом ручной лейкой. От головного арыка на краю города вода гонится вдоль одной из основных городских улиц до соответствующего квартала (километров 6–8, не меньше), по ходу воды все ответвления (многие десятки) должны быть заглушены. Желающих «на холяву» полить собственный огород всегда предостаточно, приходилось закрывать утечки воды на сторону и прочищать возможные засоры (сколько любителей сметать мусор со своей территории в арык), при недостаточном внимании вода выходила из арыка, заливая целые районы города. Не раз лопаты выступали в качестве оружия. Гнать воду начинали в кромешной темноте в 2 часа ночи, утром, часам к 6, вода поступала в квартал, в другое время суток давления воды не хватало для прохода в наши огороды. Я в числе тех, кто на велосипеде с лопатой курсировал туда-сюда вдоль арыков, пока квартал не закончил полив, папа, дождавшись очереди, управлял процессом на своём участке. Огород, разбитый на чеки с земляной окантовкой, чтобы вода шла только по назначению (зазеваешься, вода промоет дыру, уйдёт либо к соседям в другой квартал, либо туалет зальёт…), оказывается под слоем воды, наступить нельзя, провалишься по колено. Никакой дождь не способен так интенсивно увлажнить почву.

Именно опыт арычного полива заставляет меня с иронией относиться к поучениям соседей по участкам в предместьях Томска, когда и как надо поливать. Всегда отвечаю, что я родом из тех мест, где поливают не утром или вечером, а тогда, когда есть вода.

Продолжу. Поливы напуском удавалось провести 5–6 раз за сезон, кстати, на следующий день необходимо проводить

рыхление почвы, иначе вода быстро испарится. Арычный полив достаточен для взрослых садовых деревьев с глубоко уходящей корневой системой, но овощи требуют, практически ежедневного увлажнения. И вот этим приходилось заниматься мне. Таскать воду из практически необорудованного, даже без общего ведра, колодца. Надо ещё научиться (наловчиться, не уверен, что сейчас бы смог набрать полное ведро без основательной тренировки) зачерпнуть воду неотяжелённым ведром на простой бельевой верёвке (без шеста) с глубины 6–8 метров. И так ведер 20 в день на огород. Вроде бы и не много, но тогда мне казалось тяжело, тем более что много воды требовалось и на хозяйственные нужды. Чёрт его знает: и пили эту воду (сырую!) и не болели. В начале 21-го века даже представить трудно подобное, не думаю, что в 50-е «заразы» было меньше. Кстати, в Талды-Кургане, Уштобе в каждом колодце вода отличалась по вкусу, в некоторых такая солёная (солончаки!), что даже чай с вареньем противно пить. Но люди пользовались, так как другой питьевой воды не было.

Этим же летом посчастливилось проехать с папой по Уралу. В Челябинске умер папин дядя — учитель физики. Папа много раз рассказывал, что на вступительном экзамене в мединститут по физике «поплыл» и получил тройку только потому, что «что у физика Полле не может быть родственников, не способных к физике». Фамилия редкая, выяснилось, экзаменатор сам когда-то сдавал физику папиному дяде. На похороны опоздали, но увидели много родственников папы со стороны его родной матери Доротеи Полле. Папа их не видел с 30-х годов. Квартира дяди находилась в районе тракторного завода. На всю жизнь осталось восхищение зрелищем утреннего движения на работу десятков тысяч людей: все виды транспорта переполнены, на трамваях люди висят даже на крышах под контактными проводами, по проезжей части идёт сплошной поток.

Челябинск произвёл прекрасное впечатление, широкие центральные улицы. Посетили с папой соцгород (социалистический город — абсурд сталинских времён, когда жильё строили прямо вокруг промышленного гиганта) в районе металлургического завода, на строительстве которого папа работал в трудармии. Побывали у родственников в фактическом пригороде Челябинска — Копейске, проживавших там с времён трудармии. Типичный шахтёрский городок с двухэтажными бараками, большим количеством зелени. Две тётушки (сёстры Доротеи) узнали сразу папу, много слёз, много разговоров. До самой своей кончины они винили в смерти Доротеи Христиана Полле, моего деда. Нечто подобное мне пришлось слышать уже при жизни с Надей, когда все её тёти по матери обвиняли в

преждевременной смерти сестры (Наде 10 лет) её мужа. Вечная проблема взаимоотношений родственников супругов. В Копейске познакомился с кузиной папы тётей Фридой и её мужем Артуром (через 16 лет встретимся в Абхазии).

Следующая остановка — город Соликамск, место жительства дяди Роберта. Как сейчас помню, выскакивает из дома дядя Роберт, здесь же случайно оказался дядя Отто. Сработал эффект неожиданности, вообще папа любил ездить в гости без предупреждений, но ведь резкие положительные эмоции тоже способны вызвать сердечный приступ.

Соликамск — город, широко разбросанный по холмам, в своё время строился прямо на соляных копях. Там и сям видны купола церквей, уж не знаю, какие склады или архивы в то время в них располагались. Дома, преимущественно, частные одноэтажные. Старина проявляется во множестве деталей: то попадёшь на клочок булыжной мостовой, то увидишь на частном доме необычный флюгер прошлых веков, то удивительно красивые поросшие мхом резные наличники, то двухэтажный дом, наполовину вросший в землю. Везде деревянные тротуары, так характерные для утопающих в грязи регионов России.

Контрастом старинному Соликамску является расположенный в нескольких километрах город Боровск. Послевоенный город застроен 4–5 этажными домами, дороги асфальтированы, построено несколько предприятий военно-промышленного комплекса, на одном из них, радиотехническом заводе, работал начальником цеха дядя Роберт.

На обратном пути вместе с дядей Отто остановились у него дома в городе Кизел. Ещё один, после Копейска, типичный шахтёрский город с терриконами, перемежающимися с двухэтажными бараками. В плане реструктуризации угольной отрасли нерентабельные шахты Кизела подлежат первоочередному закрытию. Высокие московские лбы покрылись морщинами в поисках решения проблемы трудоустройства шахтёров.

По дороге домой рано утром в Березниках нас встречали два сокурсника родителей: Лишке и «Женька» Вагнер (в будущем академик, ректор Пермского мединститута).

У меня и в мыслях не было, что через полтора месяца наша семья снова поменяет место жительства, 8-й класс я буду начинать (и опять с опозданием) в новой школе.

8-й — 10-й классы

1955–1958 гг.

Родители вновь переехали, на этот раз из областного центра в горняцкий городок Текели, растянувшийся на 23 км вдоль ущелий Джунгарского Алатау. В шахтах добывается руда, на свинцово-цинковом комбинате (хозяин города) из неё выделяют чистые металлы, причём не только титульные. В Текели я впервые столкнулся с таким страшным природным явлением, как сель. Сидим в школе на уроках, несколько часов идёт дождь. В окно уже не видно земли. Срочно распустили учеников по домам. В нашем доме вода вошла в подъезд. К счастью, подъём воды остановился на уровне первого этажа (метра полтора от земли). Ночью селевой поток снёс в речку 18 домов с людьми в другом районе города (на втором кордоне), никто не мог точно подсчитать количество жертв. Территория вокруг нашего дома утром была покрыта метровым слоем плотной грязи. СМИ «не заметили» трагедию.

Седьмая по счёту школа, пристальное внимание к новичку как со стороны педагогов (кругозор, не характерный для учеников данной школы, о чём публично говорил директор Силуков на общем собрании восьмых-десятых классов), так и одноклассников.

Класс 8 «В», ближе к выпуску количество старшеклассников будет уменьшаться: три восьмых класса, 2 девятых, один десятый. Сижу на одной парте с Геной (фамилию забыл), на 2 года старше меня, учился слабо, но существенно повлиял на моё развитие. Внешность предельно средняя, ничем не выделяющая его из окружения. Гена был активным участником художественной самодеятельности, причём не школьной, а в рабочем клубе. Мы с ним разыгрывали на сцене интермедию из репертуара Аркадия Райкина «Макинтош», в которой главным для горе-руководителя был не факт, что полностью сгорела государственная дача, а то, что он забыл там свой макинтош. Гена — первый критик и режиссёр, когда я готовил для сцены опять же подражание Райкину «Монолог современного Хлестакова» Владимира Полякова. Поразил моё детско-юношеское воображение Гена тем, что «трахал» учительницу химии (крупная бабёнка, лет 25, с широкой задницей). Не забуду, как в перерыве школьного танцевального вечера мы зашли в кабинет химии и Гена: «Машка! Принеси что-нибудь пожрать!» Покраснели двое: я и учительница, Гена демонстрировал роль некоего «хозяина гарема», причём в

хамской манере. У меня эмоциональный шок, на уроках учительница постоянно к Гене придиралась (сидели-то мы на первой парте, у неё под носом). Никогда прежде я даже не задумывался о возможности половых контактов между учительницами и школьниками, даже если ученикам 16–17 лет. Гена из малообеспеченной семьи, начал работать и перешёл в вечернюю школу. Наши контакты постепенно прекратились, через несколько лет я видел его в солдатской военной форме, приехавшего в отпуск из Новосибирска, основной темой рассказов было, сколько офицерских жён он «поимел».

14-15 лет — пробуждение мужского начала, появляется внутреннее стремление (возможно, не совсем осознанное) показать себя окружению помимо учёбы участием в общественной жизни, художественной самодеятельности. Но 90 % времени школьных вечеров — танцы, а вот здесь я не умел ничего, стыдно даже пытаться (танцы-то были парные, не топтались, как сейчас, каждый сам по себе). Хочется веселиться со всеми, а не сидеть бабаем у стенки (распространённое среди ребят явление). Девушки класса проявили инициативу, прорвали некоторую застенчивость и спасибо им за это. Я не сопротивлялся учёбе танцам. Вальс, фокстрот, танго, краковяк, полька, падеграс, падекатр — стандартный набор на вечерах отдыха средней школы N5 в середине 50-х. Месяца через 3–4 хорошо ли, плохо ли, но освоил танцы и уже старался не пропускать ни один (с дамским вальсом проблем также не было). Кстати, с тех времён завёл правило приглашать на танец девушку, женщину только тогда, когда глазами получишь согласие (противно смотреть, как иной раз мужики тащат женщин за руку на танец, перебирая одну за другой, пока кто-то не согласится).

Активист обучения танцам — Тамара Анищенко. Постепенно мы начали «ходить», так было принято называть постоянные молодёжные пары, чуть позже появился термин «дружить». Тамара, дочь завуча школы, жила в соседнем доме, и мы двигались в школу и возвращались вместе, а до школы всего-то метров 300. Дарил мелкие подарки, и говорили, говорили…

Первой забила тревогу обычно спокойная бабушка, что меня очень удивило, родители наблюдали развитие наших отношений внешне индифферентно. А бабушке не нравилось, что Тамара на два с лишним года старше и сбивает с толку любимого внука. Безусловно, 15-летний парень и 17-летняя девушка не совсем подходящая пара, но в юношеском угаре это не понятно. Весну и осень 1956 г. мы много вместе ездили на велосипедах, вставали в 6:30 и катались минимум полтора часа до уроков, чаще Тамара сидела на раме моего велосипеда, что переполняло душу

внутренней гордостью и одновременно бесило бабушку, если случайно в окно она видела эту картину.

1955–1958 гг. Уштобе. Двоюродные братья, справа ровесник Рудик Пеннер. Младшие Витя и Вова Ремезовы. Нижнее фото. Я уезжаю в Томск, в институт, Вова готовится в первый класс.

Ощущение душевной эйфории не исчезло, даже когда пришёл из армии парень, гулявший с Тамарой ранее, открыто обвинил её в измене и прилюдно ударил. Даже прибавилось самоуважения оттого, что Тамара предпочла меня, 15-летнего, действительно взрослому 22-летнему парню.

Возвышенное внутреннее состояние лопнуло внезапно поздней осенью 1956 г. Воскресным вечером мы гуляли

вчетвером, рядом одноклассница Нина Капустина и её друг казах Андас (первокурсник одного из институтов Алма-Аты, приехал на побывку и делился впечатлениями, как студенты танцуют танго «Брызги шампанского»). Дальше Андас взялся что-то о нас четверых говорить, а Тамара вдруг произнесла: «Да Эрвин же ещё ребёнок!».

Тамара была права, ни разу даже не поцеловались. Никаких выяснений отношений не последовало, но больше мы вместе на велосипедах не катались.

Жестокий удар по самолюбию ощущаю и через полвека.

Продолжаю тему друзей. С последних школьных лет в памяти, причём с неприятным осадком, остались два друга: Саша Кладько и Жамалай Альтемиров.

С Сашей (постарше меня года на полтора) мы в 9-м классе сидели на одной парте, общей компанией ходили в горы, вместе подрабатывали летом, он часто бывал у нас дома. 7 ноября 1957 г. (праздничный вечер) Кладько изнасиловал 12-летнюю девочку, на следствии пытался вывернуться утверждениями, что весь день был со мной, чем привёл в ужас папу и маму. Отец весь белый прибежал после праздника прямо в школу выяснять, где я был в тот вечер. Нюанс в том, что вечером 7 ноября я вернулся домой с разбитым носом (кто-то в темноте ударил во время киносеанса в соседней школе). Неоднократно меня срывали с уроков на допрос к следователю. Суд закрытый, перед зданием суда толпа. Никогда не забуду потерпевшую маленькую девочку, в последствии с ужасом думал, что какой-нибудь мерзавец может совершить подобное с моими дочерьми или внучками. Приговор — 20 лет. И месяца не прошло, получаю письмо от Кладько, что он учится в лагере в вечерней школе и хочет со мной переписываться. Я, конечно, не подумал ответить. Удивительно, через некоторое время услышал от девушки из моего окружения (Лида Баранова) упрёк, что отказался с Кладько переписываться. Выпустили его через 4 года (образец советского правосудия!), когда пострадавшая девочка не достигла даже совершеннолетия.

Жамалай — видный, рослый, физически сильный, чеченец, играл на первенстве города по волейболу, учился в параллельном классе, «ходил» с Ниной Капустиной, затем с Лидой Барановой. Бывал у нас дома, я у него. Летом 1957 г. Жамалай вместе с первой партией чеченцев вернулся на родину. Перед отъездом Жамалай поручил некоторым чеченцам опекать меня и однажды на городской танцплощадке произошёл инцидент, продемонстрировавший эффективность чеченских связей. Я один, танцую с приятной девушкой Светой из соседней школы. Начинаются толчки… В перерыве подхожу к сидящему на заборе

чеченцу (лет 16–17, работал сторожем на бахче). Иди танцуй и ни о чём не беспокойся! Через некоторое время в танце рядом оказался глава местного хулиганья Майоров и пробурчал: «Ты бы ещё в милицию пожаловался!» И всё. Один спокойно проводил ночью девушку по совершенно пустой неосвещённой дороге (~ 5 км).

В декабре 1984 г. я приехал в Грозный в командировку, никаких координат Жамалая, кроме имени и фамилии, у меня не было, но знакомый чеченец Руслан Денилов (погиб в первую чеченскую войну) нашёл его по телефону за 20 минут. Встреча состоялась за большим банкетным столом, организованным грозненским филиалом «Пластполимера» после окончания совещания по новому ГОСТу на полипропилен. Жамалай — известный всем чеченцам врач, специалист в области лёгочной хирургии. Не понравилась его чрезмерная амбиция (за большим столом всего 3 чеченца). Терпению пришёл конец, когда Жамалай, произнося очередной тост в мою честь, начал нести ахинею, якобы, уезжая из Казахстана, он передал мне свою любовницу (не случайно я выше указал фамилии девушек). По-видимому, специфика Чечни и в том, что на поверхность выплывают не самые лучшие свойства характера. Да и более 27 лет прошло после юношеского прощания. Розовые воспоминания юности вмиг улетучились. Я отказался ехать к Жамалаю домой, хотя там специально готовили баранину. Через день уехал из Грозного, не простившись с другом молодости, хорошим и верным другом. Жив ли он сейчас?

В 9-м классе завязалась дружба (существовала такая мода, пропагандируемая молодёжными газетами) с аналогичным классом райцентра Карабулак. Коллективная поездка с ночёвкой туда, затем ответный визит. Каждый брал одного, двух ребят к себе ночевать. Главное: соревнование типа КВН и танцы до упаду. Увлёкся красивой девушкой и по воскресеньям в одиночку ездил к подруге на велосипеде 25 км туда и обратно. Назад ехать в гору было тяжело, появлялся заполночь, вызывая естественное недовольство родителей. Отец молчал, а мама: «Ну Эрвин! Нельзя же так поздно!» Родители понятия не имели, сколько раз я ездил в Карабулак.

Не делаю открытия, утверждая, что велосипед чрезвычайно полезен растущему организму (и мой не исключение), да и не только. Кстати, в Талды-Кургане, Текели и сейчас люди на велосипеде ездят гораздо больше, чем в крупных городах, например, в Томске. Да в Томске и невозможно ездить на велосипеде, непременно попадёшь под машину. Как разительно отличается Германия (Ганновер, Папенбург) и Голландия

(Грёнинген, Винсхутен), где специально выложены дорожки во всех направлениях для велосипедистов. Типичная картинка Берлина (1992 год): семья подъезжает к огромному парку возле рейхстага на автомобиле, снимает с верхнего багажника 2-3-4 велосипеда, и гуськом направляется куда-то вглубь парка. Аналогичные сцены неоднократно наблюдал в маленьких городках Нижней Саксонии, перед городом автомобиль ставится на стоянку, дальше велосипедом. У каждого магазина, учреждения, церкви есть специальные стойки для велосипедов. Дети едут в школу на велосипедах, причём велосипед оборудован высоким флажком. Любопытно, на улицах мало пешеходов (не имею в виду торговые кварталы), люди перемещаются либо на автомобиле, либо на велосипеде. Регулярная езда на велосипеде — один из очевидных элементов здорового образа жизни, но в России за последние 10–20 лет количество велосипедистов (не спортсменов) сократилось в несколько раз, население «осчастливлено» возможностью приобрести автомобиль. Опыт же развитых стран показывает, что автомобиль — не помеха велосипеду, скорее наоборот. Разве можно представить у нас стайку из 10–15 велосипедистов пожилого возраста (все седые), путешествующих от одного городка к другому с рюкзаками за плечами (неоднократно видел в Папенбурге).

1955–1958 гг. Талды-Курган, Текели. Любимые занятия в школьные годы. В центре.

Июль 1957 г. Джунгарский Алатау. Переход Текели — казачья станица Копал.

После 8 и 9-го классов летом понемногу подрабатывал, вопреки воле родителей, заработал несколько сот рублей.

Запомнился смешной эпизод. Горы, 15 км от Текели, летний зной, хозяйство лесоводов, выращиваются саженцы хвойных растений. Человек 15 школьников старших классов зарабатывают на прополке. Дежурство по кухне (продукты принесли в рюкзаках) в порядке очерёдности. Я дежурный, должен сварить вермишель с тушёнкой. Получился конфуз: развёл костёр, увидел на горизонте возвращающихся работников, бросил вермишель в холодную воду и начал ждать, чтобы сбросить мясо. Читатель, по-видимому, понял, получилась несъедобная тестообразная масса. Сейчас смешно, а тогда было стыдно.

Пришлось потрудиться и на семейном огороде, не так далеко от дома, но на горе. 5 соток, засаженных только картошкой, никаких арыков и водоводов. Таскать воду в вёдрах для полива 300 метров в гору, хотя и старше становился и крепче, всё равно утомительно. Кстати, я никогда в жизни не пользовался коромыслом. Почему? Не могу понять внутреннюю предубеждённость, ведь коромысло — одно из гениальных ранних изобретений человечества (достаточно посмотреть древнекитайские картинки). На пологих склонах Джунгарского Алатау практиковалось богарное земледелие, колхозы предпочитали сеять озимые зерновые, способные ухватить зимне-весеннюю влагу, организованный полив не предусмотрен. Но! Хочешь вырастить что-то приличное, поливай! Бывает достаточно недели без воды, и всё на твоём участке пропадает (сгорает) безвозвратно. Вода из колонки ледяная, но сразу шла в дело, «промежуточных» бочек не было. Тяпанье под знойным солнцем (прополка, рыхление после каждого полива обязательны) забыть невозможно. Вроде бы пять соток и не много, но при температуре 30–40 градусов…

В летние и осенние месяцы после 8-го и 9-го класса пришлось немало потрудиться и на колхозных огородах, как принудительно в уборочный период (помидоры, кукуруза на зерно), так и добровольно, для заработка. Помню, как-то в сентябре сняли с уроков на уборку помидоров. Сразу обрадовались, поедим помидоров (напомню, Текели — горняцкий город, большинство жителей ни огородов, ни садов не имело). Но оказалось, тяжело! Помидоры в открытом грунте, края огородного массива не видно, кусты с плодами лежат на земле. Надо собрать в корзины, отсортировать по степени зрелости, уложить в ящики, а затем тащить их метров 50 к машине. К концу рабочего дня и смотреть не хотелось на помидоры.

1958 г. Текели. Школьные друзья. Слева Витя Чернов. Справа Альтемиров Жамалай (фото из Грозного).

Нудное, но хорошо оплачиваемое, занятие — ручная прополка кукурузы, посаженной вручную «прогрессивным» квадратно-гнездовым способом. Проявлялись первые результаты хрущёвского принудительного внедрения на поля кукурузы. Действительно, на юге Казахстана выращивание кукурузы на зерно весьма эффективно, естественно при машинной посадке, обработке посевов и уборке, но пока на всех стадиях задействован дешёвый ручной труд, прежде всего школьников.

Лето 1957 года. Километров 50 от дома по типичной сельской грунтовой дороге с облаком сопровождающей грузовик проникающей во все поры пыли, населённый пункт домов в 10, ни радио, ни магазина, ни медпункта, даже автомобильная кинопередвижка не чаще раза в неделю появляется. Полтора-два десятка 15-16-летних юношей и девушек без учителей и вообще без взрослых (командуют комсомольские лидеры) размещены в однокомнатной саманной избе с глиняным полом, электричества нет, кроватей, полатей нет. Получили матрасовки, которые сами набили соломой. Пищу готовили девушки по очереди на традиционной казахской печке во дворе. Подъём с солнцем, работа до 11 часов, пять часов перерыв, затем ещё часа три с тяпкой в руках. На обширной плантации начинающей расти кукурузы тени нет, передохнуть от зноя негде, бочка воды выпивается и возврат «на базу». Фиеста! Дневной отдых. В жару начинаешь понимать достоинство глиняной избы. Характерно, что запаса бодрости при такой монотонной работе хватило недели на 2, куда-то улетучивается первоначальная весёлость от совместного проживания с красиво поющими девушками. Впервые здесь услышал «Парней так много холостых на улицах Саратова…, но с другой мелодией, чем в знаменитом фильме

«Дело было в Пенькове». Кстати, личные отношения между девушками и ребятами не заходили так глубоко, как это принято сейчас показывать на ТВ, может быть, кто-то кого-то и целовал, но не более того. За работу получили неплохие, по меркам школьника 50-х годов, деньги (копейки, конечно!) и я начал собирать ещё одну бригаду. Уговорил всего троих, вчетвером (два парня, две девушки) мы смогли выдержать на прополке кукурузы только 5 дней, бросили и уехали, не попрощавшись с работодателями. Соответственно, ни копейки не получили.

В описываемые годы Хрущёв активно, с явными перекосами решал проблему обеспечения населения продовольствием. Небывалый урожай на целинных землях в 1956 г., когда большую часть зерна даже не смогли вывезти с полей, совсем закружил голову «великим земледельцам» Хрущёву и Брежневу (1-й секретарь в Казахстане). Приняты глупейшие постановления о запрете держать скот в городах, не только в мегаполисах, но и в таких сельскохозяйственных, как Талды-Курган. Коров и лошадей быстро съели, а несъедобных ишаков выставили за пределы города и они большими табунами кочевали по югу Казахстана, нанося ущерб посевам. Ограничены размеры приусадебных хозяйств даже в деревнях. Через полтора десятка лет я видел (Лыхны, 5 км в гору от Гудауты) результаты столичных глупостей в типичной деревне Абхазии с исторически сложившимся широким разбросом домов и с отсутствием какой-либо традиционной для России, тем более Европы, уличной ориентации. Каждому крестьянину оставили при доме не более 25 соток, «излишек» отрезали в колхоз. Но из отдельных разбросанных клочков земли единый клин образовать невозможно, колхозу обрабатывать их невыгодно, участки выглядели брошенными, заросшими. Их отчётливо видно между посадками кукурузы (основная «садово-огородная» культура абхазов на приусадебных хозяйствах, хрущёвский пример для подражания). На некоторых вновь образованных колхозных участках стоят старые фруктовые деревья, односельчане знают, что такая-то груша принадлежит прежнему хозяину Алёше, и только он собирает плоды. Как-то я подобрал упавшую грушу, считая землю ничейной, и сразу получил замечание неизвестно откуда появившегося пожилого абхаза, заодно услышал суждения о «хрущёвских глупостях».

Вспоминаю, как в 1957 г. раскручивались юбилейные мероприятия в преддверии 40-летия октябрьского переворота. В школе сформирована группа из окончивших 9-й класс (12 школьников и два учителя) для двухнедельного похода по местам боевой славы времён гражданской войны. Кольцевой маршрут

Текели Копал Усть-Агач Текели. Сначала трудный горный переход по одному из отрогов Джунгарского Алатау, перевал (видели следы снежного барса, картина с перевала потрясающая), спуск в долину, Копал, затем возвращение в Текели по равнинной части.

Копал — станица семиреческого казачества, созданного Россией для охраны юго-восточных рубежей империи. Население — преимущественно русскоязычное, казахов мало (сейчас не знаю). Копал — место жестоких боёв во время гражданской войны и в 20-е годы, кое-что описано Фурмановым в романе «Мятеж», ныне достоверность изображённого под большим сомнением. К нашему приходу вокруг станицы ещё сохранились окопы, можно было найти стреляные гильзы. Побеждённые казаки ушли в Китай, километров 50 напрямую через горы.

В Копале наша задача: навести контакты с участниками гражданской войны, записать воспоминания, при необходимости, помочь по дому. Довольно много встреч. Неожиданно дед с седой бородой, посмеиваясь, озадачил наивных комсомольцев-энтузиастов: «*Участники-то участники, да не попадитесь на участников не с той стороны!*» Заулыбались вместе с ним, призадумались. Что бы это значило?

Во времена Хрущёва начался возврат на Родину казаков, уйгуров, казахов, то ли наши разрешили, то ли китайцы выталкивали. Ранее, в Текели приходилось общаться и беседовать с русской семьёй (не казачьей), возвратившейся из Китая в 1956 г., там у них был свой табун лошадей, в Казахстан вернулись с двумя чемоданами и строго ограниченным количеством быстро израсходованных денег. Небольшая часть казаков вернулась и в Копал.

Как-то уж очень мысль седого казака врезалась в память. Злободневная мысль! И в нынешнее время! Достаточно просто поинтересоваться истоками благополучия многочисленных наших ВИП-персон, без конца мельтешащих в СМИ.

Ещё в памяти: казахи украли наших трёх лошадей, несколько суток поиска. Лошади служили для перевозки груза, а ночью стреноженные паслись. Нашли лошадей угнанными уже за пятьдесят километров. На перегоне к своему лагерю получил хороший опыт верховой езды. По ходу произошёл опасный инцидент, со временем — забавное воспоминание. Я спокойно ехал верхом на кобыле, непонятно откуда появился крупный осёл с явными намерениями стать папой очередного мула (соответствующий взведённый орган почти касался земли). Лошадь понесла, как удержался (не в седле, а на подвязанной телогрейке), до сих пор удивляюсь. Удивила скорость бега осла,

но метров через сто он отстал, наверно, зацепился за кочку.

По окончании перехода попали на областной слёт туристов в Талды-Кургане. Здесь мы оказались самыми старшими, ночевали в палатке, куролесили, наделали много глупостей. В частности, собирались по заказу снять с кого-то из прохожих супермодный в то время широкий клеёнчатый пояс и подарить девице из отдалённого района. Чудом избежали крупных неприятностей, но жалобу на нас организаторы слёта в Текелийское гороно всё равно написали.

К 13–14 годам начала проявляться потребность в музыке, что-то я дома канючил, и родители приобрели ламповый приёмник «Балтика», а затем к нему проигрыватель. Помню, мастерили антенну для приёмника на всю длину чердака многоквартирного дома в Текели. С антенной (медная пружина, какая радость для нынешних воров) помог дядя Роберт, начальник цеха радиотехнического завода в Соликамске. Для середины 50-х «Балтика» рижского изготовления считалась классным приёмником и позволяла даже в такой горной глуши как Текели сносно принимать многие станции. Любил слушать, помимо политических новостей, круглосуточный музыкальный маяк для самолётов на средних волнах. Популярность у владельцев радиоприёмников музыкального маяка, вероятно, надоумила кого-то позже создать радиостанцию «Маяк».

Проигрыватель представлял собой невзрачный ящик в две трети величины приёмника, автономно работать не мог, то есть музыкальная система была стационарна и не предназначена для систематического перемещения (неудобно и тяжело). К тому же боялись стряхнуть нити в десятках разнообразных ламп «Балтики», ремонт или замена ламп в условиях Текели становились большой проблемой.

Приобретением пластинок занимался я, естественно, на родительские деньги. Приносил пластинки типа «Гулял по Уралу Чапаев — герой…» ставил на проигрыватель, слушали всей семьёй вместе с бабушкой. Как же много изменилось в нашей жизни за 40–50 лет! Покупал народные песни, песни Лидии Руслановой. Героизмом было достать песни Утёсова, Бернеса или Шульженко. «Голубку», типичный шлягер, хотя и слова такого никто не знал, крутили многократно, даже при наборе этих строк слышу голос Клавдии Шульженко. Хорошие (по тому времени и моему провинциальному детскому восприятию) пластинки были дефицитны.

Пластинки на 78 оборотов в минуту представляли собой тяжёлые жёсткие диски из винипластов. Выпускались по одной технологии десятки лет, помню десятки хорошо звучавших

пластинок у дяди Павла, которые он вывез «в качестве трофея» из Германии. Иголки использовались стальные, быстро тупились, приходилось поправлять надфилем. Прорывом в звукозаписи стали «долгоиграющие» пластинки (33 оборота в минуту) из более лёгкого, гибкого материала, позволявшие звучать минут по 30, до десятка песен. Появились корундовые иглы, первые партии имели серьёзный недостаток: резали и быстро выводили из строя старые пластинки.

Дефицитные пластинки из-за частого применения разбивались, приходилось склеивать раскалёнными патефонными иголками (по-моему, эту технологию восстановления расколотых пластинок почерпнул из журнала «Техника молодёжи»). Помню, сколько пришлось повозиться с восстановлением привезённой папой из Тбилиси в начале 1957 г. пластинки «Мишка, Мишка! Где твоя улыбка?..» По меркам Текели «Мишка» — суперхит, пластинка пошла по рукам и по танцам в разных школах. В конце концов, мне пришлось склеивать осколки, танцевать можно было, хотя регулярный стук иглы проигрывателя мешал нормальному восприятию. В 1992 г. при проводах родителей в Германию заглянул на чердак отчего дома, увидел запылённую «Балтику», гору старых пластинок, ещё какие-то напоминания об активных школьных годах и что-то в душе защемило. Это даже не ностальгия, просто всплеск памяти, некое запоздалое прощание с детством. Много лет родители не трогали дорогие мне вещи, позже забыли о них, а новые хозяева дома, надо полагать, выбросили при первой же капитальной уборке.

Повторю, в 14–16 лет (8-й — 9-й классы) для меня главная музыка звучала на танцах. Школьные вечера проходили каждую субботу, а иногда 2–3 раза в неделю. Танцевали вальс (Иоганн Штраус вне конкуренции), фокстрот (Рио-риту играли по несколько раз за вечер), танго, краковяк, бостон… до упада под баян и радиолу, о магнитофонах только слухи начали появляться. Вроде бы танцевал неплохо и легко, по крайней мере, мне так девушки и женщины говорили. Тем более неожиданным прозвучал упрёк Влады в 1973 г., что во время танца надо слушать музыку. С тех пор я танцую редко и, преимущественно, в глубоком подпитии.

В последние школьные годы было и множество других увлечений.

Голуби — любовь на всю жизнь, хотя и содержал их всего 3 года в Текели. Параллельно двухэтажному многоквартирному дому стоял сарай, в котором каждый квартиросъёмщик имел свою долю. Папа держал кур, а я завёл голубей, начал с парочки, позже стая выросла до трёх десятков птиц. В те годы большинство

мальчишек увлекалось голубями, вспомните фильм «Прощайте голуби». В 1957 г. «Комсомольская правда» объявила, каждый представивший 50 белых голубей на Всемирный фестиваль молодёжи, бесплатно поедет в Москву. Для мальчишек далёкого провинциального казахстанского Текели появился шанс посмотреть Москву, но среди знакомых голубятников не оказалось владельцев такого большого количества именно белых птиц.

У меня были разные голуби: почтовые, шеебойные, лохмоногие, красные, пёстрые, дымчатые…. Без конца обмены, искусственное спаривание (бывало, сидит пара голубей в тесной клетке месяц, яиц нет, оказывается, голуби одного пола, среди молодых голубей трудно отличить голубя от голубки). Особенно я любил вертунов, независимо от внешнего вида. Задерёшь голову вверх, голубь поднимается высоко-высоко, затем начинает стремительные перевороты через хвост: 1, 2, 3… 5… 7, не успеваешь считать. Бывает, к сожалению, что голубь не успевает перейти в состояние нормального полёта и врезается в землю. Для голубятника трагедия. Случались в голубятне и другие чёрные времена, когда пискун (молодой голубь, не умеющий летать) вываливался из гнезда. Куры мгновенно разрывали голубёнка, здесь впервые обратил внимание на кровожадность кур, казалось бы, спокойной домашней птицы.

Несколько раз бесполезно пытался воспитывать директор школы Силуков, дескать, негоже десятикласснику бегать по крышам. Родители молчали, но чувствовалось, что папе нравилась увлечённость голубями.

Распространённое явление среди пацанов — воровство голубей по ночам (в темноте голубь не видит, улететь не может). Сам я тоже участвовал в набегах на чужие голубятни, однажды хозяева украденных с моим участием голубей «взяли след», пришлось бабушке предложить несколько отличных голубей для супа. В немецких деревнях на Украине специально выращивали голубей на мясо, бабушка давно просила выделить для семейного стола несколько штук. Но этот случай был вынужденный и единственный в моей жизни. Кстати, не успел я уехать в 1958 г. поступать в институт, голубей украли, приехал после вступительных экзаменов, а над сараем одиноко сидит вырвавшийся из плена старый дымчатый голубь и боится залететь в голубятню. Прощайте голуби!

В последние годы в городах (Томск — не исключение) голубями занимаются, преимущественно, мужики, сохранившие любовь с детства, для некоторых это бизнес. Красивых голубей держит один пьяница в наших гаражах. По тому, как он ухаживает

за голубями (не на продажу), как любуется их полётом, чувствуется внутренне порядочный человек. Красивых голубей я наблюдаю каждый приезд в Папенбург. Кузен Витя Ремезов (Haas) развёл редкую «русскую» породу голубей и продаёт их через специальные общества по всей Германии. Красивые голуби, часами могу стоять наблюдать, и что-то щемит в душе.

Домино — игра, в которую любила играть бабушка, причём культурно ставила костяшки, не любила стука по столу, аккуратно убирала в комод коробочку с костяшками сразу после игры. В описываемое время во дворах собирались мужики и дотемна «резались» в домино. Игра навылет, с громкоголосыми болельщиками и очередью жаждущих сразиться. Мне нравилось, костяшки так стучали, что женщины из окон высказывали претензии. С другой стороны, это я сейчас понимаю, они были очень довольны, что мужики перед глазами и не пьянствуют.

Одно время увлекался игрой в домино в 4 стороны (забыл, как она называется), игра достаточно интеллектуальная, требует постоянного счёта, но слишком мало умеющих играть.

Фотография — ещё одно увлечение, начавшееся в начале 8-го класса после того, как родители подарили фотоаппарат «Зоркий» (портреты, пейзажи, спортивные репортажи…). Какие фото сохранились с похода в Копал! Фотолабораторий не было даже в школе, все операции выполнялись в ванной, по ночам на кухне. Фотоувеличитель «Ленинград» так и остался на чердаке отчего дома, когда родители уезжали в Германию.

Чтение также оставалось любимым занятием. Когда вдруг «натыкаешься» на дилогию Ильфа и Петрова, а впервые я прочитал похождения Остапа Бендера в 8-м классе (1955 год, первое послевоенное издание), появляется потребность доставать новые и новые книги, о которых школьная программа даже не упоминала. Казалось бы, что особенного, описание похождений обычного жулика (современное название — рэкетир). Несколько десятилетий я знакомым говорил, что имею всегда рядом три любимые книги: «12 стульев» и «Золотой телёнок», «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека и «Мои современники» Корнея Чуковского. Первые две книги можно открывать в минуты депрессии на любой странице, через некоторое время настроение поднимется. Здоровый оптимистичный житейский юмор этих произведений переживёт века, многие шутки превратились в «народный» фольклор. Чуковский же открыл много неизвестных мне деятелей искусства начала 20-го века, в лучшем случае где-то фамилии слышал (Леонид Андреев, Саша Чёрный, Ремизов, Белый, Блок…). Сейчас все они свободно печатаются, попробуй только сам разберись, что более достойно твоего внимания при

перегрузке организма телевидением и интернетом. Чуковский дал довольно объективные оценки Горького (до какого-то момента в общественном сознании идеальный человек и писатель, теперь же зачастую представляется только сталинским певцом Гулага), Репина. Пропаганда рекламировала репинских «бурлаков на Волге», но старалась не упоминать работы художника для высшей власти России, хотя огромное полотно «Заседание государственного совета» числится среди шедевров российской культуры.

Несомненно, одним из главных развлечений оставалось кино. В середине 50-х началась экспансия на отечественный рынок индийского кино. Первые фильмы («Бродяга», «Паром», «Господин 420»…) произвели фурор среди кинозрителей, пожалуй, больше, чем при появлении «трофейных» фильмов Голливуда. Чувственность индийских фильмов, мелодраматичность, музыкальность, искусственность ситуаций, внешняя красивость привлекли советского зрителя, воспитывавшегося в рамках так называемого социалистического реализма. Возникло море анекдотов и прибауток, на базе сюжетов или музыки. Например, на мелодию песни в фильме «Господин 420» (исполнитель — знаменитый актёр Радж Капур), возникла популярная в мужских кругах песенка со многими куплетами «Нас двое, ты один, трижды семь — 21, пойдём в магазин, на пол-литра сообразим…» (21.20 стоила бутылка простой водки). Постепенно индийское кино начало «приедаться», в первую очередь более продвинутой публике контрастом между прозой жизни и искусственностью сюжетов. В студенческие годы меня уже нельзя было заманить на слезливые индийские фильмы никаким образом. Впрочем, среди массового индийского кино (по количеству выпускаемых в год фильмов Индия давно «впереди планеты всей»), наверняка есть и фильмы мирового уровня. Лет 20 назад я случайно посмотрел индийский фильм «Танцор Диско» и поразился, насколько фильм близок современному западному кино. Личное наблюдение: любители массового индийского кино (преимущественно, женщины) стали яростными поклонниками слезливых южноамериканских телесериалов. Плача над придуманной чужой судьбой женщина сбрасывает стресс от собственных житейских невзгод (как говорил герой Мкртчана в фильме «Мимино» — я так думаю).

Основное увлечение в художественной самодеятельности — индивидуальное чтение. Опыт дяди Отто явился дополнительным стимулом. Монолог современного Хлестакова читал много раз, в том числе в рабочих клубах перед разнообразной публикой. Однажды, в доме культуры железнодорожной станции Текели

(полный зал, человек 300) испытал потрясающий эффект принимающего тебя зала. Выступление прошло на одном дыхании, много аплодисментов, впервые реально осознал контакт со зрителем.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОРДЕНА КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО СОДЕЙСТВИЯ АРМИИ, АВИАЦИИ И ФЛОТУ (ДОСААФ СССР)

Курсы первичной организации ДОСААФ

СВИДЕТЕЛЬСТВО № 124

Настоящее свидетельство выдано гр. Келле Довиду Самуиловичу (фамилия, имя, отчество)

в том, что он обучался с 1 сентября 195_ г. по 15 июня 1958 г. по программе подготовки шоферов 3 класса (наименование программы)

и на выпускных экзаменах согласно протоколу № 1 от 15 июня 1958 г.

Выдано удостоверение шофера профессионала сер. ФДМ № 661015 от 5 мая 1958 г. ГАИ УМ Талды-Курганской области

2. Правила движения автомобильного транспорта Четыре (4)

3. Вождение автомобиля

М. П.

Председатель

Городского (районного) комитета ДОСААФ.

ВЫДАНО 15 июня 1958 г.

Города Текели

Документом на право управления автомобилем не служит

1958 г. Текели. Школьный автомобильный кружок, я — крайний справа во втором ряду.

Физически я развивался неплохо, играл в футбол и волейбол, много ездил на велосипеде, зимой на лыжах, но никогда не был среди спортивных лидеров. И вот в 9-м классе Рамм (лучший терапевт Текели, друг родителей) обнаружил какие-то нарушения в деятельности сердца, соответственно, выписал освобождение от физкультуры. Сейчас понимаешь, что освобождение от уроков физкультуры — большая глупость, но авторитет Рамма и родителей для школьного медика был непререкаем.

Во внеурочное время спортивные занятия продолжал, как и раньше. Очень любил кататься с гор. Час, полтора забираешься на гору, затем в течение нескольких минут спускаешься. Конечно,

никаких специальных горнолыжных приспособлений не было, обычные деревянные беговые лыжи (1957 год!). За день до начала зимних каникул в 10-м классе кувыркнулся так, что лыжи остались целые, но я с трудом добрался до дома. Оказался двойной перелом большого пальца правой руки, все каникулы ходил как Щорс (шутка того времени) с загипсованной рукой на перевязи. В который раз каникулы пропали!

Запомнил первое тяжёлое опьянение. 1 мая 1957 г. после демонстрации (~ 5 км от дома) зашли небольшой группой в грязную забегаловку. Старший среди нас, уже отслуживший в армии, берёт пару «огнетушителей» (0.8 л) портвейна, наливает по гранёному стакану, затем ещё по одному. Без закуски. Дорога пешком домой под ярким солнцем. Дальше помню причитания бабушки над раскладушкой и таз рядом. Обычно в 8-10 классах весной мы группами ходили в горы за цветами, брали с собой поесть, 1–2 бутылки мускателя (~ полстакана на нос). Никаких проблем не возникало, кроме финансовых (родители приобретение алкоголя не поощряли). Первомайский урок оказался своевременным и полезным, своего рода алкогольным ликбезом.

Заканчивались школьные годы. По всем параметрам шёл на медаль. Но весной 1958 г. «хрущёвские толчки» повлияли и на эту сферу. Пресса сознательно начала «игру на понижение» престижа медали при окончании школы. Отменены преимущества медалистам при поступлении в институт, 80 % мест первокурсников отводилось лицам, отработавшим не менее двух лет.

Школьные годы заложили серьёзный интеллектуальный базовый фундамент, позволивший продолжать обучение в любом направлении, за исключением искусства, азы которого на периферии преподаются просто безобразно. Скажете, нужен талант. Но талант проявляется, когда для этого создаются условия. Впрочем, на эту тему можно спорить бесконечно и каждый останется при своём мнении.

Выпускные экзамены длились 3 недели, первые 2 недели где-то между гороно и облоно «таскали» моё сочинение, в конце концов, поставили 4 (интересно, в 10-м классе учились 5 немцев и все были лучшие в русском языке). Последний экзамен химия, получаю 4. Вдруг узнаю, что по тригонометрии выставили годовую четвёрку (чушь полная!), очевидно последние две оценки, чтобы снять споры по медали. В результате, вместо золотой медали вообще ничего. Дальше выпускной вечер и всё! Крупный жизненный этап позади!

Уважаемый читатель! Возможно, кому-то покажется

излишней детализация школьной поры, но появление каждой новой школы в судьбе ребёнка — свидетельство серьёзных перемен в жизни семьи. И в то же время, импульс к восприятию новых впечатлений, выработке способности к самостоятельному мышлению. Воспоминание по теме. 9-й класс. Как-то вызывает к себе директор школы Силуков и обвиняет меня в том, что не расту. Тогда я не совсем понял его мысль. Ведь появился в 8-м классе с уровнем интеллекта на голову выше подавляющего большинства одноклассников. Спустя много лет осознал причину скачкообразного расширения собственного кругозора. Приход в каждую новую школу являлся стимулом, способствующим развитию. Работало самолюбие нового ученика. Действительно, ещё в Ягодном учителя говорили, что в 5-м классе (интернат) я учился лучше, чем в 6-м, когда жил с родителями. Так было в 8-10 классах и в университете, где сначала блеснул вступительными экзаменами, первым колхозом, общественной активностью, затем запустил учёбу и выполнял только обязательные занятия. В будущем тенденция не изменилась. Очевидно, серьёзные перемены жизненных реалий для моего характера являются активным стимулом интеллектуального роста.

Студент

1958–1963 гг.

Вскоре после выпускного вечера отправил документы в Томский мединститут, оказался в результате студентом химического факультета университета, мог бы стать студентом механико-математического факультета или какого-нибудь другого. Три железнодорожных пересадки (Уштобе, Новосибирск, Тайга), общий вагон, более двух суток в пути, и 19 июля 1958 г. оказался в Томске. Чемодан в камеру хранения и сразу в приёмную комиссии мединститута. Неприятный сюрприз. Сдачу экзаменов определили мне во втором потоке после 10 августа (не указал в заявлении, какой иностранный язык изучал в школе), поэтому общежитие не положено. Езжайте домой, к экзаменам вернётесь, получите общежитие.

По иерархическим ступенькам мединститута дошёл до ректора (академик Торопцев) с просьбой разрешить сдавать экзамены в 1-м потоке. В кабинете ещё несколько человек. Торопцев глубокомысленно и «уважительно» спрашивает: «А почему Вы не поехали в Ташми, Казми?» Тогда я даже не понял, что речь идёт о Ташкентском и Казахском мединститутах. Сейчас я нашёл бы что ответить. Отвратительна ситуация, когда семнадцатилетний мальчик стоит перед вальяжно развалившимися профессорами и объясняет, что хочет учиться в Томске (только-только разрешили немцам выезжать из Казахстана).

Что делать? Посоветоваться не с кем. Не могло быть и речи о возврате в Текели. Пара дней на вокзале, затем удалось устроиться в коммунальной гостинице по ул. Розы Люксембург. В комнате человек 20. По вечерам все собирались в холле «на телевизор». Телевизор «Луч» с малюсеньким экраном. Для меня это было первое знакомство с ТВ. Говорили, что Томск — третий город СССР после Москвы и Ленинграда, внедривший телевещание. Телевизор работал с 18 часов, холл гостиницы наполнялся заезжим людом, кто успел, притащил стул из комнаты проживания. Через час в холле не продохнуть, люди, не отрываясь, смотрели на чудо второй половины 20-го века, телевизионный экран, на котором чередовались старые кинофильмы и концерты. Позже, в студенческие годы передачи ТВ практически не смотрел, общежитский «ящик» без конца ломался, а до телевизора (собственного или напрокат) в комнате студенты дожили лет через 30.

Пора вступительных экзаменов приближалась. Днём ходил на консультации в мединститут. А как жить после экзаменов, общежития не обещают даже первокурсникам? Эти мысли не давали покоя. И, наконец, 31 июля последний день приёма документов забираю аттестат зрелости в мединституте и прихожу в приёмную комиссию университета. Время 17.30 (работают до 18:00), а я размышляю: мехмат или химфак. Победил химфак, т. к. завтра утром на мехмате надо сдавать математику (у меня не было с собой даже учебников, в мединституте математику не сдавали), а на химфаке химию.

Хорошо помню атмосферу около экзаменационной аудитории. Появляется Женя Чернов, приехавший в Томск из Кузбасса. Массивный парень, тёмный (сложная смесь армянских и славянских кровей), мрачный, в крупных очках в роговой оправе выплывает из экзаменационной комнаты, недовольный четвёркой по химии. Вокруг трясущиеся абитуриенты, преимущественно, вчерашние школьники, пытаются узнать, что экзаменаторы спрашивают дополнительно. Женя молчит, недовольно трясёт головой.

Спрашиваю: «Почему недоволен, ты же производственник (набор — 50 человек, 80 % мест резервировано абитуриентам с рабочим стажем не менее двух лет)?

Ответ-вопрос, типичный для Жени и через полвека: «А ты Некрасова читал? А Глинку?» Я не понял даже, о чём идёт речь, так как никогда не слышал эти фамилии применительно к химии. Позже узнал, это однофамильцы (может, дальние родственники) великих деятелей русского искусства — авторы фундаментальных университетских курсов по общей и неорганической химии Борис Владимирович Некрасов и Николай Леонидович Глинка. Прошли годы, открывая эти учебники при подготовке к лекциям или в справочных целях, всегда вспоминаю 1-е августа 1958 г. и умного (так мне казалось) абитуриента Чернова.

Можно представить недоумение дома, когда получили из Томска телеграмму: «Сдаю экзамены в университет. Химия пять. Эрвин»

Первые четыре экзамена сдал отлично (химия, математика, литература, английский), физику сдавал 16 августа, когда в группе из 25 осталось человек 10, получил 4.

На общем собрании абитуриентов, сдавших экзамены, декан химфака Людмила Арсеньевна Алексеенко: «Все, кто имеет 25, 24, 23 балла могут спокойно ехать домой до 1 сентября».

С приличной экзаменационной карточкой (предметы те же + математика) пришёл в мединститут (с детства мечтал быть врачом). Возьмите! Председатель приёмной комиссии меня

хорошо запомнил, не сказал чётко «нет, это невозможно», а долго внимательно смотрел на меня, мялся, ждал…. Этот взгляд невозможно забыть, но тогда наивный 17-летний мальчишка, не понял. Да у меня и денег не было, только на билет до дома. Так я вместо медика стал химиком. Обидно. Через полгода встретил парня, вместе ходили на консультации, студента мединститута, хотя он завалил первый же вступительный экзамен по химии. Запомнил среди абитуриентов мединститута выделявшуюся группу приезжих грузин человек в 15, которые не имели проблем с проживанием и все поступили. После второго курса химфака ТГУ я сделал последнюю безуспешную попытку оказаться в мединституте. К этому времени знакомого председателя приёмной комиссии уже посадили за взятки.

Плюнул и поехал в Текели объяснять родителям, как и почему оказался в университете. Положительные эмоции от самого факта поступления в институт оказались значительно выше.

Первый курс

Вернулся в Томск 31 августа и на следующее утро отправлен в первый студенческий колхоз. Однокурсников не знал (отсеялось не менее двухсот абитуриентов, да и жил я во время экзаменов не в студенческом общежитии), знакомились в стареньком колхозном автомобиле ЗИС-5, на котором нас часа три везли по грунтово-гравийной дороге в Громышовку Зырянского района выполнять долг Родине, помогать убирать урожай. Именно в Громышовке впервые бросилась в глаза ненормальность организации сельского труда. Тысячи присланных из города студентов и рабочих трудятся от темна до темна и в смену по ночам, а большинство колхозников спокойно занимаются своими делами: убирают огороды, заготавливают грибы, ягоды и кедровые орехи, торгуют на базарах Асино и Томска, готовят дрова на зиму…

А пока мы едем на соломе в *открытом* кузове (представить можно по «колхозным» кинофильмам первой половины 50-х), рюкзаки, сумки, сетки свалены в кучу, а Тоня Нестеренко, оказавшаяся рядом со мной, мешок, обвязанный верёвкой (самодельный рюкзак), не выпускала из рук. Я предложил Тоне бросить её сидор в общую кучу, не украдут, понимания не нашёл. Продолжил разыгрывать тему, чтобы как-то скрасить утомительную дорогу. Сидор, сидор, сокурсники веселились полдороги — так и приклеилось надолго к Тоне, второе имя. Смеялись все, но Тоня с полгода косилась на меня и не разговаривала, хотя учились в одной группе. Тоня — интересный типаж, чуть задержусь.

Тоня — младшая на курсе, 1942 г.р., приехала учиться теплоходом по Оби из Парабели на севере Томской области. Район Парабели — одно из мест массовой ссылки в страшные 30-е годы, чуть севернее расположен печально знаменитый Нарым. В наши студенческие годы, несмотря на политические изменения в стране, было не принято гордиться социальным происхождением, если ты не из пролетариев. Мне трудно было понять скрытность и неразговорчивость детей и внуков принудительных переселенцев, так как сам свободно рассказывал о детских переездах под вооружённой охраной из Челябинска-40 на Колыму, и всё прочее. Преподаватели истории КПСС (помимо экзаменов на первых двух курсах ещё и госэкзамен после пятого) Томского университета, в большинстве глухари-догматики, продолжали твердить о пользе коллективизации и целесообразности ссылки зажиточных

крестьян, под кличкой «кулак» в Сибирь. Я никогда не слышал, чтобы Тоня рассказывала о своём происхождении, но из-за прижимистости в характере её часто за глаза называли кулачкой. Действительно, Тоня считала каждую копейку, из дома ей мало помогали деньгами, одевалась скромно.

Тоня хорошо училась, иной раз с истерикой, пересдавая «хорошо» на «отлично», что не очень было принято на нашем курсе, добивалась повышенной стипендии. В то же время, имея большие сложности с чувством юмора, превратилась в постоянный источник упражнений смешливых сокурсниц в 8-местной комнате. Имел возможность регулярно наблюдать, так как питались в одной коммуне и моя будущая жена Нина жила в этой комнате, сам Тоню больше не заводил. Типичная шутка, типичный для Тони финал.

Ужинаем за огромной сковородой жареной картошки. Кто-то из девушек случайно обнаружил среди книг один старый неиспользованный билет в кино на 9 часов. Тоня появляется на ужин с опозданием, примерно в полдевятого.

— Тоня! Билет в кино лишний, пойдёшь?

— Пойду, только поем сначала.

— Да ты что? Опоздаешь! Беги, мы тебе картошки оставим!

Тоня унеслась, все смеются в предвкушении её скорого возврата, кинотеатр в полукилометре от общежития. Ждали, ждали, ужин закончился, Тони нет. Мы с Ниной вышли на традиционное место «дружбы» у подоконника в конце коридора. Ближе к полночи мимо нас движется довольная Тоня.

— Тоня! Как кино?

— Понравилось! Только сначала я не могла минут десять согнать со своего места какого-то нахала.

Девчонки в комнате разбитные, все до конца учёбы пристроились (вышли замуж), кроме Тони. Парней, политехников и военных курсантов, в комнату ходило много. Девчонки подтрунивали над Тоней, почему не приберёт к рукам кого-нибудь. По-видимому, достали. Однажды поздно вечером появилась в комнате, разделась и начала ходить туда-сюда полуголой, демонстрируя синяки. Обычно девушки, женщины стараются прятать случайно образовавшиеся синяки на шее и других интимных местах. Впечатление Тоня произвела, тему закрыли.

В 1968 г., переехав из Барнаула в Тюмень, обнаружил Тоню в индустриальном институте ассистентом кафедры общей химии, лет через 10 защитила диссертацию. Здесь она подобрала хорошего, красивого и умного, первокурсника дневного отделения, женила на себе (чуть не выгнали Тоню за это с

работы), перевела на заочное отделение, родила Павлика. Муж, строитель, получил квартиру (неоднократно в 70-е бывали с Ниной в гостях, выпивали вместе), окончил институт и через некоторое время ушёл.

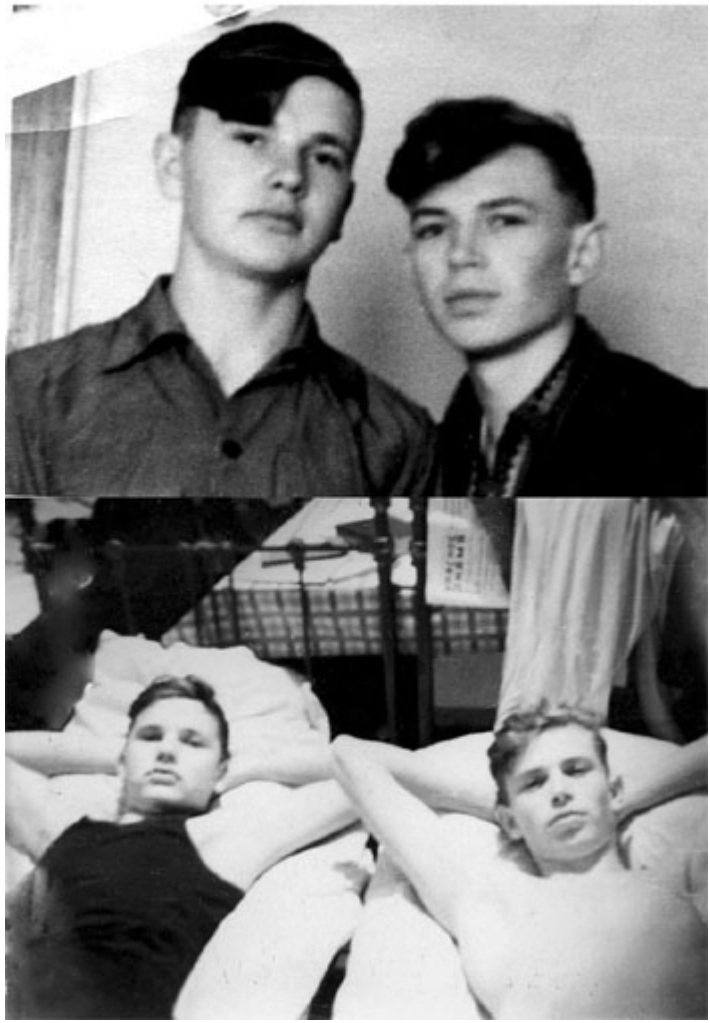
При переходе России в рынок Тоня бросила институт и занялась челночной торговлей. В сентябре 2002 г. я приехал на три дня из Томска в Тюмень, первая жена Нина и старшая дочь Эльвира со смехом рассказывали, как Тонька с сыном Павлушей торгует на базаре и что там она себя, наконец, нашла. Мне не смешно, разговаривать на тему Тониной работы не хотелось. Гены, однако, сказались!

Итак, мы прибыли в Громышовку, расселены по квартирам. Наша группа в 9 человек, включая двух парней (меня назначили старшим), расположилась на полу в однокомнатной избе у вредной старухи (за каждого постояльца получала определённое количество трудодней). Матрасовки, привезённые из общежития, набили соломой и, довольные жизнью (солнечно, золотая осень), пошли осматривать убогую деревню. Сельпо торгует пряниками и дешёвыми конфетами «Дунькина радость» (липкие подушечки или драже без всякой упаковки) производства районного пищекомбината. Нас эти «деликатесы» очень даже устраивали, тем более что молоко могли брать в колхозе без ограничений.

Лирическое отступление на тему «всегда любил петь». Где-то к 9-му классу школы «хоры закончились», моё участие тоже. Переходный возраст, обострённое восприятие стороннего малокомпетентного мнения типа «не кричи, когда поёшь» привело к тому, что я десятки лет вообще не пел в присутствии посторонних, хотя всегда любил мурлыкать под нос запомнившуюся мелодию (слова песен запоминал редко). В колхозе перед первым курсом сокурсники помнят меня напевающим «Ты гори моя звезда…», последние 30 лет люблю напевать несколько слов романса «Отцвели уж давно хризантемы в саду».

Подружились со Славой Зуевым. Мы практически неразлучны, работали в паре на уборке и перевозке зерна, рано утром бегали несколько километров (оба жаворонки) с вёдрами на молочную ферму, пока девушки спят. Первый семестр мы всё ещё неразлучны, в спарке, по авиационной терминологии, Слава — ведомый. Неожиданно Славе стала трудно даваться учёба, да он и интерес к учёбе потерял, помню потухший взгляд, когда надо было готовиться к коллоквиуму или экзамену. Слава нашёл себя в спорте, много тренировался, вышел в лидирующую группу бегунов университета, а затем и Томска, на средние дистанции (400, 800, 1500 метров). Стал спортивной знаменитостью Томска.

Постепенно Слава начал отдаляться от меня, тем более, нашлись «доброжелательные» сокурсницы, порицавшие Славу, что тот постоянно следует моим советам. Случился и мимолётный эпизод в конце первого курса, когда сокурсница, за которой он ухаживал (отличная бегунья на средние дистанции!), больше смотрела на меня (безнадёжно, но Славу задело). Слава бросил университет (по-видимому, это случилось во время моих болезней на третьем курсе, точней не скажу), не знаю, куда исчез. Слава просто не туда пошёл учиться. Хорошо помню, кроме спортивных достижений Слава удивлял умением отлично рисовать и чертить. Человек, способный добиваться побед в спорте, психологически не может терпеть поражений в других сферах, моральных унижений от слабой учёбы (тройку тренеры всегда в состоянии обеспечить, но не то, не то…). А химфак университета выпускал химиков высокой квалификации, спортивные достижения студентов являлись неким украшением малочисленного факультета, не более того.



1958 г. Томск. Первокурсники в студенческом общежитии. Справа Слава Зуев.

В Громышовке мы познакомились с одним из популярных самодельных алкогольных напитков, медовухой, брагой на отходах производства мёда. Каждый пасечник имеет свой рецепт, несколько раз приходилось угощаться, так как водитель любил «по пути» заезжать на пасеку, воспоминания только положительные. Медовуха — обманчивый напиток, пьётся легко. Хорошо принявши на грудь, ощущаешь ясную голову и непослушные ноги. Проспавшись, не чувствуешь похмельного синдрома. По-видимому, сказываются целебные свойства мёда.

Мы со Славой больше других были на работе и с хозяйкой не конфликтовали, но девушки не смогли наладить отношения. Тон задавали две однокурсницы, старавшиеся подчеркнуть

собственное «аристократическое» происхождение и любившие «качать права». Однажды бабуля попросила девчат помочь копать картошку, те наотрез отказались. Хозяйка сделала просто, все наши вещи выкинула на улицу. Конец сентября, холодно, нас поселили в заброшенном доме с огромными щелями, бывшем детском садике (акцентирую внимание, так как через 30 лет Томский нефтехимический комбинат по заданию обкома КПСС на свои средства строил детский садик в Громышовке). Пошёл снег. Дров нет, как-то ночью утащили две охапки с поленницы бывшей хозяйки, такой шум поднялся, не приведи господь. Телогрейки практически не снимали, грелись, в основном, при перелопачивании «горящего» зерна на току и в амбарах. Вернулись в Томск 13 октября.

С общежитием на химфаке всегда «напряжёнка» (до 1962 г. химики жили на Ленина 68, в центре Томска напротив почтамта), но для всех шестерых ребят-первокурсников выделили отдельную комнату. До конца вместе доучились Эдик Антипенко, Валя Егоров, Женя Чернов и я.

Через некоторое время к первокурсникам подселили на раскладушке Юрия Захарова (4-й курс), будущего ректора Кемеровского университета. Оказался большой любитель ночи напролёт посвящать покеру. Ребята на 4-м курсе подобрались толковые, любили и пошутить.

Одна из шуток запомнилась скандальным разбором на факультетском комсомольском собрании весной 1959 г. Девушки с остервенением требовали исключить всех парней курса из комсомола, те вяло отбрыкивались, просили извинить. Еле-еле большинству «зрителей» с других курсов удалось ограничить наказание строгим выговором «с занесением». Шоу, думаю, осталось в памяти у всех студентов факультета.

Что произошло? Один из парней пожаловался сокурсницам, что на «военке» (университет готовил артиллеристов) они сломали сложный прибор «клиренс» и с них требуют оплатить его стоимость. Девушки решили помочь, сбросились и передали ребятам деньги, которые те немедленно пропили. Скандал разразился, когда сокурсницы случайно выяснили, что «клиренс» — один из терминов, используемых при подготовке артиллерийских стрельб.

Через год мне в качестве и.о. секретаря бюро ВЛКСМ факультета, пришлось смотреть в униженно-просящие лица и вносить изменения (снимать выговоры) в учётные комсомольские документы, чтобы не было помех толковым ребятам при получении дипломов и характеристик в аспирантуру.

Потекли студенческие будни. С началом учебных занятий

почувствовал разницу ВУЗа и школы. Не было ежедневного спроса (много позже, работая доцентом, столкнулся с почти школьной системой обучения на первых курсах тюменского индустриального института), оказалось много свободного времени. Занятий на первом курсе почти не пропускал, многое казалось очень понятным.

Жизнь шла весело, на 1-м курсе у химиков популярно четырёхборье: шахматы, шашки, шашки (поддавки) и уголки. Часами играли на вылет. Отличный тренинг для головы. Позже о таких соревнованиях я никогда не слышал. Много играли в карты, простейшие варианты.

Холодным душем оказалась тройка при досрочной сдаче экзамена по математике в первую сессию. Лектор Василий Васильевич Черников (химики звали его Вась-Вась) предложил мне прийти сдавать с группой, но куда там. Стыдно возвращаться в общежитие (на нашем курсе это первый опыт досрочной сдачи экзамена), тем более что чемоданчик для поездки в Талды-Курган на каникулы был с собой. Кстати, Вась-Вась был своеобразным преподавателем. Лекцию заканчивал строго по звонку, мог и на середине предложения, а следующую лекцию начинал диктовать прямо от входной двери с того места, где закончил. Вась-Вась не стоял на месте, если не писал на доске, находился в постоянном движении наподобие маятника. На экзаменах ответы на поставленные изначально вопросы не слушал, студенты свободно списывали, за столом подсовывал всем одну и ту же практическую задачу. Неудов никогда не ставил, зато помню сессию, когда наша группа N881 в 25 человек пыталась взять один интеграл, в результате, 24 тройки и одна пятёрка. Так уж получилось, что все четыре экзамена по математике Вась-Вась меня «удовлетворил».

Первые зимние каникулы в январе 1959 г., кроме сдачи математики запомнились застольем в Талды-Кургане (родители опять поменяли место жительства, вернулись из Текели в областной центр). Вечером за ужином (дополнительно присутствуют две пары родственников) папа разливает своё вино. Одна рюмка, вторая и на третьей мама, округлив глаза: Эрвин, ты пьёшь? Ответить нечего.

Университет требовал другого уровня подготовки к занятиям, первый год приспособиться не мог. Умом понимал, что готовиться нужно с «карандашом в руках», но привычка к ориентации на хорошую память оказалась сильнее. выяснилось, память может подводить.

На первом курсе занятия начинались в 9 утра, а мы умудрялись вставать в 8.45 и успевать дойти от общежития до

главного корпуса ТГУ. Когда сейчас я прохожу этим путём, вспоминаю древний уличный термометр по Реомюру, висевший на угловом здании мединститута. Мало кто понимал его показания, но по дороге в университет я пересчитывал их в градусы по Цельсию. Кстати, знание фактической температуры воздуха не уберегло нас от глубокого обморожения ушей и носа именно на этом маршруте, когда мы со Славой Зуевым торопились на первую лекцию.

Любил посещать лабораторные занятия (у химиков обычная продолжительность — 6–8 часов), здесь мы умудрялись заниматься интересными химическими опытами вне программы. Одна из многолетних забав химиков-первокурсников (ребят!) — изготовление взрывчатых капсул небольшой мощности с подбрасыванием их в университетские туалеты. Визг начальства, топанье ногами, безуспешный поиск персональных виновных с обещанием выгнать из университета, первокурсники «прижимали уши», через год новый набор химиков продолжал традицию.

Жили в студенчестве скромно, стипендия 220 руб. (до реформы 1961 г.), из дома присылали 300 руб. Второй семестр оказался без стипендии, из дома присылали 400 руб. Большинство сокурсников имели малообеспеченных родителей. Питались коммуной (10–15 человек), сбрасывались по 200 руб. в месяц. Типичное дневное меню. Утром: чай без сахара, хлеб, несколько конфет типа «подушечек». Обед: суп, чаще щи (на ведёрную кастрюлю 200–300 грамм мяса), компот. Ужин: огромная сковорода с рожками или жареная картошка, кисель. Питание скудное, но зато весь месяц обеспечен. Варили обед и ужин нанятые пожилые женщины из числа обслуживающего персонала. Стандартный состав коммуны — 1–2 парня, остальные девушки. Ребят обычно освобождали от регулярного дежурства, но поручали доставлять с базара картошку и утром бегать за свежим хлебом (основной продукт питания).

Сложности начинались в воскресенье, коммуна не работала, если нет денег, беда. Кто целый день валялся на кровати, кто где-то урывал (чаще у запасливых девушек) перекусить, кто просто гонял чай без сахара.

Моё типичное воскресное одноразовое питание: 4 стакана молока по 60 копеек и 6 пирожков с картошкой по 40 копеек в ближайшей забегаловке.

Я всю жизнь любил молоко, постоянно это подчёркивал и в очередное воскресенье ребята поймали на слове, что спокойно могу выпить три литра молока, не отрываясь. Поспорили. Собрались зрители, кто-то купил в общежитском буфете и принёс трёхлитровую банку молока, причем, слегка подкисшего. Нет бы,

дать задний ход, благо есть основание. Но я упрямый, начинаю пить на глазах полутора десятков парней, опозорился, не смог допить, примерно, пол-литра. Нормальными словами ощущение подкисшего молока над заполненным до предела пищеводом выразить невозможно. Ни лечь, ни сесть — молоко стремится наружу. Память собственной глупости на всю жизнь.

Химфак университета малочисленный (250 студентов), но хорошо организован. Ряд профессоров мирового уровня: Александр Павлович Бунтин (ректор университета, завкафедрой неорганической химии, сдал ему на «хорошо» первый студенческий экзамен), Борис Владимирович Тронов (в будущем мой научный руководитель), Виктор Васильевич Серебренников (крупнейший авторитет в области редкоземельных элементов). Выросли в мировых научных светил и крупнейших руководителей в то время доценты на кафедре Бунтина Владимир Васильевич Болдырев, Геннадий Викторович Сакович.

Бунтин олицетворял собой эталон настоящего профессора (в восприятии первокурсника из глухой провинции): седина, живот, хромовые сапоги, уверенная походка… Среди студентов из поколения в поколение ходила легенда, что нельзя на экзамене ссылаться как на источник знаний по неорганической химии на учебник Некрасова, так как Некрасов только раз в тексте упомянул Бунтина, причём мелким шрифтом. Сохранилась в памяти и манера Бунтина проводить предэкзаменационные консультации. Сначала убедится, что все присутствуют. Вопросы? Нет вопросов? А зачем пришли? Дальше начинается «лирика». Бунтин: «Чем Вы занимаетесь в свободное время? А я рисую. Берёзы! Шишкин схитрил, он всё сосны рисовал, а их рисовать легче…» Много лет эти эпизоды рассказывались со смехом, а сейчас не смешно.

В описываемый период престиж химии стоял высоко, может быть, уступал только радиофизикам и ядерщикам, в конкурсе участвовали сильные абитуриенты, сам конкурс проходил очень жёстко, большинство производственников отсеивались на вступительных экзаменах. Учился курс хорошо. Не более десяти первокурсников оказались слабее основной группы, часть из них отсеялась на первых курсах, часть «доспотыкалась» через академические отпуска и закончила обучение позже.

Общественная жизнь на факультете бурлила (скорей, фонтанировала). Много лет я периодически задумывался над этим явлением. Почему подобной активности молодёжи не видел, будучи преподавателем институтов в Барнауле и Тюмени, наблюдая образованных девушек и юношей на Томском нефтехимическом комбинате? Что это было? Аура хорошего

университета? Влияние политической оттепели? Или неадекватное восприятие юного провинциала?

В художественной самодеятельности, спорте, комсомольской деятельности задействованы все студенты, причём многие умудряются совмещать тренировки, репетиции, работу в народной дружине, заседания комсомольского актива…

Среди первых членов знаменитой капеллы Томского университета большая группа химиков, в том числе мои сокурсницы Валя Занина, Эмма Ефимова, Света Финогенова… Были и танцоры университетского уровня (Софья Даутова…).

Помню, как на праздничном вечере нескольких факультетов в филармонии (ныне органный зал) вышел на сцену в *спортивном* костюме читать «Хлестакова». Сейчас мне кажется, что это было убого, но хлопали… Дважды принимал участие в конкурсе чтецов ТГУ. Существовал порядок: проводятся самостоятельные конкурсы художественной самодеятельности между факультетами по жанрам, 1–2 номера жанра рекомендуются в программу заключительного концерта ТГУ, традиционно проводившегося раз в год весной в драматическом театре Томска.

В молодости кумир — Аркадий Райкин, не понимал, что Райкин исполняет миниатюры, написанные талантливыми авторами, ни на афишах, ни по ходу концерта их не называли. Я несколько лет читал со сцены монолог современного Хлестакова, скопированный с записи выступления Райкина. Впервые задумался о роли автора текста, начав готовить монологи других современных гоголевских героев Манилова, Собакевича, Ноздрёва. Оказалось, автор — Владимир Поляков, позже уточнил, что Райкин много его миниатюр исполнял. Недавно услышал признание Михаила Жванецкого, что именно некорректное отношение великого эстрадного актёра к авторам исполняемых миниатюр стало причиной ухода Жванецкого из театра Райкина. Паразитирование на скрытых от общества талантах не красит актёра, даже великого.

Итак, сцена томского Дома учёных, 2-й курс, я читаю серию монологов Владимира Полякова. Знакомые студенты и преподаватели удивлялись, где я нашёл такие тексты. В библиотеке ТГУ. Очевидно, длинное выступление (минимум 40 минут) не могло попасть на заключительный концерт. В чём я сейчас убеждён, мне не хватало режиссёра, сложный прозаический юмористический текст требует чёткой расстановки интонаций, без помощников не обойтись. «Хлестакова» я обкатал в течение 2 лет в десятках выступлений, а вот с остальными современными гоголевскими героями сразу вышел на конкурс, оцениваемый компетентным высоко квалифицированным жюри.

Оценка жюри мне осталась неизвестной, конкурс шёл несколько дней, присутствовал только в день выступления, но очки в копилку химического факультета я принёс. Конкурс стал прощальным в моей «карьере» чтеца, участника художественной самодеятельности.

В спортивном отношении химфак всегда в первой половине из десятка факультетов. Первый курс не испортил ситуации, Слава Зуев и Людмила Матросова сразу вышли в лидеры университета по бегу на средних дистанциях. Мужчин на факультете мало, мобилизованы все. Меня «бросили» на спортивную ходьбу. Понравилось. Призовых мест не занимал, но очков в факультетскую копилку приносил много. К сожалению, этот вид лёгкой атлетики очень зависит от качества судейства. Однажды сняли за переход на бег (трасса проходила по университетской роще). Усиленно тренировался и на следующих соревнованиях (5 км по дорожке стадиона «Труд») уверенно шёл в группе лидеров. Как же обидно, когда ближе к финишу отстававшие откровенно побежали, и никто их не снял с соревнований. Закончил 7-м из 13 участников, выступление оказалось для меня последним.

Весной 1959 г. организован первый легкоатлетический «матч гигантов» ХФ ТГУ ХТФ ТПИ (по аналогии с матчем СССР США). Численность химиков-политехников раза в 4 превышала нашу и особенно большой разрыв в численности ребят. Но первая победа в упорной борьбе досталась нам. На этих матчах я выступал в качестве фотокорреспондента, причём заранее согласовано количество очков за эту работу. Фоторепортажи на первом этаже главного корпуса университета привлекли общее внимание (не рисуюсь, горжусь).

Весной 1959 г. на общем комсомольском собрании избран членом факультетского бюро, причём по инициативе старшекурсников. Удивительна реакция зала (человек 200), когда назвали мою фамилию. Заставили встать, показаться, в зале вдруг раздался громкий одобрительный гул. Забыть подобное невозможно. Такая реакция была неожиданна и для меня, но вызвала резкое неприятие ряда сокурсниц. Выясняли, кто и как выдвигал кандидатуру (я и понятия не имел). Позже на курсовых собраниях неоднократно требовали объяснять, чем я в бюро занимаюсь. Пытаюсь вспомнить фамилии активисток, не могу. Да и чёрт с ними! Из таких активисток в нынешний век выходят феминистки.

Все студенческие годы не забывал о рыбалке. В мае 1959 ловил ельцов в устье Ушайки в центре Томска. Приходил утром, часов в 5 или раньше. Удовольствие, не передать. Тишина, восход

солнца, там-сям на Томи и Ушайке плещется рыба, простая удочка, крючок, червячок. Ловил не много, 10–15 ельцов за рыбалку. Возвращался, когда ребята просыпались и собирались идти на занятия. Бросил утреннюю рыбалку, некому уловом заниматься в условиях студенческого быта. Сокурсницы игнорировали, сам я чистить рыбу не люблю, бытовых холодильников в общежитии не было.

Первый курс запомнился и душевными потрясениями, море впечатлений! 90 % окружения интеллектуально развитые молодые девушки и это хорошо, не нравится мне рекламируемый подход поэтической элиты: «*мне бы вот ту сисястую, которая поглупей!*» Классики давно расписали взаимоотношения полов и показали, в большинстве случаев выбирает партнёра женщина, хотя и не всегда это видно невооружённым глазом.

Внутренняя атмосфера небольшого общежития химиков почти семейная, все на глазах и «дурь каждого видна», проживающие не только хорошо знали друг друга, но и знали в лицо, иногда по именам, приходящих гостей, к девушкам толпами ходили политехники и курсанты артиллерийского училища. В те далёкие годы самым тяжёлым наказанием для студента было выселение из общежития, где в 4-хместных комнатах дружно проживали 8-10 человек, причём решение выносилось студсоветом, а в начале 21-го века обеспеченные студенты всякими путями пытаются избежать проживания в общежитии. У ребят-химиков проблемы с выбором подруги отсутствовали, потому и не припомню гостей-девушек, да и хозяйки общежития своих достойных парней старались на сторону не отпускать. Должен пояснить, на факультете из 10 % ребят половину составляли «чудики» по терминологии Шукшина. Один занимался только философией, другой только классической музыкой, хотя даже танцевать не умел, третий пришёл на факультет как имеющий трудовой стаж, после того как не поступил в духовную семинарию, четвёртый умный, но алкоголик, пятый отчаянный картёжник, шестого силой выгоняли в баню… Умные девушки старались от таких «чудиков» держаться подальше. Исторический факт, более или менее нормальных парней факультета «подбирали» свои девушки.

Быстро пробежали сентябрь, октябрь, ноябрь 1958 г., постепенно втягивался в ритм студенческой жизни и неожиданно (для себя и сокурсников) оказался под колпаком яркой третьекурсницы Людмилы Данской. Танцы в красном уголке и в коридорах общежития, походы на каток (в те годы под громкую музыку на стадионах «Труд» и «Динамо» вечерами катались тысячи томичей), приятное ощущение, что тебя выделяет

старшекурсница. Типичный лох по нынешней терминологии. Лёгкий флирт в начальной стадии закончился мгновенно. Сокурсницы поймали Людмилу на воровстве и в течение суток выгнали из комсомола и университета. Кто бы мог подумать? Активный общественник в университете, поступала с серебряной медалью… Прошло полвека, сколько же раз я обманывался в людях в молодости, один насильник десятиклассник Кладько чего стоит, но так и не избавился от этого недостатка (доверчивость к людям недостаток?!) до сих пор.

Прошло не так много времени, образовался квартет одногруппников, мы со Славой Зуевым, Людмила Матросова и Зоя Скрипникова. Вчетвером готовились к экзаменам на берегах Томи, чаще на «прокатной» лодке переправлялись на левый берег, совмещали купание, загорание и штудирование лекций по истории КПСС. Запомнился инцидент, потрясший нашу маленькую компанию, когда я чуть не утонул, попав в сильное течение. Случайно спас катающийся на лодке посторонний парень.

Как-то незаметно разбились на пары, изначально мне больше нравилась Людмила (до сих пор помню её спокойную реакцию, когда, перепутав двери, заскочил в девичью комнату, сидит в комнате одна, полуодетая, в комбинации, увидела меня и… никакого типичного женского визга). Зоя считала иначе, тем более что Слава с Людмилой много вместе тренировались в легкоатлетической секции. Подтверждение популярной песни: «Мы выбираем, нас выбирают»…

Прогулки до утра, ночные купания…. Мы с Зоей превратились в неразлучную пару, она даже на футбол не хотела меня одного отпускать. Взял её как-то с собой, одного раза хватило, Зоя весь матч крутилась, смотрела не на футбольное поле, а на орущих что попало, мужиков, причём в большинстве выпивших. Кстати, в те годы женщин на футболе практически не было.

Заканчивалась сессия, предстояло расставание до осени, а я даже ни разу её не обнял. Зоя преподала урок, который не смогу забыть до конца жизни. Июньская короткая ночь перед рассветом, мы гуляем по тропинкам Лагерного сада (столетний парк на высоком берегу Томи, любимое место влюблённых студентов). «*Ой! Ногу подвернула!»* До скамейки метров пять. Подхватил её на руки, не ожидая такой лёгкости, понёс, сел, не спуская Зою с колен. А дальше первый поцелуй! «Поплыл»…. Захватило дыхание, обоюдная дрожь, никаких слов в промежутке. Передать словами сложно, достаточно сказать, что в последующей жизни ни разу подобных ощущений не испытывал, по крайней мере, не

запомнил.

Ради Зои плюнул на летний колхоз (член бюро ВЛКСМ, схлопотал позже выговор), поехал провожать её до Новосибирска и дальше домой, на юг по Турксибу в Талды-Курган. При встрече Зои с родственниками на перроне она сделала вид, что вообще не знает меня. Это простить невозможно. Не было ни объяснений, ни истерик. Просто по приезду осенью в Томск я её «не заметил». Сокурсники не могли понять, что произошло. Ведь такая красивая любовь была! А была ли любовь? Похоже, нет, первый поцелуй для них оказался последним.

Но «тараканы в голове забегали», пытался осмыслить, что происходит при моих контактах с девушками. Или что-то с организмом не в порядке или любовь — выдумка литераторов. В последних классах школы переключал внимание с одной подруги на другую, разрывая отношения по пустякам. Плюс две неудачные истории на первом курсе. Много позже стало ясно, это был юношеский максималистский поиск настоящей любви.

Второй курс

История взаимоотношений с Зоей получила удивительное продолжение сразу по приезду с летних каникул. Моментально нашлась мне замена. Факультетский друг родом из Приморья Дубовенко Жорж (так в паспорте, позже на работе его звали Георгий Васильевич), узнав о разрыве, начал вытягивать подробности. Особенно удивил и навсегда запомнился вопрос, дрожит ли Зоя при поцелуе. А как иначе? Тогда я ещё не понимал, что с первым поцелуем мне просто повезло.

Томск. 1960 г. Целуется с телёнком Жорж Дубовенко. Задушевная беседа с Вадимом Дзюбачуком.

Жорж учился на два года старше, именно он на первом курсе знакомил меня с комнатой третьекурсниц, в которой произошла тягостная история с Людмилой Данской (кстати, вскоре я ушёл из их коммуны). С Жоржем жили в одной комнате, у нас всё было общее, даже деньги хранили вместе, рубашки по очереди носили. Вместе подрабатывали на хоздоговорных работах, правильней, я ему помогал. Сохранилась фотография, где мы с Жоржем играем в преферанс. Увидев моё нежелание продолжать отношения с Зоей, Жорж дотошно выяснял, насколько далеко зашли наши контакты. Убедившись, что кроме поцелуя ничего не было, Жорж приступил к активным действиям. Забавно наблюдать их отношения, здесь всё было не так, как у меня с Зоей. Жорж, как говорится, ползал перед ней «на цирлах». Она могла демонстративно публично унижать Жоржа, тот терпел. Сокурсники Жоржа посмеивались над такой любовью, тем не менее, они расписались. А наши с Жоржем отношения постепенно охлаждались, хотя моя личная жизнь тоже уверенно двигалась к женитьбе, видимо, нельзя забыть, что кто-то хорошо знакомый целовал раньше твою любимую. Жорж обиделся, что я не пришёл на регистрацию их брака, но не мог я, не мог. Жорж с Зоей работали вместе в Новосибирском академгородке, институте органической химии, в начале 70-х я посылал к ним из Тюмени для консультаций свою аспирантку Валю Нагарёву. У них двое детей. Позже супруги Дубовенко разошлись, Жорж с аспиранткой уехал в Иркутск. Новая семья не удалась. Жорж женился в третий раз, родился сын, наконец, посчитал себя счастливым. Умер в начале 90-х, подробностей не знаю. И было Жоржу чуть-чуть больше 50 лет. Зоя в 2007 г. проживала в Санкт-Петербурге.

2-й курс начался с сельхозработ в деревне Маложирово Асиновского района. Редкий случай, когда химики разных курсов работали вместе. Организована столовая под открытым небом с небольшим навесом над общим столом, повара — свои девушки. Более 70 человек расселено у местных жителей по 2–3 человека. Сопровождающего преподавателя нет, командует студентами факультетское комсомольское бюро.

1962 г. Томск. Однокурсник Эдик Антипенко, свидетель на свадьбе.

1989 г. Магадан. Маэстро эстрадной песни Вадим Козин и Эдик Антипенко.

Несколько воспоминаний. Мы с Димой Дзюбачуком (4-й курс) ездили грузчиками на ЗИС-5. В основном возили зерно, плицами с кучи (комбайн высыпал зерно прямо на землю, изредка подстилался брезент) загружали в кузов, также разгружали в зернохранилище. Оплата — мифические трудодни. Любимая работа перевозка в райцентр Асино льняного семени. Приёмщик семени немедленно платил наличными и шофёру и грузчикам. Мы с Димой получали по 30 рублей и сразу покупали пряники.

Дима учился вместе с Жоржем, переписывались с ним лет 15 после окончания университета. Дима — удивительно специфичный парень. Умный, но какой-то весь не складный. Сокурсниц «строил», любил покомандовать, однако ни с кем конкретно близок не был, даже избегал индивидуальных контактов с девушками. Похоже, Дима «комплексовал» из-за внешности (не нравилась ему своя грудная клетка), по-моему, выглядел нормально. Отличался Дима любовью к классической музыке, собирал пластинки, прижимался к радио при исполнении классики. Можете себе представить: студенческая комната, вечер, все 8 шумных жильцов на месте, Дима пытается слушать музыкальные изыски. В то же время он презирал музыку, которой увлекалась молодёжь конца 50-х, начала 60-х (рок, твист, Битлз), демонстративно не танцевал. Дима — один из «чудиков» химфака. Люди, знавшие Диму, не обижались на резкость его высказываний, зачастую в грубой форме.

Однажды Дима заставил хвататься за животы весь факультет.

Дело было так. Дима в лаборатории дипломников (здесь же работают несколько сокурсниц) выполнял под вытяжкой какой-то эксперимент. Услышав, что открывается в лабораторию дверь, Дима не поворачиваясь: «Сука Троекуровская, закрой дверь!». Дверь закрылась снаружи, грохнул хохот. Оказывается, заходил доцент Иван Михайлович Бортовой, дипломный руководитель Димы.

Какой-то период Дима опекал меня и прикрывал от внимания назойливых старшекурсниц. Зная, что я собираю марки, Дима подарил набор старинных монет (сотни 2, не меньше), которые позже я бездарно растранжирил. С Димой я вёл изредка доверительные разговоры, в том числе касающиеся взаимодействия полов. Как-то задал я Диме вопрос, мучавший меня. Могут ли здоровые мужчина и женщина лежать в одной постели и не иметь половых контактов? Дима задумался, ответил «не знаю». Вспоминаешь себя в 18–19 лет и думаешь, до чего же мы были сексуально безграмотны, как много жизненных радостей от этого потеряли. Невозможно было что-нибудь прочитать, написанное специалистами об интимных отношениях мужчины и женщины. Напомню, в конце 50-х начиналась оттепель политическая, до сексуальной ещё несколько десятилетий. В 70-е Дима работал учителем сельской школы в Тюменской области. Как у него сложилась (и сложилась ли) семейная жизнь, я не знаю.

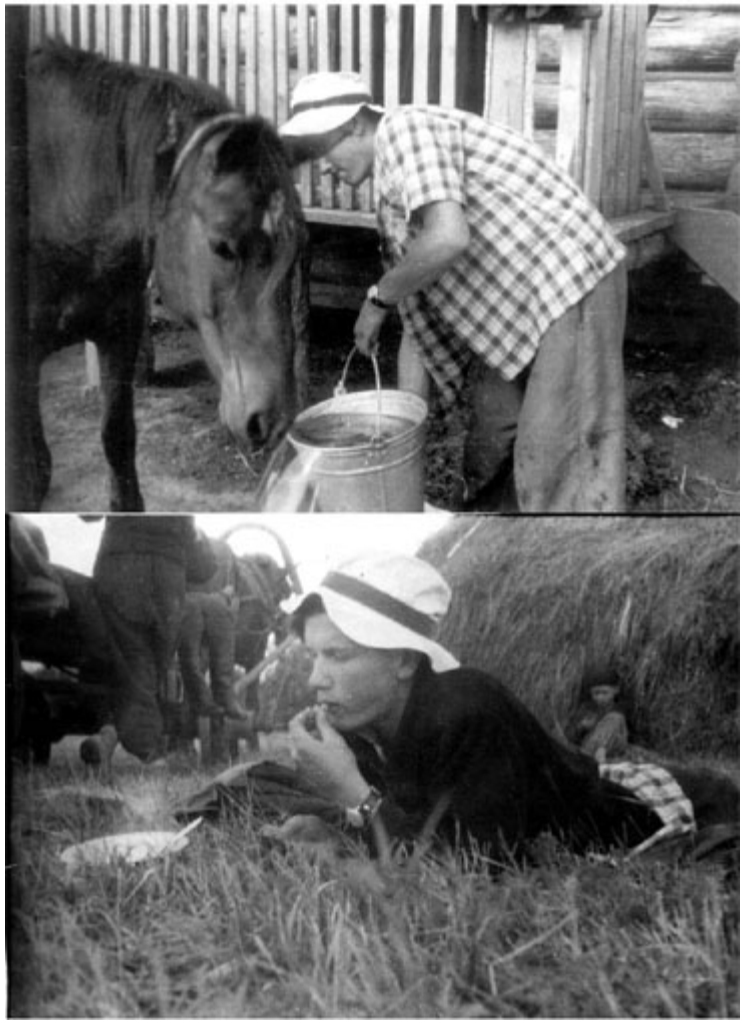
Вернусь в Маложирово. Однажды наш водитель подрядился привезти напиленные дрова из леса. Естественно, мы с ним. Нагрузили, разгрузили. Хозяин расплачивался, как принято, угощением. Стол: четверть мутного самогона, свежая варёная картошка и недозрелые жёлто-зелёные помидоры. Отказаться нельзя, не поймут, да и есть хотим. Мы с Димой не злоупотребляли алкоголем, самогон вообще не пробовали, поэтому после двух гранёных стаканов стало «весело».

Покинули гостеприимный стол, водителя с хозяином и их подошедшими друзьями, и тихо-тихо (так нам казалось) в кромешной темноте отправились на свою квартиру. Самогон, полузелёные помидоры и неумение пить — адская смесь, нас с Димой так полоскало около хозяйского курятника, что петух шумно, явно раньше своего времени, выражал недовольство.

В деревне что-то скрыть невозможно, на следующий день грандиозный скандал, внеочередное заседание комсомольского бюро, голова трещит с похмелья, а тут воспитание. Особенно активны девушки, в первую очередь секретарь бюро Головенко (я же её зам).

Прошло почти полвека, однако хорошо помню противный

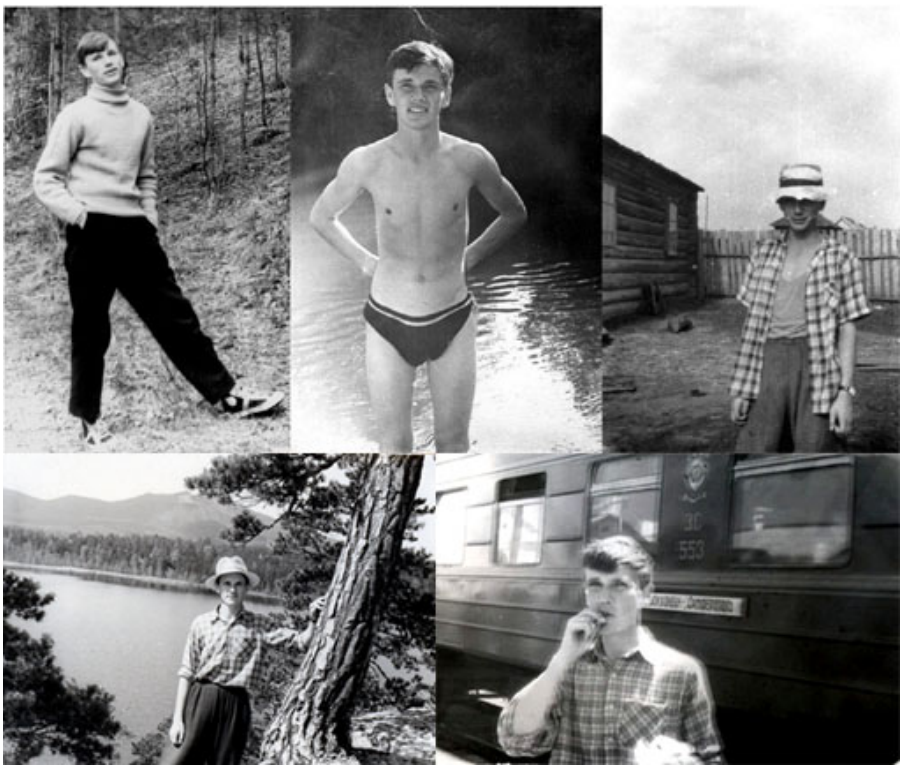
вкус маложировского самогона и его неприятные последствия.



Сентябрь 1960 г. Томская область, деревня Старокусково.

В Маложирово мы прилично заработали по тем временам и меркам. Рублей по 700 нам выдали на руки, то есть по 3 стипендии (обычно при расчёте все трудодни списывались на питание и проживание, временами, студенты ещё и оставались должными). По приезду в Томск регулярно посещали пельменную (сейчас «Бистро», рядом с ЦУМом) и «потребляли» ликёры стаканами. Бррр! В среде ребят, с которыми я общался, не пили водку, только вино, причём креплённое. Как-то помню, выкинули в окно несколько бутылок сухого «Напореулли». Кто её пьёт, такую кислятину? «Товарищи не понимали!» Интересно, факультетские девушки предпочитали водку.

На втором курсе мне общежитие не дали, окольными путями удалось попасть на раскладушку в комнату к ребятам 4-го курса, прожил с ними (Жорж, Дима, Горощенко, Ерошкин, Калинов…) 2 года. Выбран старостой, причём не по признаку какой-то повышенной хозяйственности, а чтобы легче было отбрыкиваться при неурядицах и претензиях (комната 4-го курса, а староста с 2-го, да и тот на птичьих правах). Университетский студсовет строго проверял чистоту, помню, как здоровые мужики под кроватями на чемоданах искали пыль (через десяток лет зашёл в мужскую комнату студенческого общежития Тюменского индустриального института и ужаснулся…). В комнате существовал специфический порядок дежурства: дежуришь до тех пор, пока не *вымыл пол*. Один две недели дежурит, подметая грязь, а другой два дня.



1961 г. Томск, Томская область.

Казахстан, окрестности курорта «Боровое». Июль 1962 г. маршрут Новосибирск — Симферополь.

Одно время жили с Жоржем довольно скудно. Он начал подрабатывать по хоздоговору в политехническом институте, я помогал. Лабораторная установка расположена в кабинете Бориса

Владимировича Тронова и обычно мы работали по вечерам. Как-то раз начал мыть посуду и выплеснул в раковину с водой кусок металлического натрия. Взрыв, столб пламени до потолка (очень высоко!), на следующий день нас попросили больше не приходить и заниматься научной работой в университете.

В комнате старшекурсников не принято было играть в шахматы, шашки, зато здесь я научился сравнительно интеллектуальной карточной игре «преферанс». Сидели ночи напролёт, ложились спать, когда большинство из общежития убегали на занятия, играли по мелочи (денег у всех мало).

На 3-м курсе получил жизненный урок, когда пренебрёг народной мудростью: не садись играть в карты с незнакомыми людьми. Зима, поезд Новосибирск — Алма-Ата, полупустой купейный вагон. Проехали Семипалатинск, отличавшийся в студенческие годы хлебосольным вокзалом: к подходу поезда стояли накрытые столы с мантами и графинами пива (удивительно, на всём двухтысячекилометровом пути от Томска до Уштобе этот вокзал — единственный, где действительно культурно обслуживали пассажиров). По вагону ходит майор, заглядывая в каждое купе, ищет компаньонов поиграть в преферанс. Думаю, попробую осторожно поиграть, согласился. Три офицера, похоже, с Семипалатинского атомного полигона и я. Чувствую по игре, два молодых офицера (майор и старший лейтенант) играют против третьего, пожилого (лет 40) лейтенанта. Я начал выигрывать, время идёт, они пытаются утопить друг друга, мой плюс нарастает. Кончилось дело скандалом, офицеры чуть не подрались, а мой выигрыш (полторы стипендии) никто и не подумал заплатить. А если бы я проиграл? Преферанс — игра, в которую можно играть только под интерес, в противном случае игроки начинают неоправданно рисковать, игра теряет смысл. Старый анекдот. Хоронят преферансиста, умершего от инфаркта во время игры. В сопровождении гроба двое рассуждают: зря ты, Иван Сергеевич, с пики зашёл, если бы с бубён, мы бы ему не 7, а 8 взяток всучили, (речь идёт о мизере, самом стрессообразующем игровом компоненте преферанса).

1960 г. Томск. Преферанс. Слева Жорж Дубовенко, справа — Володя Гребенников, на ближнем плане спиной — Валера Калинов.

7 ноября 1959 г. впервые танцевал с будущей женой, сокурсницей Ниной Агеевой (см. «Полле Нина Николаевна»).

Скопление смышлёной молодёжи — среда, фонтанирующая юмором. Кажется, студент создан для того, чтобы в любой прозаической ситуации обнаружить что-то смешное. Одно из направлений юмора — личная гигиена. Студенческие общежития моей юности — длинные коридоры с комнатами в 16–20 квадратных метров, 5–7 отодвинутых от стен из-за обилия клопов стационарных кроватей и 2–3 раскладушки на ночь. Клопы приспособились, умудрялись парашютировать на лицо спящего студента прямо с потолка. Душ, как правило, отсутствовал, или не работал. Девушки мылись в умывальниках или прямо в комнатах, в тазах, у ребят так не получалось. Помню, как на первом курсе, впятером физически выталкивали сокурсника (ныне уважаемый человек, пропустивший через зачёты и экзамены тысячи студентов) в баню, в комнате дышать нечем, а шутки в свой адрес наш товарищ воспринимал с большим трудом.

Томские бани того времени, когда стар и млад, рядовые труженики и работники ВУЗов, доценты, аспиранты, студенты сидели в многочасовой очереди за шайкой, являлись кладезем анекдотов, баек. Коммуникабельные люди набирали дополнительный заряд бодрости перед очищением тела, а вот

личности, углублённые в себя, свои проблемы, сами легко становились источниками анекдотов. Конкретный пример.

Пятикурсник химфака, не по возрасту солидный, в ещё более солидных очках с коричневой оправой (ныне крупный учёный, доктор химических наук) мужественно отсидел 3 часа на улице и предбаннике на Советской, думая о чём-то своём. Автоматически разделся, снял очки, взял шайку и пошёл мыться. Впереди идёт банщица, он за ней. Между женской и мужской раздевалками стена и дверь, через которую банщицы могли ходить друг к другу в гости. Банщица открывает дверь в женскую раздевалку, закрывает, задумчивый пятикурсник движется следом и дальше в моечную. Громкий шум в мойке (женщины!) постепенно утих, наступила почти гробовая тишина, а затем визг и хохот. Заблудившийся умник, рассмотрев в типичном банном полумраке грудастые волосатые фигуры, сообразил, не туда попал, выскочил из мойки. В раздевалке тоже визг. Он дёрнул дверь в мужское отделение, но банщица вернулась на рабочее место и закрыла дверь на ключ. Баня, и женское отделение и мужское, сотрясалась от хохота, не смешно было только близорукому студенту.

Сиюминутная случайная реальность мигом превратилась в факультетскую легенду, обрастающую подробностями, зависящими от фантазии рассказчика.

1961–1962 гг. Томск. Студенческие годы. Питание в коммуне.

В студенческое веселье вклинивались трагические и малоприятные страницы.

Умер декан химического факультета университета Н.А.Угольников. Все ребята-химики задействованы в похоронах. Угольников умер в Ленинграде, привезли в цинковом гробу. Зима, холодно, тяжело. Несли на руках по очереди от главного корпуса университета до кладбища, расположенного в районе площади Южной. Запомнилась любопытная деталь. Часа через 2 после поминок к общежитию химиков подъехал автобус с приглашением к столу тем, кто сразу с кладбища уехал. Некоторые ребята решили вкусно поесть по второму разу. Я не поехал, но сам факт свидетельствует, похоже, насколько

впроголодь жили в то время студенты университета. Через несколько лет, перед получением диплома напомнил мне о похоронах отца сын Н.А.Угольникова, мастер спорта, мотоциклист-колясочник, в то время работал на кафедре физкультуры университета.

Занятия спортом в легкоатлетической секции продолжались, успешно сдавал нормы по лыжным гонкам, бегу от 100 м до 1500 м и участвовал в университетских соревнованиях по спортивной ходьбе, причём никому не говорил о школьных проблемах сердца (да и ничего не ощущал). Затем сельхозработы с приличными физическими нагрузками. Летом, после 1-го и 2-го курсов в Талды-Кургане утрами интенсивно бегал по 400-метровой дорожке стадиона, играл в футбол за команду хирургов областной больницы (замена папы с мамой). Почему в школе так интенсивно не занимался спортом? Появилось удивительное ощущение физического здоровья.

Единственно, что беспокоило первые два года учёбы — зубы. Оказавшись вдали от родителей, впервые столкнулся с рядовой медициной. Я по характеру не нытик, но представьте ситуацию, когда ночью ощущаешь нестерпимую зубную боль, а в комнате общежития ещё 7 человек, которым нет дела до твоих зубов, да они и не в состоянии тебе помочь. Среди ночи бежишь в *дежурную* аптеку на Ленина, просишь чего-нибудь обезболивающего, а тебе: приходите утром. Утром бежишь в поликлинику на улице Розы Люксембург (студенческой ещё и в помине не было), получаешь талон на приём после обеда…

Схема моей борьбы с зубной болью не оригинальна: боль, лечение с помощью жуткой отечественной бормашины, боль, лечение, удаление нерва, удаление зуба. Финальную стадию — удаление зубов старался проводить на каникулах в Талды-Кургане. По блату, без очереди, с максимально доступным в те годы обезболиванием. Помню лучшего стоматолога Талды-Кургана Юрия Абрамовича, по совместительству работал в отделении травматологии областной больницы, в котором мама была заведующей. Несколько зубов он удалил под общим наркозом прямо в хирургической операционной, единственный раз всё действительно прошло безболезненно.

1962 г. Севастополь. Панорама, созданная Францем Рубо к 50-летию героическо-трагической обороны города. Я сзади, пятый справа.

Казалось бы, зубы у всех периодически болят, но трагедия заключалась в том, что в течение 2-го курса я потерял *девять* зубов. Прошло много лет, а я не могу понять истинную причину массовой единовременной потери зубов, позже такого не было. Что же произошло с молодым человеком восемнадцати лет, занимающимся спортом? Скорей всего наложились два фактора. 1. Плохое, бедное витаминами, питание при больших физических и умственных нагрузках. 2. Радиация, преследующая меня всю жизнь (Челябинск-40, Талды-Курган и Текели — зона влияния надземных испытаний атомных и водородных бомб Семипалатинского полигона, Томск-7). В описываемые годы питьевая вода поступала в Томск отнюдь не из артезианских скважин, о каких-либо неполадках на Сибирском химкомбинате никогда не сообщалось. Влияние радиации трудно доказать, тем более что в малых дозах она действует весьма избирательно. Скажем, бабушка жила в нашей семье с 1947 до 1962 г., умерла в 70-летнем возрасте от лейкемии (одна из основных причин болезни — радиация).

Касаясь «зубной» темы нельзя не упомянуть убогость протезирования (всё старался делать в Талды-Кургане). Средний советский человек имел полный рот металлических зубов, я не исключение. Последние два десятка лет начали использовать анодированную нержавейку «под золото». В 1992 г., когда я

проводил ремонт зубов в поликлинике ТНХК перед служебной командировкой в Германию, за 2 дня до отлёта мне поставили жёлтую коронку (не заказывал, ругался, плевался, но не поедешь же с оголённым зубом). Техник считал, что все хотят носить «золотые» зубы и, в результате, до 2006 г. у меня торчали коронки разного цвета (что думали понимающие люди, не знаю).

Общественная работа мне была не в тягость, с раннего детства был идеалистом-правдолюбом, предполагался рост в университетском масштабе (слишком часто меня стали приглашать в комитет ВЛКСМ). Весной 1960 г. студентов ТГУ взбудоражили решения ректората, озвученные на собрании комсомольского актива университета. Хрущёв чувствовал, молодёжь пытается уйти от партийного контроля, последовали жёсткие указания в сфере идеологического воспитания. Уроки «нравственности» в битком набитом конференц-зале даёт ректор Данилов. Осуждается демонстративное поведение ряда радиофизиков и физиков: носят яркие полосатые рубахи на выпуск, вызывающие причёски (кок) и узкие брюки. Несколько человек в этих рубахах вызываются на сцену для показательной порки. Смышлёные парни отвечали аргументировано, показали этикетки с рубах, пошитых на московской государственной фабрике. Диалог глухого со слепым! В присутствии 200 человек ректор откровенно проигрывает, но все решения приняты заранее. В ярких рубахах в университете не появляться, в научную библиотеку ТГУ не пускать в брюках шириной меньше 22 см., вахтёры соответствующие указания получили, им выданы линейки. Несколько толковых студентов исключено из университета (через год восстановлены, часть из них позже остались преподавателями alma mater).

В конце актива выпустили на сцену химика Соловьёва, с которым позже пришлось жить в одной комнате. История следующая. В 1956 г. в Томске начались стихийные студенческие антикоммунистические митинги. Власти предложили провести митинг-дискуссию в актовом зале ТГУ в научной библиотеке. Участвовало 800 человек. На следующий день выступавшие были арестованы и получили по 5 лет лагерей. И вот наголо остриженный Соловьёв бубнит: «Ошибки отдельных коммунистов я принимал за ошибки партии… Прошу простить меня и разрешить продолжать учиться на 4-м курсе…» В памяти отложилось очень тягостное впечатление от этого актива. Кстати, год совместного проживания с Соловьёвым показал полностью сломленную психику когда-то активного студента, публично он никогда больше не будет «искать правду».

Политическая оттепель в стране упиралась в стену

догматизма преподавателей истории КПСС. Заставляли студентов наизусть учить моральный кодекс строителя коммунизма — чушь какая-то. Помню конфликт с историком Зольниковым на экзамене в конце 2-го курса. Один из трёх вопросов: борьба СССР за мир. Начал рассказывать с 20-х годов, упомянул Лигу наций. Зольников побагровел: рассказывайте, что сказал Хрущёв там-то и там-то, как я читал на лекциях. Начался диалог на повышенных тонах (на лекции по истории КПСС я редко ходил, но политикой интересовался, даже в студенчестве выписывал среди других изданий аджубеевские «Известия»). Для присутствующих — кино. Зольников атакует, сохраняя лицо, а мне нельзя «хлопнуть дверью», так как в этот период исполнял обязанности секретаря факультетского бюро ВЛКСМ. Пришлось уйти с «тремя очками», что тоже неприятно. Только через три года на госэкзамене удалось доказать догматикам соответствующей кафедры, что «Истории КПСС» — не предмет, требующий большого интеллекта.

Закончился учебный год и я сделал ещё одну попытку перейти в мединститут. Показал зачётку и согласовал с деканом лечебного факультета зачисление на 2-й курс (после двух лет учёбы в университете). Следовало догнать латынь и анатомию (начало). Все остальные предметы аналогичны и с опережением. Но опять, как и в 1958 г., преграду поставил ректор мединститута академик Торопцев. Пришёл к нему на приём. Торопцев: «Нет! Мы не берём студентов даже из ветеринарного института». Пытался что-то рассказать, доказать, но Торопцев вышел из кабинета. Посидел минут 5 и на этом реальные попытки стать медиком прекратились (были подобные мысли и во времена аспирантуры, но необходимость кормить семью поставила на мечте крест).

Летом 1960 г. обком комсомола начал пропагандировать «подъём голубой целины» в области (строительство птичников). Университет откликнулся одним из первых. Наш отряд состоял из добровольцев, филологов и химиков, человек 18, в основном ребята. Лет через 15 такие отряды назвали строительными. Мы делали сплошную двухметровую изгородь вокруг многогектарного лесного массива, прилегающего к крупной утиной ферме. Сами деревья валили, пилили доски… Основная цель руководителей совхоза (не помню названия, где-то вдоль железной дороги севернее Асино) защитить птицу от четвероногих (лисы) и двуногих хищников. Работали в режиме утро-вечер, днём в самую жару часа 3 отдыхали, купались. Запомнилось обилие молдавского бочечного вина крепостью 8-10, которое местные жители, преимущественно бывшие зэки, напрочь игнорировали. До сих пор храню общественную зачётную книжку с одной записью об участии в разработке «голубой целины»,

сделанной комитетом ВЛКСМ университета. Областные комсомольские лидеры быстро забыли этот почин. Кстати, слово «почин» вышло из идеологического потребления, а в 60-70-е годы многие вздрагивали, открывая свежую газету, неужели опять какой-нибудь почин. Ну а сейчас можно встретить воспоминания томичей о поездках на целину в Казахстан (1958 год) и первых стройотрядах в 70-х годах. «Голубую целину» никто не вспоминает.

Летом 1960 г. в университете ходили упорные слухи, что в сентябре сводный отряд университета поедет на казахстанскую целину. Мне очень хотелось попасть, пару раз звонил из Талды-Кургана в комитет комсомола, наконец, прозвучало: отбой, студенты ТГУ поедут в колхозы Томской области. Мне ехать в колхоз было не обязательно, так как летом отработал на «голубой целине». Но находиться больше 2–3 недель в доме родителей без реального дела, я уже не мог (не выдерживал домашней атмосферы, как ни странно). Кто бы мог подумать в конце августа 1960 г., что совершенно необязательная добровольная поездка в колхоз через месяц приведёт меня на больничную койку и навсегда отлучит от спорта. Судьба!

Третий курс

На первых двух курсах я всё ждал, пока дорасту до третьего, чтобы внутренне почувствовать себя настоящим студентом. Со временем понимаешь, это элемент детско-юношеского желания ускорить темп собственной жизни, скрытое стремление оставить наивность молодости где-то позади и стать, наконец, взрослым. О-хо-хо! И вот я студент 3-го курса.

Появился в Томске на удивление сокурсникам (все знали мою «голубую целину»), 01.09.1960 г. вместе на пригородном поезде доехали до Асино, оттуда полтора десятка км до деревни Старокусково. Местные жители сразу рассказали, что деревня — родина знаменитого писателя Маркова (жизнь делает удивительные зигзаги, через 18 лет я женился на дальней родственнице Георгия Мокеевича).

Как всегда у студентов-химиков ребят мало, все заняты на погрузочно-разгрузочных работах. Сначала возили зерно в Асино, затем реальные объёмы уборочных работ снизились, началось чисто советско-колхозное использование дармовой рабочей силы, перевозка пшеницы из амбара в амбар. Технология следующая: вручную плицами насыпаем мешки, несём мешки в машину, проезжаем 100 метров, переносим мешки и ссыпаем в другой амбар. Мешок весом 60–80 кг (в основном, мешки китайские джутовые) носим по одному. Физическая нагрузка, пот, осенний ветер своё дело сделали. Последствия на всю жизнь. А кто виноват? Никто! Организм не выдержал.

Почувствовал боль в спине, день полежал. Пошёл в сельскую больницу. Врач, сосланный латыш, похоже, принял меня за симулянта, прописал банки. Пару дней промучился, бросил село и уехал в Томск, никого не спрашивая. Недели 2 ходил по врачам университетской и городской (на улице Розы Люксембург) поликлиник, каждый что-то говорит, а лечения никакого нет. Плюнул, понял, что помочь выздороветь смогут только папа с мамой и уехал в Талды-Курган.

В Талды-Кургане меня полностью обследовали, папа свозил в Алма-Ату на консультацию. Диагноз — пояснично-крестцовый радикулит. Рентген показал расщепление в четвёртом поясничном позвонке (забавно, именно в это время приобрёл необычайную популярность юмористический роман финна Марти Ларни «Четвёртый позвонок»). Первое мнение хирургов — оперативное вмешательство, которое должно было исключить подвижность позвонка и соответственно защемление нерва. Слава

богу, невропатологи настояли на менее радикальных способах лечения. Положили в нервное отделение областной больницы. Между тем боль с поясницы распространилась на правую ногу, т. е. воспалился седалищный нерв (ишиас).

1962 г. Севастополь. Памятник Тотлебену. Я 4-й слева.

Какие только способы лечения не применяли: медикаментозное; укол прямо в нервный позвоночный столб (делал ведущий хирург области Рейш), после чего даже ноги на короткое время отнялись; прогрев спины разными способами, в т. ч. ржаным тестом и змеиным ядом; различные виды физиолечения; массаж…

За два месяца почувствовал облегчение, полечился ещё немного дома. Мама делала разные уколы, никогда в будущем не

встречал больше такого классного исполнения одной из основных медицинских процедур. Особенно запомнил «лимонную корочку» — последовательно по ходу седалищного нерва делались 40–50 уколов с новокаином (сверху вниз). Старая медицинская примета — радикулит «выходит» через большой палец ноги. И вы не поверите, эффект проявляется немедленно. Другой вопрос — надолго ли?

Шёл третий курс. Более или менее поправив здоровье, отправился в Томск, сдал зимнюю сессию, началось обострение. Выезжаю снова в Талды-Курган, опять нервное отделение. Хорошо запомнил дату — 12 апреля 1961 г., т. к. не успел разместиться в палате, по радио начали передавать сообщение о полёте Гагарина. Чем только меня не лечили, в том числе иглоукалыванием (специалист появился из Китая и впервые в СССР получил разрешение на практику в официальном медицинском учреждении). Полтора месяца в больнице и в Томск, сдавать летнюю сессию.

Завершая тему радикулита (сейчас больше используется термин остеохондроз) скажу, что эффективнейшим лечением являются грязевые ванны. Особенно хорошо показали себя курорты «Боровое» в Кокчетавской области (1961 г.), «Саки» (1962 г.) в Крыму. Много позже лечился в Цхалтубо (может кому-то радоновые ванны и помогают, я заметил только снижение потенции) и в «Карачи» Новосибирской области (курорт хороший, но была в ремонте и не функционировала грязелечебница). Главное в профилактике обострений — помнить, радикулит заболевание неизлечимое. Выработал несколько правил, которых и придерживаюсь до сих пор. При физической работе регулировать нагрузку на организм, стараясь больше принимать на руки, меньше на позвоночник. Исключить интенсивный бег. Правильно выбирать позу при вождении легкового автомобиля, вождение грузового исключить. Избегать переохлаждения. Регулярно пользоваться парной баней. При первых признаках обострения полностью снять нагрузку с позвоночника.

1962 г. Севастополь. Памятник затопленным кораблям. Я сзади слева.

Сапун-гора. Я 4-й слева.

С обучением возникли проблемы, появился университете в декабре 1960 г., естественно лекции все пропущены. Ускоренным темпом выполнил минимальный набор лабораторных работ. Предстоял самый трудный экзамен на химическом факультете — теоретическая физика. С первого курса популярна байка «сдал теоретическую физику, *можно жениться*» («*стал настоящим студентом*», были и другие варианты), у политехников нечто подобное связывается со сдачей сопромата и теоретической механики. Лектор, доцент Чанышев с отличной памятью обнаружил меня на предпоследней лекции (дотошно контролировал посещаемость) и прямо на лекции спросил, как я

собираюсь сдавать экзамен. Промычал в ответ что-то невразумительное, уверенный, что проскочу (девушки лекции записывали дословно). Не проскочил (как и ещё человек 15 с курса), какой-то затор в мозгу произошёл, на простой дополнительный вопрос не смог написать формулу спектра энергии водорода. Подумать только, столько лет прошло, а единственная в студенческие годы двойка помнится в деталях. Дней через пять я Чанышева «удовлетворил».

Ещё одна проблема возникла на военной подготовке.

Раз в неделю все физически здоровые парни проводили 8 часов на военной кафедре (у девушек выходной день), университет готовил офицеров-артиллеристов. Наша группа сборная — филологи, историки, химики. Артиллерия — не история КПСС (общий лекционный поток 2–3 факультетов), здесь требуется приличное знание математики, а гуманитарии обычно с ней не дружат. У военных своя логика.

Третий год обучения, я появился на последнем занятии осеннего семестра. Первые два часа повторение пройденного материала. Майор Таран: «Студент Чернов! Доложите материальную часть гаубицы!» 122-милиметровая гаубица стоит непосредственно в классе. Женя берёт указку, подходит и, растягивая слова: «гаубица состоит из дула…» Майор взрывается: «Что, ё… мать, это тебе бердана? Ствол от дула отличить не можешь?» Студенты схватились за животы. Женя ещё пытался что-то говорить, но слушать никто не мог. Перерыв.

Вторая пара — дифференцированный письменный зачёт по теории артиллерийской стрельбы (довольно сложный предмет). Три варианта, ответы подготовлены заранее (гуманитарии постарались), группа сосредоточенно списывает. Результат: у всех «хорошо» и «отлично», у меня «неуд». Удивился, не аккуратно списал. Иду в деканат, беру разрешение на пересдачу. Сажусь с небольшой компанией отстающих с других факультетов, дежурный офицер выясняет, кто какой вариант писал в первый раз и даёт один из оставшихся двух. Тщательно списываю, результат аналогичен, у всех, кроме меня, положительно. Деканат «встаёт на уши», требует оформить академический отпуск по болезни, но меня не устраивает отставание от своего курса. Кое-как уговорил, сделал третий заход, получил оставшийся вариант, списал, результат — «хорошо». Оказалось, «вояки» воспитывали за пропуск занятий, хотя никто ни разу не спросил, почему я пропускал, и не потребовал справку. Самое смешное в финале этой истории.

27 февраля я радостно доложил в деканате, что задолженностей по военной кафедре нет, а с 1 марта 1961 г. в

соответствии с хрущёвской реформой отменена военная подготовка в университете.

Все ребята курса, осваивавшие артиллерию два с половиной года, закончили alma mater с грифом «необученный» в военном билете.

Много позже, уже кандидатом наук меня отнесли к химическим войскам, «дослужился» до капитана запаса.

Начался второй семестр, через месяц обострение радикулита, уезжаю в Талды-Курган, знакомые студенты и преподаватели советуют взять на год академический отпуск, но я упёрся. Дополнительный нюанс в том, что следующий курс учился по новой программе с дурными хрущёвскими нововведениями, якобы приближавшими студентов к реальной жизни, производственная практика увеличена до 9 месяцев и таким образом я отставал бы от своего курса на полтора года. А как же Нина? Кстати, во время болезни постоянно ощущал её моральную поддержку.

Приехал к весенней сессии. Практически вся подготовка проходила на Сенной Курье, пользовался конспектами девчонок из комнаты Нины. Почитали, покупались, почитали, покупались. Органическая химия, три семестра, 80 лекций (3–4 исписанных общих тетрадей) на один экзамен. Колоссальный объём, никогда позже я такого не видел, да и в университете через пару лет курс разделили на несколько экзаменов.

С трудом, со скрипом, 3-й курс остался позади. Запомнился он не только болезнью и экзаменами. Прежде всего, обильным чтением.

В детстве многотомные собрания сочинения меня отталкивали, стоят себе на полках и стоят. Осторожно (неохотно читал) относился к классике, особенно рекомендуемой школьной программой. Прочитал рекомендуемые выдержки в хрестоматии и достаточно. В студенческие годы нутром ощутил ущербность собственного интеллекта. Приезжал в Талды-Курган на каникулы, на лечение, садился на кушетку и читал собрания сочинений от первого тома до последнего, благо ТВ в те времена не отвлекало. Драйзер, Лондон, Вересаев, Мопассан… (в пределах 10–12 томов) проглатывались нормально. Многотомные собрания Золя, Бальзака, Стендаля, Голсуорси к 18–20 томам невозможно было читать, Ругон-Макары или Форсайты начинали «сидеть в печёнках». Чтение классиков от начала до конца без отвлечения на другое чтиво нельзя рекомендовать молодому читателю, но я ощутил положительный эффект.

Много раз в молодости я брался читать Достоевского. Отдельными книгами. Единственно с удовольствием прочитал

«Идиот», всё остальное («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Унижённые и оскорблённые»…) читал с трудом, понимая необходимость и заставляя себя через силу. Кино— и театральные постановки всегда смотрел с большим интересом и удовольствием. Похоже, не хватало (не хватает) культуры восприятия сложного чтения с крупными вставками рассуждений о нравственности и совести. Кстати, нечто подобное происходило со мной, когда читал рекомендованные школьной программой произведения Аксакова и Тургенева с обильным описанием природы или Гончарова с его неспешными рассуждениями. Позже узнал, что у Тургенева кроме «Записок охотника» есть отличные вещи, но школьное навязывание отбивает желание брать в руки рекомендованных классиков. Думаю, это очевидные пробелы обучения и воспитания. Да и откуда в глухих провинциальных школах, где «правил бал» инспектор отдела народного образования, могли быть глубоко образованные преподаватели литературы. О происхождении папы и мамы я уже упоминал, оказать какое-то серьёзное влияние на освоение мной классики они не могли даже при желании, но всегда старались создать условия, чтобы я больше читал. И за это им большое спасибо.

1962 г. Севастополь. Сапун-гора. Я в центре на танке.
1962 г. Симферополь. Памятник танкистам. Я слева.

Из общепризнанных классиков, произведения которых я запланировал просчитать полностью — Лев Толстой. Конечно, «Войну и мир», «Анну Каренину», «Севастопольские рассказы», «Воскресение» я прочитал ещё в школе, причём наиболее сильное впечатление произвело именно «Воскресение». Случайно увидел потрясающие дневники Льва Толстого, мечтаю о полном собрании сочинений Толстого, имеющийся в домашней библиотеке 22-х томный Толстой, является адаптированным суррогатом. Когда-то, на заре революции Ленин брякнул, что Толстой является её зеркалом. Полнейшая чепуха! Однако принято решение об издании Толстого без купюр. Последыши Ленина учуяли, «народ может неправильно понять» многое из

написанного великим мыслителем, начали тормозить с помпой начатое издание, тома становились всё тоньше, затем появились сдвоенные, причём очень малым тиражом. Грандиозный проект не состоялся. В 90-е объявлено о подготовке действительно полного издания Толстого. Не исключаю, нынешний политический ветер вновь приведёт к срыву проекта, причём формальные причины могут быть разные, скажем, финансовые.

Летом 1961 г. по блату, через мужа бабушкиной племянницы Генриха (начальник строительства курорта «Боровое») попал на одноимённый курорт в Кокчетавской области, лечил радикулит грязевыми ваннами в специализированном санатории «Щучинский». Много впечатлений помимо лечебной грязи.

Брал лодку и катался один по великолепному Щучьему озеру. Выпускал блесну и, не поверите, вытащил пару довольно крупных щук. Старая проблема: что с ними делать? Отдал каким-то женщинам, рыбалку прекратил.

В санатории в основном лечились шахтёры Караганды. В палате человек 6, в т. ч. бригадир горноспасателей, пенсионер (в годы войны функционер трибуналов, слушал его, разинув рот), горняк-инвалид, полностью потерявший зрение в аварии 1943 года.

Инвалиду каждый год давали две бесплатные путёвки (одна для сопровождающего), в этот год с шахтёром приехала посторонняя женщина, фактически сдала в наши руки (водила его только на лечебные процедуры). Мы по очереди с ним гуляли по территории, слушали интересные рассказы о работе шахтёров в 30-е — 40-е годы, сами что-то рассказывали.

В киоске санатория свободно продавалось отличное чешское пиво «Праздрой» и «Старопрамен», я до того даже не слышал таких названий. Попробовал с удовольствием, но денег у меня, практически, не было.

Однажды, возвращаясь с озера, заметил шумные интенсивные хаотические передвижения массы людей по территории санатория. Оказалось, разнёсся слух об аварии на шахте Караганды. В то время информация об авариях тщательно засекречивалась или полностью искажалась. В течение нескольких часов санаторий на треть опустел.

Уехал и горноспасатель из нашей палаты, интересно было слушать его рассказы об организации службы. Скажем, даже не находясь на дежурстве, горноспасатели не имели право покидать свой дом с приусадебным участком, оборудованные сигнализацией, при необходимости включалась сирена и, в течение определённого количества минут спасатель должен прибыть к месту службы. Думаю, в эру мобильных телефонов

система аварийного оповещения могла измениться, не знаю.

Впервые услышал из первых рук (в советские времена предпочитали говорить и писать о героизме шахтёров), насколько опасна профессия горноспасателя. Однажды на одной из шахт Караганды после взрыва оказалась заблокирована целая смена. Первая пятёрка горноспасателей спускается в шахту, связь пропадает, идёт вторая пятёрка, третья, четвёртая…. Двадцать горноспасателей погибли, пока пробивались и смогли вывести на поверхность основную группу шахтёров.

Четвёртый курс

С четвёртого курса учился лучше, больше ни одной «удочки» не имел. Фактически только к концу 2-го курса освоился с системой подготовки и сдачи вузовских экзаменов. 3-й курс выпал по болезни (коллоквиумы и экзамены сдавал по чужим лекциям, перенёс много неприятных моментов, но добился главного: вопреки увещеваниям не взял академический отпуск, перешёл на 4-й курс).

Известно, «от сессии до сессии живут студенты весело». Символические реперы — экзамены. В зимнюю сессию предпочитал заниматься в научной библиотеке, в весеннюю — на берегах Томи или Сенной Курьи. Я совершенно не мог готовиться к экзаменам в общежитии. Однако в библиотеку не так-то просто попасть, мест для всех желающих не хватало. Существовала система захвата посадочных мест: один представитель комнаты бежит в библиотеку к 8.30. В 9.00 двери открываются, начинается «штурм» студенческого зала, разбрасываются тетрадки по местам. В 9.05 свободных мест нет, хотя в зале на 800 человек находятся, в лучшем случае, человек 50. «Народ» досматривает последние сны или завтракает. К 10–11 часам зал заполняется. Бывало, занятые места пустовали целый день. Не один раз наблюдал, как администрация библиотеки (или университета) пыталась бороться с подобным захватом мест, собирала тетрадки с пустующих мест. Бесполезно! На следующий день всё повторялось, да и студенты ТГУ знали, днём место в читальном зале библиотеки искать бесполезно.

1959–1962 гг. Томск. Вверху коммуна в комнате девушек. Внизу подготовка к экзаменам на Томи.

В великой, не побоюсь этого слова, научной библиотеке ТГУ существовала достопримечательность, заслуживающая упоминания: сортирный юмор. Удивительно (*по тем временам*) чистые туалеты постоянно исписывались юмористическими стихами и рисунками, чаще не имевшими отношение к порнографии. Не знаю, юмор ли это студенческих умников или записанный на дверцы кабинок плагиат начинающих филологов, но отдельные перлы врезались в память. «Если ты поср… зараза, дёрни ручку унитаза./Если нету унитаза, дёрни за х… до отказа!» «Посмотри налево, посмотри направо, оглянись назад, какого х… вертишься?» Администрация часто красила изнутри кабинки, но студенческие вирши немедленно вновь появлялись, нередко и политического характера. Интеллект рвался за пределы официальной программы обучения.

Сессия изматывала до предела, хотя я никогда не готовился вечером или ночью даже непосредственно перед экзаменом. На экзамены предпочитал ходить в первой пятёрке, на чём потерял немало баллов (чаще всего экзаменатор именно на первой группе сдающих демонстрирует настроение и решительность). Но стоять под дверями, трястись, ожидая очереди, не для меня.

В течение «весёлых» семестров ситуация изменилась, появилось свободное время (активный спорт, художественная самодеятельность, общественная деятельность остались в

прошлом).

На 4-м курсе вновь обратился к филателии, попытался заняться серьёзно. В 60-е городское общество филателистов и нумизматов собиралось в хорошо известном томичам «Доме науки имени Макушина», в основном, интеллигентная, научная публика. Моя доверчивость к людям опять здорово подвела, когда столкнулся с местными хищниками. Конкретный пример.

Пришёл знакомиться, захватив для обмена лучшее, что у меня было: вторые экземпляры старинных монет, ~ сотню монет 18-го, 19-го, начала 20-го века подарил мне Дима Дзюбачук (собирал его дед). О реальной цене монет представления не имел. Дельцы носом учуяли лоха. Закружился хоровод с предложениями дефицитных марок, красиво выглядели колониальные марки. Оказался в положении непорочной девушки (нет!!! нет! нет, не-е-е-т…), которой обещано великое счастье, но «после того, как» ощущающей великое разочарование. Не успел осмыслить ситуацию, как монет у меня не стало. На следующей сходке коллекционеров бизнесмены от филателии меня «в упор не видели», кляссеры с лучшими марками для обмена со мной оказались закрытыми. Прекратил посещать общество, кое-что приобретал в магазине.

1959–1962 гг. Томск. Студенческий отдых. Слева внизу рыбалка на Томи.

В 1961 г. в свободной продаже появились красивые марки из дальних стран, глаза разбегались (ограничитель — деньги). С интересом посмотрел коллекции нескольких профессионалов. Один (аспирант, фамилию не помню) показал большой альбом, способный вызвать шок, заполненный красочными марками гитлеровской Германии отличной сохранности, сотни видов фюрера. Поясню, выставки подобных марок мировым сообществом запрещены, как и их коллекционирование, ни один мировой каталог не включает марки фашистской Германии. Не мог понять, как филателист не боится показывать постороннему лицу своё собрание. То ли жизнью не бит, то ли хрущёвская оттепель повлияла.

Завёл переписку с разными странами, наиболее эффективно шёл обмен с китайцем из Шанхая, я ему посылал наборы открыток, он присылал марки Китая на пропорциональную сумму. С социалистической Европой сложнее обмениваться, так как современные советские марки и *допечатки* старых отечественных марок (государственный бизнес) к ним в магазины поступали быстрее, чем в магазины России, а приобретение довоенных марок для обмена требовало больших денег. Тем не менее, поддерживал переписку с филателистами ГДР, Чехословакии, Польши, Болгарии.

В основном же свободное время я проводил с Ниной, главные развлечения кино и концерты, благо билеты были дешёвые, серьёзная проблема — их достать. Какая разница с Томском 21-го века, когда стоимость билетов на концерты заезжих гастролёров зачастую превышает мою месячную пенсию. Сейчас и не вспомнить, сколько концертов мы посетили в филармонии, доме офицеров, драмтеатре, заводских домах культуры. Потрясающе красивые для юного провинциального сознания рекламы типа «Гарри Гольди! Джаз-банд!» Кто это такой? Ни до, ни после не слышал.

Мне уже далеко за 60. На глазах и при участии моего поколения российское общество раз за разом продолжает совершать крутые переломы, сотрясающие жизнь человека, изменяющие его судьбу. Первый перелом, который я воспринимал сознательно (во время войны мало что понимал) — это хрущёвская оттепель. Студенческие годы (1958–1963), захватили пик оттепели. Вместе с американскими кинофильмами общество знакомилось с искусством советских и русских (эмигрантов) авторов 20-40-х, скрытым ранее жестокой цензурой. Зазвучали песни в исполнении Вертинского, Лещенко (Пётр?), Рубашкина… Невозможно забыть мелодию песни «На карнавале». «Под сенью

ночи Вы мне шептали: люблю Вас очень…», и продолжение «под маской леди краснее меди торчали рыжие усы…». Или мелодия песни (название забыл) «Из Стамбула в Константинополь…», под которую студенты с удовольствием отплясывали рок-н-ролл, «лабали буги».

1959–1962 гг. Томск. Студенческий отдых вместе с Ниной.

Джаз воздействует на слушателей индивидуальной аранжировкой мелодии, импровизациями непосредственно на концерте. Вспоминаю одну из самых любимых мелодий «Вишнёвый сад», в течение двух десятков лет исполнявшуюся многими солидными оркестрами, не говоря уже о местных джаз-бандах. Оркестры соревновались, кто красивей исполнит этот шлягер (тогда и слова такого не знали, теперь на смену пришёл другой термин популярности — хит). Услышав «как цветёт вишнёвый сад» на импортной пластинке в исполнении национального оркестра Чехословакии ощутил нечто божественное, показалось, что оркестр достиг абсолютного музыкального совершенства.

Мне посчастливилось услышать, увидеть на концертах лучшие джазовые оркестры Советского Союза пятидесятых, шестидесятых годов. Имена Олега Лундстрема, Эдди Рознера магически звучали в студенческой среде. Как и имена авторов

исполнявшиеся оркестрами произведений Дюка Эллингтона, Луи Армстронга, Глена Миллера… Отечественные джаз-оркестры исполняли лучшую музыку разных авторов, а не только музыку руководителя оркестра, как часто практикуется сейчас. За репертуаром эстрадных оркестров, как и других коллективов, выступающих в широкой аудитории, тщательно следили. Помню фельетон про руководителя эстрадного оркестра Армении Айвазяна, опубликованный в «Правде» вскоре после понравившегося мне концерта в Томске. Критиковали репертуар оркестра за то, что половина произведений — композиции самого Айвазяна, в том числе и спрятанные за подставные фамилии. Айвазян лишился места.

Олег Лундстрем под влиянием музыки и исполнения Дюка Эллингтона создал джаз-оркестр в 1934 г. в Харбине, переехал с коллективом из Китая в Советский Союз в 1947 г., если память не изменяет, в Казань. Однако гастроли ему начали разрешать с 1956 г. Чекистами или их прихлебателями в сознание общества внедрялась мысль «сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Имелся в виду не персонально Лундстрем, а обобщённый исполнитель джазовых композиций. Я был на концерте Лундстрема в Томске, и помню его в 60-х седым, подвижным дирижёром. Не могу вспомнить, что конкретно исполнялось, но невозможно забыть всплеск положительных эмоций после концерта. В зрелые годы неоднократно слушал и наблюдал его концерты на ТВ. В 1994 г. джаз-оркестр Олега Лундстрема занесён в книгу рекордов Гиннеса как долгожитель на эстраде. В апреле 2001 г. в Москве торжественно отметили 85-летие маэстро и заложили памятную звезду около концертного зала «Россия». Лундстрем в числе немногих эстрадных музыкантов стал при жизни эпохой, как таран пробивал косность и догматизм партийных руководителей культуры.

1961–1963 гг. Томск. Студент.

Оркестр Эдди Рознера базировался в Минске. Среди однокурсников большой любитель джазовой трубы — Эдик Антипенко, от него я услышал легенду, как английская королева подарила Рознеру золотую трубу (по-видимому, позолоченную). Естественно, мы всей комнатой ходили на выступление оркестра в томском драматическом театре, но понять из зала, на какой трубе солирует Рознер, невозможно. Великолепный концерт. Кстати, Эдик Антипенко остаётся фанатом джаза, приезжал в ноябре 2004 г. в Томск на джазовый фестиваль, ночевал у меня, подарил совместное фото с патриархом российской эстрады жителем Магадана Вадимом Козиным.

Запомнился оркестр Эстонской филармонии из Таллина под руководством композитора Юрия Саульского, сейчас всем известного мэтра эстрады. На концерты оркестра в томском доме офицеров билеты невозможно было достать, в зале забиты проходы. Кстати, оркестр Саульского имел приличных солистов,

выделялась певица Хелли Лятт.

После Московского фестиваля молодёжи (1957 г.) популярность приобрёл эстрадный ансамбль «Дружба» под руководством Броневицкого. Необычное явление: отличный оркестр, специфический тембр голоса солистки Эдиты Пьехи, множество слухов о её французско-польском происхождении. В Томск «Дружба» приезжала не один раз, я запомнил первый. Пришли на концерт в дом офицеров, висит рукой написанный листочек, Пьеха заболела. Позже выяснилось, Пьеху не пустили в город, как не имевшую советского гражданства, а Томск закрыт для иностранцев. Но концерт неплохой и без Пьехи. Позже Пьеха приезжала в Томск. Певица продолжает выступать, хотя ушёл в историю ансамбль «Дружба», да и Броневицкий, создавший яркую солистку, давно умер. Манеру пения Пьехи нельзя спутать. Не являюсь фанатом Пьехи, но ряд ранних песен в её исполнении нравится, скажем «Венок на Дунае».

Постепенно у основной массы студенческой молодёжи интерес к джазу начал замещаться интересом к песням с глубоким смыслом под гитару. Впервые в Томске я услышал пение Булата Окуджавы в записи «на костях» (в столице налажен подпольный выпуск грампластинок на использованных рентгеновских снимках). Необычная, спокойная манера пения Булата Окуджавы мне нравилась всегда, его песни могу слушать и сейчас. Врезалась в память с 1962 года: «Как хорошо быть солдатом, солдатом…». Окуджава не первый (таковым принято считать Юрия Визбора) поэт, певший собственные стихи под гитару, но остаётся интеллектуальным камертоном, по которому сверяют уровень многочисленные барды.

Задержусь на кино студенческой поры.

Несколько слов о документальном кино. Имеется великое множество отличных фильмов, «Обыкновенный фашизм» Ромма вне конкуренции, но отечественный зритель как-то избегает их, предпочитая художественные фантазии авторов. Зритель, массовый зритель, ждёт в кино отвлечения от мирской суеты. По силе воздействия на зрителя хорошее документальное кино превосходит художественное. Кстати, этим пользуются многие создатели художественных кинокартин, предваряя фильм надписью о реальных прототипах или обманывая зрителей якобы документальностью происходящих событий. Помню маленький зал кинохроники в кинотеатре им. Горького в студенческие годы. Билеты по 10 копеек, дешевле не было даже для детей. Зал, как правило, полупустой. Но с появлением первых красочных документальных фильмов о США, Париже неделями невозможно было достать билеты. Хрущёвская эра, студенты (многие!)

научились видеть то, что показывают, игнорируя синхронную болтовню диктора о загнивании Запада. В советские времена пропагандисты коммунистического образа жизни добились обязательного показа перед художественным фильмом документального, продолжительностью 10–20 минут. Чаще всего это были так называемые киножурналы, вбивающие молотком в голову зрителя необходимую идеологическую информацию, скажем, «Новости дня». Я любил смотреть киножурналы, пытаясь, как и в газетах «читать между строк». Дикой популярностью обладал «Фитиль». Любопытна «Иностранная кинохроника». Скучными представлялись выпуски журнала «Наука и техника», постоянно доказывавшие преимущества достижений советских учёных перед западными. Сейчас понимаешь, кинохроника выполняла функцию идеологического «оболванивания» населения, тем не менее, кругозор расширялся, нередко киножурнал доставлял мне большее удовольствие, чем сам фильм.

Оттепель вызвала появление ряда потрясающих отечественных художественных фильмов. Летят журавли, 9 дней одного года, Баллада о солдате, Чистое небо, Родная кровь, Председатель… Фильмы известные, многократно показываемые по ТВ. Иностранные фильмы в России известны меньше, особенно японское кино.

Когда-то студентом во время каникул в Талды-Кургане я пошёл днём на японский фильм «Расёмон». Совершенно пустой зал и потрясающий по эмоциональному воздействию фильм. Может быть, я и ошибаюсь, но «Расёмон» — первый японский фильм в прокате СССР (на родине выпущен в начале 50-х, завоевал множество призов на международных кинофестивалях). К стыду своему я впервые услышал фамилию великого режиссёра — Акира Куросава и увидел гениального актёра Тосиро Мифуне. В японских фильмах всё необычно для ориентированного на европейскую культуру зрителя. В фильмах хороших режиссёров можно попытаться понять стиль жизни японца, необычность поведения японца в одинаковых с европейцем ситуациях (быт, работа, отношения начальник — подчинённый, семья и многое другое). Интересно, что Акира Куросава снял совместный советско-японский фильм «Дерсу Узала» по мотивам дневников русского путешественника Арсеньева (актёр Юрий Соломин). В главной роли снимался отличный тувинский актёр Тунзук (не уверен в правильности написания фамилии). Никаких японских мотивов в работе режиссёра я не заметил, разве что регулярный показ великолепной картины восхода солнца (напомню, Япония считает себя страной восходящего солнца). Ходили слухи, что в

прокат Японии поступил отличающийся вариант фильма, не видел, не знаю. Красочный широкоформатный «Дерсу Узала» является гимном приморской природе, оправдал мои ожидания (о фильме писали постоянно, когда ещё обсуждали сценарий) и понравился. В 70-е посмотрел японский фильм «Гений дзюдо», вызвавший зрительский ажиотаж. Возможно, мы видели специально адаптированный для европейского и американского зрителя фильм, но японскую специфику можно было заметить только на улицах городов. Ещё один запомнившийся японский фильм я смотрел уже в Томске в 80-е. «Легенда о Нараяме» — потрясающая история бедной деревни, откровенно показывающая всю цепочку от зарождения новой жизни до смерти высоко в горах, куда дети уносят и оставляют умирать родителей. Редко какой фильм оказывал на меня такое влияние, если через 25 лет я помню многие мелкие детали фильма. Именно борьба за выживание в труднейших условиях простого человека заслуживает внимания и уважения, фильм даёт понять, как веками ковался стойкий национальный характер японцев.

Спускаюсь на землю.

Проблемы со здоровьем не остались на 3-м курсе. Только определился с мерами по профилактике хронического радикулита, периодически начали донимать боли в желудке. Обратился в университетскую поликлинику, очередной раз убедился, там работают люди (говорю только о тех, с кем сталкивался), которым абсолютно наплевать на здоровье студентов, в каждом розовощёком пациенте видят потенциального «сачка», т. е. отлынивающего от занятий («у всех гастрит!»). Начал пользоваться советом одного из студентов, мучающихся аналогичным заболеванием: выпить графин кипячёной воды, затем пальцы в рот… Что-то у меня плохо получалось, но после сильного опьянения (а поводов выпить у студентов всегда хватает) с традиционными последствиями явно наступало облегчение на 1–2 месяца. Жизнь убедила, обострение радикулита и язвенной болезни (однозначный диагноз установлен лет через 20, после появления УЗИ) в моём организме проходят одновременно.

4-й курс завершала полуторамесячная производственная практика на химзаводе в Новосибирске. Заводское общежитие переполнено, нас (человек 5) поселили в гостинице городского аэропорта. Добираться до завода приходилось с двумя пересадками. Утомительно, зато более основательно познакомился с Новосибирском (железнодорожный вокзал упоминал выше). Великолепен Красный проспект — центральная магистраль Новосибирска. Только положительные эмоции

захлёстывают при виде построенного в сталинские времена оперного театра (запомнил балет «Легенда о любви»). Хрущёв «отметился» в Новосибирске, прежде всего, созданием Сибирского отделения Академии наук, строился отличный, не имевший аналогов в Советском Союзе, Академгородок. В институтах химического профиля уже работали десятки выпускников химфака ТГУ, включая студенческого друга Жоржа Дубовенко. Я много раз бывал в Новосибирске и, откровенно говоря, город мне не нравится. Центр застроен в сталинские времена серыми зданиями в 4–6 этажей, что придаёт городу мрачный вид. Мне неизвестно, что думали градостроители Новосибирска, очевидно, выбор отделочного камня не случаен. Новые районы Новосибирска не отличаются от аналогичных в других городах, застроенных «хрущобами». Город стремительно растёт «вширь», население давно перевалило за 2 миллиона. На городских дорогах сплошные пробки, транзитный транспорт основных направлений (Омск, Алтай, Кузбасс и Томск) идёт через центр города.

Ещё до формального завершения производственной практики уехал из Новосибирска поездом на крымский курорт Саки. Путёвку, точней курсовку (проживание не в санатории, а в частном секторе) получил без блата, в студенческом профкоме. Впервые пересёк Урал в юго-западном направлении. Несколько суток у окна. Не перестаёшь удивляться огромной территории России. Волгоград, Краснодар, паромная переправа Кавказ — Крым, наконец, Симферополь. В Симферополе я был и позже несколько раз. Особого впечатления не произвёл. Может быть потому, что крутился рядом с вокзалом и аэропортом, не знаю. Зелёный город! Много цветов! Обычные атрибуты южного города областного уровня. 20 км в сторону Евпатории и курорт Саки, старейший грязевый курорт на территории СССР, стоит памятник Гоголю с пометкой о его лечении в 1837 г. Курорт расположен на солёном бессточном озере в 6 км от побережья Чёрного моря. С противоположной стороны озера находится крупнейший в СССР химический завод по производству брома и йода. Воздух в Саках очень тяжёлый, как только приспосабливаются местные жители. Лечебное действие грязи и рапы на больных отменное. Саки запомнились появлением космонавта Титова (дикая популярность!) с женой, толпы сбегались в грязелечебницу посмотреть на Титову, лечившую что-то из гинекологии. Поясню, военный санаторий и гражданский пользовались одной грязелечебницей.

Ловил момент и ездил на все экскурсии, которые не шли в ущерб лечению. Евпатория выделяется среди других крымских

курортов обилием детей и *песчаными* пляжами. Ялта — много не расскажешь, всё сказано. Удивили: отсутствие песка (сплошная галька), холодная вода при 30-ти градусной жаре, поразительно грязная поверхность воды около берега и ненормально большое количество народа. Бахчисарайский дворец очень красив, хотя реставрация не была закончена. Музей Чехова — серый, как и большинство литературных музеев. Особо следует сказать о Севастополе.

Первые впечатления от однодневного пребывания в Севастополе оказались такими сильными, что когда через 12 лет я провёл там месячный отпуск, выяснилось, мало принципиально нового в свою черепную коробку смог добавить. Красивое расположение города, бухты с разнообразными военными кораблями, на улицах обилие моряков. И, конечно, памятники. Величественная панорама кисти Рубо, показывающая оборону Севастополя в 1855 г. Памятники адмиралам Нахимову и Корнилову, инженер-генералу Тотлебену (в 1962 г. гиды стыдливо называли красивейший памятник «русским сапёрам», так как русский генерал по национальности немец). Кстати, памятник Тотлебену — один из немногих, устоявших без разрушения в военных катаклизмах 20-го века. Скромнее смотрятся памятники героям последней отечественной войны, в т. ч. диорама на Сапун-горе.

После лечения в Саках на каникулы к родителям сознательно поехал длинным железнодорожным маршрутом (не через Новосибирск) Симферополь — Москва — Алма-Ата — Уштобе, в Талды-Курган добирался автобусом. Моё место — у окна. Чем дальше от Симферополя на север, тем бедней привокзальные базарчики (денег у студента мало, а поесть чего-нибудь вкусненького хочется). Поразила станция Мелитополь, сотни вёдер отборных абрикосов, 1 рубль ведро. Походил, посмотрел, был бы на рубль 1 кг взял бы, а куда мне ведро. Во время московской пересадки бродил по трём знаменитым рядом стоящим вокзалам. Такой грязи, как на Казанском вокзале в 1962 г. я что-то вообще не припомню. Люди валяются на полу, в переходах, дух внутри вокзала такой, что глаза не выдерживают, слезятся. Архитектура вокзала очень даже неплохая, просто надо следить за порядком. Большую часть времени старался находиться на перроне или привокзальной площади, ночью это чревато известными неприятностями. Тяжёлая дорога до Алма-Аты начинается южнее Караганды с построенного в 50-е годы участка Моинты — Чу. Пустыня. Движущиеся барханы. Из растительности только «перекати-поле», верблюжья колючка, редкие заросли саксаула. Из живности изредка видны верблюды.

Жара на уровне 40R, а может и выше, открытые окна (о кондиционерах никто не слышал) только утяжеляют ситуацию в плацкартном переполненном вагоне. Длинные перегоны. На остановках пассажиры бегут за водой. Кошмарные двое суток, о еде совсем не думаешь. Никогда в будущем у меня больше не возникало желания проехать летом этим маршрутом. Но опыт есть!

В Талды-Кургане, наткнулся на мамину обиду, которую она помнила десятки лет. Почему я не откликнулся на смерть бабушки? Произошло недоразумение. Бабушка умерла 26 апреля, родители дали телеграмму в Томск. А я раньше уехал с Ниной в Бийск (старшекурсники своеобразно относятся к расписанию занятий, уверенные в безнаказанности). Появились в Томске 10 мая и только дней через 10, т. е. в 20-х числах мая кто-то в общежитии вспомнил (на 4-м курсе я жил в сборной комнате на 13 человек) о похоронной телеграмме. Очень расстроился и начал ждать письма из Талды-Кургана, не дождался и уехал на практику, оттуда на курорт.

Пятый курс

Основные события 5-го курса — женитьба (см. «Полле Нина Николаевна»), выполнение дипломной работы и распределение.

В студенческие годы химические, физические и др. расчёты делали вручную (умножение, деление карандашом на бумажке, тригонометрические функции брали из таблиц Брадиса). Популярные у политехников логарифмические линейки университетские химики использовали мало, не было курсовых и дипломных *проектов*.

Основную долю экспериментальной части дипломной работы во втором семестре 5-го курса я выполнял на приборах Сибирского физико-технического института в лаборатории спектроскопии, управляемой профессором Натальей Александровной Прилежаевой. Подготовку материалов и обработку результатов проводил на кафедре органической химии университета, дипломный руководитель — доцент Галина Лазаревна Рыжова. Количество расчётов, пусть и элементарных, при обработке спектральных характеристик резко увеличилось. На кафедре появился первый известный мне арифмометр «Феликс», на котором дипломники работали, когда его освобождали аспиранты и научные сотрудники. «Феликс» казался чудом, позволял считать в несколько раз быстрее, чем вручную, не требовал напряжения внимания. Примитивный «Феликс» обладал такими достоинствами, как надёжность и «дуракоустойчивость». Арифмометр без проблем таскали в сумках, «балетках» в студенческое общежитие, сообща пользовались, роняли на пол в суматохе «общаги», но «Феликс» продолжал работать. Может быть поэтому «Феликс» до сих пор встречается в лабораториях, пережив многие более совершенные варианты *механических* арифмометров.

Задолго до завершения дипломной работы началась эпопея с распределением. И опять рядом замаячил КГБ. На первых двух курсах я вспоминал о КГБ, только появляясь на каникулах в родительском доме. Весной 1960 г. жёсткое напоминание о тех, «кто не дремлет», появилось в виде дополнительно подселенного в комнату общежития восстановленного студента 4-го курса Соловьёва (см. «2-й курс»).

Раз за разом начали вызывать меня в 1-й отдел и офицер КГБ (уровня майора, подполковника) настойчиво уговаривал распределиться «в органы». Звание лейтенанта, пайковые, школа КГБ в Воронеже (?), работа на химических комбинатах. Ужас

кролика перед удавом. Никакие доводы не воспринимались. Наконец, «запустил Берлагу» — рассказал о тёте Вельде в Канаде и о регулярной переписке с ней (фактически, в то время папа с мамой боялись переписки с неожиданно «воскресшей» тётей Вельдой, контакты шли через тётю Марту). Шёл 1963 год. Связи с заграницей всё ещё боялись как огня. Аргумент сработал. От меня отстали, предупредив о неразглашении факта и содержания душещипательных бесед. Рассчитывал, отстали навсегда. Ошибся.

О тех давних контактах с чекистами в ноябре 2004 г. неожиданно напомнил сокурсник Эдик Антипенко, исчезнувший из моего поля зрения сразу после окончания университета, один раз встречались на пьянке сокурсников в 1973 г., т. е. более 30 лет назад. За «рюмкой чая», Эдик, ничего не знавший о моей вербовке, рассказал, как в 1963 г. его «добровольно-принудительно» распределили в КГБ. Как целый год мать, главный бухгалтер Сибирского военного округа, через министра обороны СССР выцарапывала сыночка из ведомства последователей Дзержинского, Ежова, Берии, но смогла лишь перевести в систему минсредмаша (атомная промышленность), детище того же Берия. Правда, работал Эдик как химик.

Появились варианты распределения в геологические структуры, им, как и КГБ, нужны мужики (а где их на химфаке взять?). Путешествовать люблю с детства, природу обожаю, но 6–7 месяцев вдали от дома и семьи не для меня.

Появилось 8 мест на современный Омский завод синтетического каучука. Решили с Ниной податься в Омск, возникла жёсткая конкуренция среди выпускников. Желающих работать в Омске оказалось раза в два больше.

1958–1963 гг. Томск. Студент.

Последней в университете сессии предшествовала защита дипломных работ, мне записали рекомендацию в аспирантуру, хотя подобное продолжение учёбы «в мыслях не держал». И вообще аспирантура в наши с Ниной планы не входила.

Появился проректор Алтайского политехнического института с заявкой на 3-х выпускников. Имелось в виду всех трёх подготовить в целевой аспирантуре при ТГУ, с тем, чтобы Барнаул через 3 года получил молодых кандидатов наук.

Последовали нудные уговоры на разных уровнях (и «покупатель», и деканат, и сокурсники). Один из основных доводов: мы закрываем возможность распределиться в Омск выпускникам, имеющим более низкий средний балл. Уступили! Распределены в Барнаул мы с Ниной и Женя Чернов.

Вектор движения по жизни в очередной раз скорректирован в мае 1963 г. Слава богу, не так круто как в августе 1958 г. Завершается моя жизнь. Трудно, скорей бессмысленно, оценивать правильность нашего с Ниной решения отдать предпочтение науке, работе в институте перед производством. Что-то есть в моём характере самоедское, так как периодически пытаюсь критически осмысливать правильность давно принятых решений. Если зигзаг 1958 г. до сих пор вызывает неприятные ощущения (чувствую, как врач мог достигнуть лучшей самореализации и принести больше пользы людям), то поворот 1963 г. вспоминаю без сожаления, тем более, что закончил профессиональную

трудовую деятельность на промышленном гиганте.

Государственные экзамены по органической химии и истории КПСС сданы отлично, оценки зачтены как вступительные в аспирантуру. Третий экзамен — иностранный язык. Мы с Ниной справились (я — английский, она — немецкий), а Женя не смог. И ещё несколько лет для Жени английский язык был непреодолимым барьером, Алтайский политехнический институт о нём «забыл» и Женя до 2006 г. работал на кафедре, которую окончил.

Выпускной вечер, на мой взгляд, прошёл достаточно скромно и не очень весело, похоже, все друг другу за пять лет надоели. В отличие от школьного выпускного бала, здесь большинство озабочено личной жизнью (поисками *семейного* партнёра, отнюдь не последующей учёбой или работой).

Не успели оформить приёмные документы в аспирантуру, как трагическая телеграмма из Бийска изменила первоначальные планы «на лето», умерла бабушка, большую часть жизни заменявшая Нине мать.

Бабушка Нины умерла в одиночестве в избушке с земляным полом *при шести живых детях*. Бабушка из алтайских кержаков, в 17 лет Ефим Березовский взял её в жёны не по любви, а угоном за 300 км. Чета Березовских вырастила 8 детей (6 ушли на фронт, два сына погибли). Бабушка жила трудно всю жизнь, даже в пожилом возрасте дед Ефим Березовский, старовер с широкой окладистой бородой, гонял её с поленом вокруг избушки. И всё равно я трудно воспринимал её личный рассказ, что бабушка плясала, когда умер муж. Запомнил хитрую улыбку бабушки, когда стелила нам на земляном полу, вся внутренность избушки вместе с печкой и бабушкиным топчаном не превышала 10 квадратных метров. Близки мы с Ниной до женитьбы не были, но у бабушки, по-видимому, было особое мнение.

На похоронах, поминках познакомился с множеством родственников, затем поехали на их родину, одно из крупных сёл степного Алтая (километрах в 150 от Бийска, название не помню). Татьяна Ефимовна, старшая дочь, жила в родительском доме, во время войны — председатель местного колхоза (было ~ 1000 дворов, осталось 200), в 1963 г. на пенсии. В старых деревнях все друг другу родственники, началось хождение в гости от одних к другим. Закуска простейшая: варёная картошка, прошлогодние солёные огурцы, свежесобранная луговая клубника. Водки и самогона — море. Бесконечные призывы, имени моего никто на слух воспринять не мог: «Молодой сват! Не пьёшь, не уважаешь!» И стаканами! Бррр! Как в кино! Впервые узнал, что сватами принято называть не только родителей супругов, но и всех

родственников одной стороны по отношению к другой.

Пытаясь разнообразить ежедневное меню, как-то рано утром пошёл на рыбалку и на обычного червяка поймал пару щук в ямах обмелевшей деревенской речушки, гордо нёс добычу на виду сельчан, провожающих коров в стадо. В этот же день тётя Таня продемонстрировала любителю поплавковой рыбалки свой способ ловли. Речушка небольшими участками полностью перекрывается и «бабы» марлей черпают пескарей. Час работы, ведро пескарей готово к сковородке. Удивительная эффективность, ведь кормить пришлось большую компанию. Мне осталось только развести руки.

Познавательная поездка, предельная доброжелательность родственников. Познакомился со всеми детьми бабушки, с некоторыми чуть позже. Семён Ефимович жил в Бийске, работал в пожарной охране, до того много лет комендант одного из городов Германии, квартира переполнена немецкими «сувенирами». Мария Ефимовна (тёща) — высококвалифицированный сварщик, член горкома КПСС Бийска. Клавдия Ефимовна прошла войну, муж морской офицер (в деревенских застольях фигурировал как просто «сват», в отличие от «молодого свата»), живёт на Камчатке. Тимофей Ефимович Березовский, полковник авиации в отставке принимал меня «с ночёвкой» на даче в Новом Иерусалиме под Москвой в 1966 г. Дядя Тима — интересный собеседник, поразил его рассказ за общим столом, как в начале 30-х комсомольцем раскулачивал собственного деда и отправлял в Нарым. Ни тени сомнения в правильности содеянной в молодости подлости, а внешне — добрейшей души человек. У дяди Феди, проживающего в старинном Торжке вдвоём с женой, я гостил сутки, очень приятный в общении человек.

И всё-таки, почему никто из материально благополучных детей солидного возраста не взял старую мать к себе? Удивляло в то время, удивляет сейчас.

Отпуск перед аспирантурой оказался длинней обычных каникул, мы с Ниной оказались в Талды-Кургане.

Здесь я отвёл душу на рыбалке. Опять вспоминаю ловлю сазана, красивой сильной рыбы.

Дальние трёхсоткилометровые поездки требовали проводника, как только автомобили спускались с асфальтированной трассы на пустынное бездорожье. Обычно, километрах в 30 от места рыбалки подсаживали местного жителя, «Сусанин» показывал места для ловли сазанов удочкой. Ловля на тесто, некоторые добавляли для запаха нашатырные капли. Леска миллиметровая, большинство имеет два крупных крючка, поплавок пробковый. С вечера на уху сообща налавливали

десяток сазанов, основная рыбалка утром. Ночи жутко тёмные с насыщенным звёздами (в Томске представить сложно) небосводом и холодные, без телогрейки до утра пропадёшь, тем более что дрова только для приготовления пищи и освещения.

29.04.1963 г. Томск. Защита дипломной работы.

Ночной костёр, ужин с водкой и разговоры. Это нечто особое, придающее колорит всей рыбалке. Я всегда поражался, сколько интересного можно услышать в компании простых малограмотных людей. Однажды «Сусанин» оказался доморощенным поэтом, часами все слушали его поэмы (с матом, с прибаутками), «разинув рот». И это человек из пустынной деревушки в 5–7 домов, где не было ни радио, ни электричества.

Если попадали на ямы, заросшие водорослями, то сначала

мужики тросом очищали достаточное пространство (тяжёлая работа, так как глубина ям до 5 метров и больше) для прохода с бреднем. Несколько мешков крупных сазанов, во второй половине субботы начиналось движение в обратную сторону. Жара, учитывая отсутствие тени и ветра, далеко выше 40? чтобы сохранить рыбу, её перекладывают камышом. Рыбы привозили много, но мы с папой ни трос, ни бредень не таскали. Ловили в это время окуней в окошках среди водорослей. Окунь настолько голодный, что не успевали вытаскивать. Поймав удочками полное ведро окуней, рыбалку прекращали.

Сазана на удочку не так просто поймать. Сазан имеет жёсткий плавник, которым стремится обрезать леску. Максимум, что мне удавалось поймать, 4 сазана за рыбалку, но каждый оставлял непередаваемые ощущения. Нормальный рыбак (и папа в том числе) после каждого пойманного сазана начинал закуривать, у меня просто сердце из груди выскакивало и непонятно какой силы звук. Отчётливо начинаешь чувствовать, процесс ловли даёт значительно больше положительных эмоций душе, чем чревоугодие.

Приходилось ездить на сазана и с двоюродным братом Витей Ремезовым на озеро Уш-куль, невдалеке от Уштобе. Озеро большое, преимущественно неглубокое, заросшее. Тучи комаров. Здесь я просто оказался свидетелем удачной ловли Вити. Такая ловля (по грудь в воде) с постоянным перемещением в камышах не по мне. Первый же сазан оборвал мои снасти, я превратился в зрителя, чужими удочками рыбачить не умею.

Трижды ездил с папой на удивительную рыбалку на Каратал ниже выпуска стоков с рисовых полей Уштобе на леща и судака. Не знаю точно, когда в бассейн Балхаша запустили судака и леща, но в 50-е годы в Каратале преимущественно ловились сазан, маринка (вкусная специфическая рыба с ядовитыми внутренностями), осман (вид форели), пескарь (внешне отличается от российского пескаря, больше похож на угря). Лещ и судак практически ликвидировали местную рыбу.

На рыбалку выезжали (человек 10) в рабочий день вечером. По дороге в Уштобе останавливались у Каратала (дорога из Талды-Кургана в Уштобе практически проложена вдоль основного русла реки) и марлей ловили мальков (живцы на судака). Мужики больничного хоздвора наблюдали сие действо как причуды начальников. Примерно в 10 км за Уштобе разбивали лагерь, мужики растягивали сеть на всю ширину реки (метров 30). Рыба немедленно начинала путаться в сети. Рыбалка состояла в непрерывном обходе сетки, судаки и лещи рвались к источнику корма, исходящему с рисовых полей (напомню, что рис

выращивается в чеках, постоянно наполненных водой). Какая тут рыбалка удочкой, не успеваешь рыбу в мешки складывать. Ночи жутко тёмные, у всех израненные руки плавниками судака. Рано утром рыбалка заканчивается, к 6 утра мы уже в Талды-Кургане, мама в ужасе от количества привезённой рыбы. За год с подобной рыбалкой покончено, рыбы не стало. Может быть, выловили, но вполне вероятно, рыба потравлена ядохимикатами, применяемыми для усиления роста риса.

Аспирант

1963–1967 гг.

Первый год

1 октября 1963 г. — официальный старт обучения в аспирантуре Томского университета по кафедре органической химии (Нина — аспирант кафедры физической химии).

Несколько слов о приёмных экзаменах в аспирантуру, призванную готовить педагогические и научные кадры более высокого, по сравнению с ВУЗами, уровня. Поступление в аспирантуру, как и поступление в ВУЗ уточняет, иногда резко меняет, вектор судьбы индивидуума. Здесь также объявляется конкурс, существуют приёмная и экзаменационная комиссии, но в реальности всё гораздо проще. И сложнее, одновременно. Поступают практически все, кого *предварительно* отобрали, но не все желающие. Трудности возникают у научного руководителя, которому выделено энное количество мест, и надо подыскать достойных претендентов. Отнюдь не все лучшие выпускники или выпускники с творческой жилкой (дети, близкие родственники научных корифеев и крупных институтских чиновников — особая статья) соглашаются поступать в аспирантуру. Помню, как долго меня уговаривал зав. кафедрой химии Томского инженерно-строительного института профессор Чемоданов. Писал выше, под каким давлением мы с женой Ниной вынуждены были отказаться от поездки на Омский комбинат синтетического каучука и согласиться на распределение в Алтайский политехнический институт, с немедленным поступлением в целевую аспирантуру на родном факультете. Кстати, целевая подготовка кадров ведущими ВУЗами для периферийных или недавно открытых институтов является распространённой практикой. Отмечу, ни в Томске, ни в Барнауле, ни Тюмени, ни Свердловске лично не слышал о взятках на приёмных экзаменах в аспирантуру. Протекция — это да!

Неожиданно (для меня!) разгорелись страсти по поводу непосредственного руководства диссертационной темой. Поясню. Официальным руководителем подготовки аспирантов по органической химии являлся профессор Тронов, обычно поручавший непосредственное управление доцентам кафедры. Каждый из них заблаговременно подбирал способных студентов и готовил для себя «рабочую лошадь», так как по существовавшей негласной схеме, кандидатская диссертация аспиранта автоматически становилась весомой частью будущей докторской диссертации непосредственного руководителя. В мае 1963 г., на защите доцент Г.Л.Рыжова инициировала в государственной

экзаменационной комиссии протокольную рекомендацию (элемент, не обязательный для поступления, но крайне желательный) в аспирантуру, предполагая существенное расширение и продолжение темы моей дипломной работы. Уговаривал к сотрудничеству со сменой направления доцент кафедры Иван Михайлович Бортовой (здесь я категорически упёрся, с детства не терпел мелкой опеки). Тема диссертационной работы, сформулированная Троновым, вызвала некоторое замешательство, так как выпадала из привычных направлений кафедры и предполагала непосредственное руководство научным руководителем. Тогда я ещё не понимал, что попал в центр дрязг, далёких от науки, которые в будущем не раз почувствую.

Предваряя нахождение в аспирантуре, коротко расскажу об учёном, сделавшем из меня квалифицированного научного работника. Приведу несколько эпизодов, которые мне посчастливилось увидеть, услышать лично или даже соучаствовать.

Борис Владимирович Тронов (1891–1969 гг.) — крупнейший учёный Советского Союза в области органической химии, явно недооцененный, если не считать высоких орденов 1940-53 гг. за работы по оборонной тематике, включая создание химического оружия. Совсем недавно томское телевидение рассказало о неожиданно возникшей проблеме (для СМИ!) утилизации образцов боевых отравляющих веществ, хранившихся в сейфе его ученика и соратника профессора Л.П.Кулёва, умершего в 1962 г. Сфера закрытая, говорить о ней не принято, ведь СССР активно боролся за мир во всём мире. Борис Владимирович — человек умный, но не пробойный и не конфликтный. Думаю, потому и не попал в Академию наук.

Впервые увидел Тронова на втором курсе, когда начался огромный (на три семестра с одним экзаменом) курс органической химии. Борис Владимирович читал введение и теоретические основы дисциплины. Невысокий, сухощавый, не суетливый, классный лектор. Я практически на его лекциях не записывал, просто слушал (при подготовке к экзаменам использовал записи сокурсниц). Поражала его аккуратность. Рисуя на доске бензол или его производные, Борис Владимирович каллиграфически выписывал каждую букву, забавно приговаривая цэ-аш, цэ-аш, цэ-аш…. Для не химиков поясню, молекула бензола — геометрически правильный шестиугольник, на каждом углу по атому углерода и водорода СН. Через десяток лет, будучи сам лектором, удивлялся, как у Тронова хватало терпения, большинство лекторов по органической химии даже СН не пишут, просто рисуют шестиугольник с кольцом в середине.

Интересно было не только слушать Бориса Владимировича, но и наблюдать за его поведением. Одевался очень скромно, только опытный или знающий человек мог по внешнему виду определить в нём профессора, в широком университетском коридоре Тронов со стареньким портфелем (по-моему, не лучше, чем у Жванецкого) старался ходить близко к стенке, вероятно, чтобы буйная студенческая молодёжь, толпой бегающая из аудитории в аудиторию, не сбила.

Запомнился смешной зимний эпизод 1959-60 гг. В лекционной аудитории на 2-м этаже левого крыла главного корпуса университета окна не закрываются, частично стёкла разбиты. Привычное безобразие, температура не выше 5-10 градусов, студенты в пальто. Тронов приоткрыл дверь, просунул голову, закрыл. Сбегал на кафедру (правое крыло корпуса, 3-й этаж), метров 250 в один конец, не считая лестниц (69 лет!), появился в плотно застёгнутом зимнем пальто с шарфом и с завязанной под подбородком шапкой. Начал лекцию, разогрелся, развязал шапку. Через 3 минуты отогнул уши шапки так, что они начали свисать. Внешний вид профессора (из-за высокого стола видны только плечи и голова), напоминавший то ли огородное пугало, то ли урку из немого кино, привёл аудиторию в весёлое возбуждение. Тронов не сразу понял причину смеха. Показалось, в аудитории стало теплее. Объективно, Тронов должен был отказаться читать лекцию в подобных условиях, но не тот характер. Куда-то ходить, доказывать очевидное — трёпка нервов и отвлечение от науки.

Интересно Борис Владимирович принимал экзамены. Посадит студентов готовиться и уходит, минут через 40 потихоньку открывает дверь и *задом* входит в аудиторию. Смышлёные студенты уже всё, что нужно, списали. Двоек Тронов не ставил, тройки — редко. Все недоумённые вопросы администрации (курс трудный, 80 лекций), Тронов парировал, что его студентов хорошо муштруют ассистенты с помощью многочисленных коллоквиумов на практических и лабораторных занятиях.

Пробежали студенческие годы, я — аспирант Тронова. С ним и переехали из Томска в Барнаул двигать науку в молодом Алтайском политехническом институте. Здесь уже помимо контактов в институте приходилось бывать у Тронова дома, чаще в составе небольшой группы приближенной к профессору молодёжи. Типичная картина.

Идём с какими-то вопросами втроём. 17:30 (знаем, после обеда профессор отдыхает). Звонок. Дверь открыл только что проснувшийся Тронов, пропустил в зал, на крышке старинного

рояля, как обычно, прыгает избалованный 5-летний внук Алишер. Тронов подошёл к холодильнику, достал бутылку кефира.

— Борис Владимирович! Зачем кефир, у нас сухое вино есть!

— О, тогда не буду.

Кефир отправлен обратно в холодильник. В 75-летнем возрасте Тронов способен был выпить две бутылки сухого вина. Крепких напитков в моём присутствии он не пил и пьяным его никогда не видел (и не слышал).

В лёгком подпитии дома Борис Владимирович рассказывал много интересного из прошлого, пока сын не отправлял его отдыхать. С большой неохотой из-за стола он отправлялся в кабинет-спальню. Спал профессор на небольшом узком диванчике, кровати я не видел. Кстати, Тронов работал часов до 2-х ночи, обилие в кабинете специальной литературы, научных и реферативных журналов поражало.

Обладавший энциклопедическими знаниями в разных направлениях органической химии он никому не отказывал в советах, причём спорить не любил. Типичный диалог.

— Борис Владимирович! Что-то не могу разобраться в результатах эксперимента, помогите!

— Здесь должно быть так, так, так…

— Борис Владимирович! Получается совсем наоборот!

— Тогда вот так, так, так…

Воспитывая (не навязчиво) аспирантов на тему качественного подхода к выполнению эксперимента Тронов частенько приводил пример с докторской диссертацией физика Прилежаевой (впоследствии руководитель школы томских спектроскопистов, работавших на грани физики и химии, в их лабораториях я выполнял экспериментальную часть дипломной работы). На защите член учёного совета Тронов задаёт вопрос:

— Наталья Александровна! А какого цвета анилин Вы использовали для *спектральных* исследований?

— Как какого? Чёрного!

Борис Владимирович промолчал, не стал срывать защиту, а позже объяснил Прилежаевой, что анилин окисляется на свету с образованием красителей, в очищенном виде анилин бесцветный. Конфуз, понятный любому химику, ведь экспериментальными данными обосновываются теоретические построения. Вспоминается аспирантская байка: физики работают хорошими методами, но с плохими веществами; химики работают с хорошими веществами, но плохими методами; физико-химики работают плохими методами с плохими веществами.

Помню, в период громких празднеств по случаю 50-летия октябрьского переворота, Борис Владимирович описывал события

1917 г. в Москве. Он работал и учился в лаборатории академика Зелинского в Московском университете. Снимал комнату у какой-то княгини с видом на Красную площадь. Красногвардейцы штурмовали Кремль. Никто из ближайших домов не выходил на улицу. Тронов:

— Откроешь форточку, пуля жжжить…. Через три дня стрелять кончили, я взял портфель и пошёл в университет.

— Борис Владимирович! Да Вам надо сейчас говорить, что Вы помогали красногвардейцам!

— Нееет!

Любил Тронов, получивший звание профессора в 1924 г., со смехом рассказывать об абсурде 20-х годов, введении в томском университете бригадных форм обучения. Чаще вспоминал некую малограмотную студентку Веру, ходившую в гимнастёрке и сапогах. Вера определяла, кто и на каких занятиях отвечает на вопросы преподавателя за всю бригаду. Профессора, «буржуазные недобитки», стояли перед ней на цырлах.

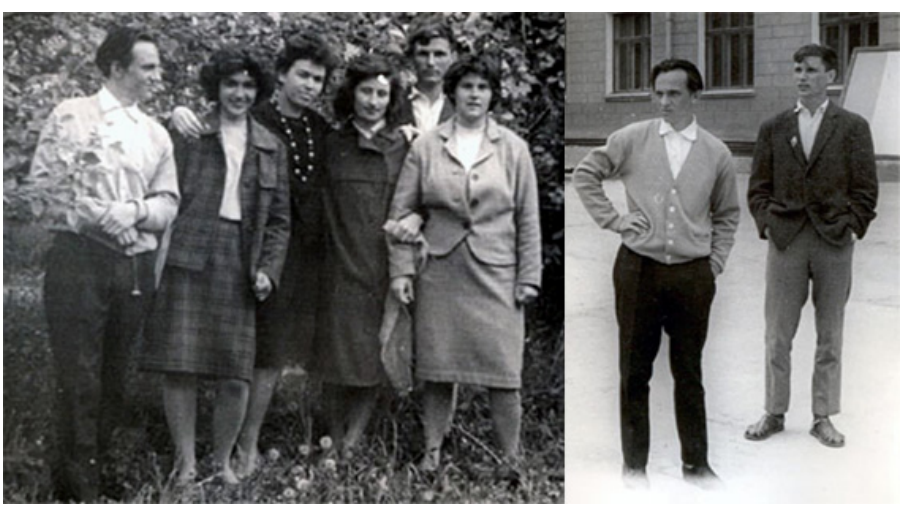
Борис Владимирович отлично владел русским языком (большая редкость!), хорошо знал французский язык. Как заразительно он смеялся, случайно услышав наши жаргонные выражения «такова сель ави» или даже «селявуха».

Однажды, в 1965 г. возникло кратковременное напряжение в отношениях с Троновым. Я написал первую статью в Журнал общей химии АН СССР по результатам годичного эксперимента, авторов (нас двое) расставил по алфавиту, отпечатал в машбюро, принес Тронову на подпись. Чувствую, что-то не нравится. Борис Владимирович положил статью в портфель, на следующий день принёс собственноручно каллиграфическим почерком переписанный машинописный текст (ни одного изменения, исправил несколько запятых) и подчеркнул, первым ставится автор, который написал статью, т. е. свою фамилию поставил первой. Вроде бы мелочь, как посмотреть. Можно и посмеяться. Конечно, уступил, но до сих пор считаю единственно правильным расположение *соавторов* в алфавитном порядке. Думаю, не свойственный характеру Бориса Владимировича поступок совершён по команде фактически управлявшего кафедрой сына Тронова (поставить на место зарвавшегося аспиранта!). Месяцев через 10 оттиск напечатанной статьи с указанием в качестве организации-исполнителя Алтайского политехнического института Борис Владимирович с гордостью показывал в ректорате и коллегам: «нас печатают в центре!».

Убеждён, Борис Владимирович заслуживает обстоятельного описания творческого (более 10 докторов и 60 кандидатов наук — прямые ученики Тронова) и жизненного пути.

Вернёмся к «нашим баранам». Первая стадия обучения — подготовка кандидатских экзаменов по органической химии (не специалисту трудно представить объёмы фундаментальных источников), философии, английскому языку. Это уже далеко не студенческие экзамены по записанным лекциям или «Who is on duty today?».

Взялся за работу интенсивно, полгода не выходил из научной библиотеки, подготовился к экзаменам и перелопатил огромное количество литературы по проблемам, близким к диссертационной тематике. От учебников, монографий и реферативных журналов до первоисточников. Дошёл до оригинальных трудов великого француза Бертло (журналы с его фундаментальными трудами середины 19 века имели неразрезанные страницы, т. е. никто никогда эти статьи в Томске! не смотрел). Начал создавать личную картотеку, сейчас она содержит координаты и мои краткие рефераты многих тысяч научных трудов, «хранится» в гараже. А ведь кому-то из научных работников картотека могла бы быть весьма полезной (сослагательное наклонение!).



Май 1964 г. Томск. Аспиранты сдали кандидатский экзамен по английскому языку.

Сдаче экзаменов по специальности и философии (английский язык изучал в специальной группе до весны) предшествовала познавательная поездка в сельскую глубинку в декабре 1963 г. Москва вела интенсивную пропаганду решений пленума ЦК КПСС по химизации сельского хозяйства (полезнейшее мероприятие Хрущёва). В Томске по указанию обкома мобилизованы через

общество «Знание» все аспиранты-химики (10 рублей лекция при стипендии 68 рублей, большущие деньги). Мне достался Шегарский район. Холод дикий, или мне так казалось в демисезонном пальтишке и лёгких ботинках, тем более что по совхозам лектора возили древнейшим способом, на розвальнях (снега много, дороги не чищены). Выступал перед киносеансами в клубах и непосредственно на фермах. Люди слушали молодого городского умника с интересом, но скептически. Ещё один приехал учить уму-разуму. Типичный вопрос, почему раньше собирали по 20 и более центнеров пшеницы с гектара без всяких удобрений, а сейчас по 5–7 центнеров. Объяснения причин истощения почвы практически не воспринимаются. Забавный случай на молочной ферме. Парторг собрал скотников и доярок в бытовке, тесновато, я примостился за обеденным столиком, выступал-беседовал сидя. От общих проблем химизации постепенно спускаюсь на проблемы животноводства, улучшения качества питания, начинаю объяснять полезные свойства карбамида (мочевины) при добавлении в корм скоту. Вопрос: «Вот этот, что ли?» Оказалось, я локтем упирался в бочку с позеленевшим карбамидом, заплёванную окурками. Карбамид явно не использовался по назначению, и стоял важнейший компонент питания скота на виду для проверяющих, в первую очередь, партийных грамотеев. Надо полагать, после смещения Хрущёва бочку просто выбросили. 70 км от «умного» Томска и поразительная безграмотность сельчан, даже украсть и использовать карбамид на собственном огороде фантазии не хватало. Ситуация мало изменилась в лучшую сторону и через 40 лет, блуждая в поисках белых «берёзовых» грибов, не единожды встречал открытые ветру, осадкам и солнцу кучи минеральных удобрений просто сваленных вдоль полей.

Первые два кандидатских экзамена мы с Ниной сдавали, ожидая прибавления в семье. Здоровая дочь родилась 16.02.1964 г. (см. «Фёдорова Эльвира Эрвиновна»).

Приступил к эксперименту и быстро убедился, что подход к изучению комплексов трёхвалентного железа с многоатомными фенолами традиционными для школы Тронова методами исследования молекулярных комплексов является тупиковым. Идею подбросил Тронову заезжий академик, по-моему, Тананаев из Свердловска, её реализацию Тронов поручил мне, одному из шести аспирантов первогодков. Кстати, навсегда запомнил уважительное отношение со стороны Тронова к аспирантам (только на «Вы»), он всегда обращался ко мне по имени-отчеству, что вначале было очень непривычно. Но приятно!

Отрицательный результат тоже результат, хотя и жаль

месяцев интенсивного труда. Ближе к концу учебного года обстоятельно поговорил с Борисом Владимировичем, убедил его в необходимости сменить направление диссертации. Тронов сформулировал тему, близкую к традиционным работам кафедры (изучение комплексов галогеннафталинов с замещёнными нитробензолами).

Главный итог первого года аспирантуры повышение эрудиции, сдача кандидатских экзаменов.

Ближе к весне прошёл слух о переезде Тронова в Барнаул. Вопрос касался и нас, Алтайскому политехническому институту нужен профессор, создающий в молодом институте научную школу. А мы же целевые аспиранты. В ТГУ не верили очередному уезду Тронова из Томска (до того он уезжал во Фрунзе, через 2 года вернулся). Да и сам Борис Владимирович под влиянием сына, сыгравшего зловещую роль в судьбе пожилого профессора, шантажировал руководителей ТГУ и АПИ требованиями крупной квартиры, трудоустройством сына, так что непонятен был конечный результат (уедет, не уедет).

Представители АПИ уговаривали нас поехать в Барнаул вперёд. Через министерство оформлялся перевод из аспирантуры ТГУ в аспирантуру АПИ. Дополнительную сложность вносило, что Нина специализировалась в области электрохимии, а её руководитель доцент Раиса Михайловна Куликова и не думала о переезде в Барнаул.

С другой стороны, квартирные хозяева после появления Эльвиры начали выживать нас под предлогом тесноты. Съездил в Барнаул, обещали комнату в общежитии немедленно (в Томске немыслимый вариант), квартиру после защиты диссертации.

А! Была, не была! Есть у меня в крови любовь к риску и резким поворотам. Отослал Нину с четырёхмесячной Элей к матери в Бийск, сам отправил контейнер с вещами в Барнаул. В середине июля 1964 г. нехитрый аспирантский скарб распаковывал в общежитии АПИ.

Второй год

Барнаул понравился разумностью городской планировки, центральным бульваром, текущей вдоль города Обью. Регулярные позже командировки в Томск позволяли сравнивать градостроительные подходы к жилищному строительству. В Барнауле строилось больше, выше, красивее, причём новые кварталы соединялись с центром широкими проспектами. Центр Барнаула выглядел просторней центра Томска. Существенно отличался вечерний контингент на улицах. В центре Томска студенческая молодёжь на улицах до утра «подавала голос», а в Барнауле больше гуляла подвыпившая рабочая молодёжь, к тому же улицы после 23 часов пустынны.

Центральная площадь окаймляется зданиями крайисполкома, универмага и химико-технологического факультета, метрах в двухстах построен главный корпус АПИ. Рядом студенческие общежития. В одном из них на первом этаже нам и предоставили жильё. Огромная (по меркам съёмных у частника 6 квадратных метров) комната + место в детском саду для Эльвиры — счастье, о котором в Томске бессмысленно было мечтать. Нюанс: мы оказались в юридически подвешенном состоянии (перевод аспирантов в министерстве увязывался с возможностью открыть подготовку по специальности «органическая химия», а соответствующий профессор в Барнауле отсутствовал). Проходит месяц, второй, третий…. Наконец, 1 ноября 1964 г. мы зачислены в аспирантуру Алтайского политехнического института. Стипендия в техническом ВУЗе выше — 78 рублей.

Алтайский политехнический институт в стадии становления. Велась подготовка студентов по многим специальностям, однако средняя квалификация преподавателей не выдерживала критики. На многотысячный АПИ только один профессор (Нечаев), специалист из сферы машиностроения, также недавно приглашённый из Томска. На ХТФ функционировали пять кафедр, с приездом Тронова планировалось выделение кафедры органической химии. Встретили нас с Ниной на факультете доброжелательно, предоставили временные рабочие места. Боже мой, какая разница с лабораториями alma mater в Томске, стол есть, вытяжной шкаф есть, а больше *ничего*. Всё надо создавать, собирать заново (установки, приборы, специальная лабораторная посуда, реактивы…). Заведующие технологическими кафедрами обещали всяческую помощь, разрешили доступ к своим складам.

Пытаюсь раскрутить диссертационный эксперимент, второй

год аспирантуры учащённо тикает, а Борис Владимирович не приезжает. Факультетские бонзы, уверенные, что Тронов не появится, в вежливой форме начали меня «футболить». Аспирант-экспериментатор без поддержки, без надёжной «крыши» плодотворно работать не может, возрастающие потребности исследователя требуют привлечения вспомогательного персонала (лаборанты, кладовщики, стеклодувы, программисты…), а каждый из них имеет собственного начальника.

Наконец, вызывает ректор АПИ доцент Василий Григорьевич Радченко (лауреат Ленинской премии, из школы сварщиков Патона) и предлагает поехать к Тронову со специальным письмом. Ректорат разуверился в действенности прямых административных контактов и решил послать в Томск заинтересованное лицо. В качестве пряника — подобрана четырёхкомнатная квартира на втором этаже до хрущёвской постройки недалеко от института, прежним жильцам выделены *четыре* новые отдельные квартиры.

Поручение деликатное. Переговоры велись в профессорской квартире, хозяева оставили меня на ужин, достаточно торжественный, с вином и тостами. Познакомился с семьёй Бориса Владимировича. Единственный сын профессора Андрей, имеющий «хвост» дурной славы, сноха Мукарама (отец узбек). Внук Алишер. За ужином и младшая сестра Андрея по матери.

Несколько дополнительных пояснений, касающихся Тронова, без которых трудно понять дальнейшие сложности при учёбе в аспирантуре. Борис Владимирович ровесник моей бабушки, родился в нынешнем Алтайском крае в семье уездного врача. Учился в Томске. Первая печатная работа вышла в 1913 г. в соавторстве с младшим братом Михаилом (в будущем профессор-гляциолог, переживший лет на 10 старшего брата) и посвящена восхождению на высшую точку Горного Алтая Белуху. Борис Владимирович поступил в аспирантуру МГУ к академику Зелинскому, здесь пережил революцию. В разгар гражданской войны сдал магистерский экзамен и направился в Томский университет. В 1924 г. без защиты диссертации получил звание профессора. Вся сознательная жизнь отдана томским ВУЗам (университет, политехнический и медицинский институты), за исключением 2 лет во Фрунзе и 4 последних лет в Барнауле.

Семейная жизнь Тронова всегда вызывала пересуды. Борис Владимирович не был ни бабником, ни пробойным человеком. Его добротой и поглощённостью в собственные мысли постоянно пользовались недобросовестные люди. Женился Борис Владимирович в 40-летнем возрасте на 20-летней сотруднице научной библиотеки ТГУ («адская смесь» различных кровей).

Через какое-то время жена бросила Бориса Владимировича и ушла к другому профессору (его дочь и была на ужине), предварительно она жила одновременно с обоими до вмешательства заботящейся о нравственности общественности и парткома, затем бросила в Новосибирске второго профессора и с чистейшим простолюдином переехала в Тюмень. А добрейший Борис Владимирович остался жить один со своим внешне очень похожим сыном, который генетически от матери получил мощный негативный заряд. Первый ребёнок (неофициально) появился от пионервожатой, когда Андрей учился в 9-м классе. Перспективы служебного роста Андрея в Томске были весьма ограничены, осведомлённая научная «публика» терпеть его не могла, но Андрею, сыну крупного учёного, никак нельзя без диссертации. Казалось бы, что плохого в профессиональных династиях, но в учёном мире эта практика порочна в принципе (не случайно, именно в интеллектуальной среде популярна поговорка «на детях природа отдыхает»), по пальцам можно пересчитать отпрысков крупных учёных, достигших или превзошедших отца в научной сфере.

В 1960 г. Борис Владимирович ради карьеры сына (+ обещания, связанные с республиканской академией наук) переезжает в Киргизский университет. Андрей оформлен ассистентом, будучи руководителем группы студентов на сельхозработах, соблазнил первокурсницу Мукараму. Её родственники подняли скандал, старшие братья обещали убить Андрея. Он бежит с Мукарамой в Казань к знаменитому академику Камаю (ученик Бориса Владимировича). После серии переговоров в Казани и Томске, Борис Владимирович вернулся в Томск заведовать кафедрой органической химии ТГУ.

И вот эпопея с переездом в Барнаул. Хорошо видно, Борис Владимирович не желает уезжать из Томска. Андрей же долго и обстоятельно выяснял моё мнение относительно руководства АПИ и действующих фигурах ХТФ. Естественно, я был очень заинтересован в переезде профессора. Несколько дней поработал в университетской библиотеке, побродил по родной кафедре и факультету. Все, с кем удалось пообщаться, отрицали возможность уезда Тронова. Не дождавшись письменного ответа ректору АПИ, уехал с обещанием Андрея подготовить письмо в ближайшее время. Вернулся в Барнаул уверенный, что Тронов вот-вот переедет, своё мнение изложил ректору, но прошло ещё несколько месяцев ожидания. Мне достоверно неизвестно, кого в Томске шантажировал Андрей уездом профессора, добиваясь особых льгот лично для себя, но сам факт не вызывает сомнения. Переезд состоялся весной 1965 г., помогал разгружать

контейнера, запомнил тяжесть старинного рояля, по крышке которого любил бегать внук Алишер.

Жизнь била ключом и до приезда Тронова. Появился друг, которого я считаю лучшим в моей жизни. Взаимное интеллектуальное и эмоциональное воздействия поразительны. Аникеев Валентин Семёнович (02.04.1940 г. — 21.02.1992 г.). Физик-теоретик из Москвы после окончания МГУ и химик-практик из Томска фактически одновременно в 1964 г. прибыли в молодой Алтайский политехнический институт. Образовалась удивительная пара, которая часами могла обсуждать любые проблемы: от научных до спортивных, от политических до рыбацких и охотничьих… Наш специфический жаргон поражал окружающих и студентов, привлекая внимания к сути излагаемого предмета. Прошло более 40 лет, остатки «разговорных изысков» научной молодости удивляют даже мою нынешнюю жену Тамару.

На институтской кафедре физики Валентин на голову выше всех профессионально, но до заведования его не допускали. Внешний вид: никакой спортивности, небольшая голова, лысоват, нос чуть-чуть крючком, очки в позолоченной оправе. Заметен интеллект, естественно, тому, у кого есть что-то в собственной «коробке». Я не случайно упомянул форму носа. Читатель может подумать, что намекаю на еврейское происхождение Валентина, отнюдь, и если доля соответствующей крови присутствовала, то не от родителей, а от прошлых поколений (мне приходилось в Москве бывать в квартире родной тётки Валентина, типичной русачки). Одно из любимых развлечений — игра в карты «под интерес», а в качестве «интереса» выступал нос (денег на забаву не было). Нередко мне приходилось бить, у Валентина где-то к десятому удару постоянно на кончике носа выступала капля крови. Вынуждены были «жестокие» стимулы отменить. А играли мы с ним преимущественно в «дурака» вдвоём, очень даже интеллектуальная игра, в сериях из 10, 20 партий случайный выигрыш практически исключён. Публика со стороны не могла понять, почему два «умника» занимаются ерундой. Впрочем, не так давно узнал, что «дурак вдвоём» — распространённое развлечение крупнейших шахматистов, в частности Анатолий Карпов даже участвует в чемпионатах по этому виду карточных игр.

Мы общались с Валентином практически ежедневно и не по одному разу весь период моей жизни в Барнауле. Рядом жили всего 4 года, но затем много раз встречались на Всесоюзных конференциях в Риге, Каунасе, сразу и не вспомнишь, где. Валентин находил общий язык с моими жёнами Ниной и Надей,

неоднократно бывал у нас в Томске.

Мы с ним были отличной научной парой, но в разговорчивости — антиподы. Валентин любил поговорить (только в подпитии я его перебарывал), брался объяснять любую проблему сразу, а я его своим скепсисом придерживал. Вспоминая наши взаимоотношения, так и видишь картину Перова «Охотники на привале», где Валентин увлечённый рассказчик, а я чешу затылок. Не помню случая взаимных обид. Совместно опубликовали более десятка научных статей, которые стали частью моей диссертации.

Валентин активно сотрудничал и с другими химиками, имел внушительный перечень совместных научных работ. Свою диссертацию Валентин защищал лет через пять после меня, автореферат состоял из нескольких страниц с малопонятным текстом и списком работ из десятка наименований без соавторов. В своём отзыве в Учёный Совет по защите я отметил важную роль Аникеева в совместной деятельности с химиками. Ясная голова физика-теоретика нередко подсказывала химикам правильное направление исследований (бывали и ошибочные предсказания, но это наука!). В учёном мире Томска я, мотаясь по делам своей диссертации, сделал Аникееву большую рекламу. Томск в научном плане, конечно, не Москва, но и не Барнаул. Через некоторое время Аникеев зачастил в Томск, в 80-е много раз останавливался в моей квартире (типичная картина — я, жаворонок, уже сплю, а Валентин с Надей на кухне часами курят и беседуют «за жизнь»). В конце 70-х, начале 80-х поддерживал Аникеева финансово, несколько лет оплачивал из средств ТНХК его хоздоговорную работу. Работники ВУЗов знают, каких трудов стоило выбить на промышленном предприятии хоздоговор.

Валентин не был сексуально озабочен, но женщины к нему липли. Неожиданно, в 2006 г. через Самиздат WWW.lib.ru на меня вышла внебрачная дочь Валентина от сотрудницы родной кафедры Томского университета. Никогда не слышал о её существовании, но фото внука Василия, удивительное внешнее сходство отбросили сомнения.

Женился Валентин на скромной студентке-умнице Лиде Ситниковой. Те упомянутые хоздоговора ТНХК должны были стать экспериментальной основой диссертации Лиды. Валентин настоял, чтобы Лида прекратила заниматься наукой (имела диплом с отличием, подавала блестящие надежды) и занялась детьми. Когда Валентин неожиданно умер, Лида осталась с сыном-студентом МГУ (Павел), двумя близнецами-девятиклассниками (Таня, Илюша) и, практически, без средств к существованию. Что такое преподаватель вуза без учёной

степени? Зарплата чуть выше, чем у дворника.

Последний раз я видел Валентина в марте 1991 г., он специально приехал поздравить меня с 50-летием, подарил картину-пейзаж тех мест Горного Алтая, где мы в 60-е вместе бродили. На банкете Валентин сказал прочувственный тост в мой адрес. Естественно, мы с Надей годом раньше были и на его юбилее.

Валентин Аникеев умер в Барнауле, не дожив до 52 лет, что-то с сердцем, не успели довезти до больницы. Позвонил сын Илюша в этот же вечер. Шок, появилось ощущение, вот-вот умру. Надо ехать, но сказал Наде, что я там или по дороге умру. Ограничился посылкой денег, а время было такое, что переводы больше 500 рублей не принимали, отправлял с трёх точек. Хоронили Валентина 23 февраля 1992 г.

Сколько вёдер, бочек сухого вина мы с Валентином выпили, обсуждая научные, да и не только, проблемы. Ещё неженатым он любил возиться с Эльвирой и Игорем, а потом у него стало трое детей, я этого вытерпеть не мог, появилась Юлия (шучу, конечно). Грех ранжировать смерть друзей и близких, но уход Валентина оказал на меня самое сильное воздействие за прожитую к тому времени жизнь. Светлая ему память!

Продолжу тему барнаульских друзей. Вокруг нас с Аникеевым постоянно крутилась группа приятелей человек в 5–6, причём преимущественно это были друзья Валентина, вследствие его значительно большей коммуникабельности. Супруги Корнейчуки, физики Афанасьев и Кондратенко, технолог Витя Мироненко — список можно продолжать, хотя многие фамилии забыл. Особо следует сказать о Вите Левине.

Витя Левин, крупный парень, существенно превосходящий меня габаритами, окончил Томский политехнический институт на год раньше, но мы вместе поступали в 1963 г. в аспирантуру к Тронову. Витя не стал переезжать в Барнаул, а решил делать диссертацию в Томске. Приезжая в Томск в командировку, спал с ним на одной койке в аспирантском общежитии на Ленина 49. В свою очередь и Витя, появляясь в Барнауле, останавливался у нас в комнате. Дуэт превращался в изумительное трио «умников» (+ Аникеев), которое в состоянии было «забить» интеллектом любую барнаульскую кампанию, а может и не только барнаульскую.

Запомнилась поездка на охоту 8-10.05.65 г. с Аникеевым и Левиным. Пострелять, постреляли, но ничего не убили. Промокли до нитки, спас от болезни только НЗ спирта. «Для полного счастья» уже в общежитии обнаружил впившегося клеща. В Томске борьба с клещевым энцефалитом разворачивалась активно, по крайней мере, на словах. А как в Барнауле? На всякий

случай куда-то позвонил и мне ответили, что в окрестностях краевого центра не зафиксированы укусы заражённым клещом. На этом успокоился. Вдруг через 3 недели (примерный срок инкубации клещевого энцефалита) резко подскочила температура с сильной головной болью. Валентин с Витей перепугались (Нина с Эльвирой была в Бийске), вызвали скорую помощь. Что-то прописали… Обошлось. Это был первый из 4-х зафиксированных укусов клещём, но последующие сопровождались в Томске уколом? — глобулина. Как-то бог проносит мимо энцефалита, а сколько знакомых пострадало.

Удивляли две особенности в характере Левина. В нашей компании много травили анекдотов, вдруг обнаружилась негативная реакция на еврейские анекдоты, оказалось, Витя «болен» превосходством еврейской нации, а я (немец) даже не задумывался, что он еврей. Второе внешне повышенная сексуальная озабоченность. Похоже, эти причины стали основными нелепого конца жизни чуть за 30 лет, когда уже после защиты диссертации, работая в Новосибирске, разошёлся с женой, оставил ей квартиру, доцентом жил в общежитии с какой-то медсестрой. Застрелился из охотничьего ружья, стрелял в сердце, скорая помощь застала ещё живого, повторявшего: как я мог промахнуться. Что дало конечный толчок к самоубийству, не знаю и спросить не у кого. Да и зачем? А талантливый был химик. Очень! Много лет у меня за спиной над рабочим креслом висит фотография размером А-4, в середине 60-х украшавшая выставку народного хозяйства Алтайского края под названием «Профессор Тронов консультирует аспирантов». На ней мы с Витей Левиным с умным видом внимаем позирующему Борису Владимировичу, водящему ручкой по какой-то ведомости.

Среди молодёжи, «крутившейся» вокруг Тронова, была и женщина (координаты опущу). Работая на кафедре органической химии ТГУ старшим лаборантом, закончила вечерний факультет с отличием. Поступила в аспирантуру к Тронову (в Барнауле) под непосредственное руководство Андрея. Смышлёная женщина, наработала огромный экспериментальный материал, но так и не защитила диссертацию. После смерти Бориса Владимировича только очень самостоятельные сотрудники смогли продвинуться. И особенно в сложном положении оказались химики, связанные научной работой с Андреем. С ней же связан очень неприятный для окружения Бориса Владимировича инцидент. Украла в гардеробе АПИ красивую меховую шапку и начала её носить. Аспирантка опознана хозяйкой, также сотрудницей АПИ. Аспирантка срочно улетает в Томск к родителям, заходит на родную кафедру, берёт и выпивает 100 г метанола. К счастью,

нервы не выдержали, в клинике Савиных успели её откачать. Дефекты зрения остались навсегда. Друзья сделали вид, что ничего не знают, некоторое время присматривали за ней. До сих пор не пойму историю с шапкой, женщина-то неглупая. Кратковременный психоз? Аспирантская бедность? Способ одинокой женщины привлечь внимание мужчин?

Алтайский политехнический институт преподал несколько наглядных и воспитательных уроков на тему такого позорного явления, как взятки в ВУЗе, о них все наслышаны, но до суда конкретные дела доходят редко. Ноябрь 1964 г. В химическом корпусе АПИ несколько дней проходит открытый суд над преподавателем сопромата. Этот деятель лет 35–40 собирал с заочников через старосту с каждого студента энную сумму с гарантией положительной оценки, а заочнику больше тройки и не надо. Сдавали, боюсь соврать, по 20 рублей, в общем-то, мизерная сумма и по тем временам. Хотя как посмотреть, 2–3 месячных *преподавательских* оклада с группы за один экзамен немало по ощущениям аспиранта со стипендией в 78 рублей. С интересом слушал свидетелей — заочников. История вылезла на поверхность только потому, что преподавателю показалось мало денег, он потребовал от одной или двух заочниц ещё интимных услуг. Несмотря на то, что этот образованный подонок от всего отказывался, у меня, молодого аспиранта, широко открылись глаза на проблему. Очевидно, что он брал и раньше, ещё более очевидно, что заочники с радостью и *добровольно* сдавали деньги. Кстати, слава о «берущих» экзаменаторах в среде заочников передаётся как эстафета из поколения в поколение. Прискорбно, но заочники сами ищут взяточников среди преподавателей, более того, создают новых, решая главную проблему — любым способом (знание предмета — задача вторичная) перейти очередной экзаменационный рубеж.

Другое дело *добровольно-принудительное* изнасилование. В принципе интимные связи преподавателей со студентками имеют длительную историю, студентки частенько влюбляются в умных преподавателей, знаю факты, когда девчонки 3-го курса через балкон на третьем этаже лазили к страшненькому речистому философу, но интим в качестве взятки — очередное откровение, скорее прозрение. Начал присматриваться. Прошло несколько месяцев и уже непосредственно на химико-технологическом факультете АПИ скандал. Заведующего кафедрой физической и коллоидной химии внешне плюгавенького Мешкова застукали в служебном кабинете прямо во время полового акта с заочницей на письменном столе. Выяснилось, Мешков регулярно прелюбодействовал с заочницами, в этот раз его сознательно

подловили сотрудницы кафедры, выбив запертую дверь. Прошло более сорока лет, а шок от мерзкого поведения опытного доцента, мгновенно уволенного *по собственному желанию* (ректорат пытался избежать огласки) и исчезнувшего из Барнаула, забыть невозможно, тем более что и жена его работала на ХТФ.

Крайне неприятное событие — контакт с чекистом в Барнауле, вскоре после переезда (в конце 5-го курса надеялся, что распрощался с «товарищами» навсегда). Неожиданно вызван в отдел кадров, начальник заводит в безлюдную комнату и исчезает, появляется подчёркнуто аккуратный мужик, закрывает дверь на ключ, показывает документ (майор КГБ) и начинается «знакомая песня». Попытался сразу прекратить вербовку, но фактор «тёти в Канаде» не сработал. Скорей, наоборот. Давление методично шло по национальному признаку. В 60-х в Москве прорабатывался вопрос создания в Алтайском крае национального образования российских немцев (шли слухи о создании республики), соответственно ожидались массированные наезды «любопытных» иностранцев и управлению КГБ в Барнауле понадобились свои люди немецкой национальности. Обещали командировки в Германию. В конце концов, согласие к сотрудничеству с КГБ дал, но с условием работы *только* с иностранцами. Откровенно говоря, внутренне я очень боялся последователей железного Феликса.

Началось обучение. Полная секретность. Присвоена агентурная кличка — фамилия одной из моих сокурсниц. Никаких контактов с КГБ в институте. Периодичность двухчасовых встреч — 1–2 раза в неделю, позже 1 раз в 2 недели. Конспиративные явки (как в кино!) в служебных гостиницах, иногда в обычных квартирах, но без хозяев в доме. Отрабатывались: составление «легенд», способы обнаружения слежки, формы отчётов («Источнику стало известно…»). Приносили для моего самообразования дефицитные в то время детективы на документальной основе, запомнил «Операция Цицерон», «Конец Цицерона».

На очередной встрече вместе с обучавшим меня майором появился очень крупный чин. Разговор — знакомство. Опять обусловил своё сотрудничество с КГБ работой только с иностранцами. В ответ прозвучали мягкие рассуждения на тему необходимости извещать КГБ об антисоветских высказываниях на праздничных демонстрациях, в коллективе. Почувствовал, «влип» окончательно.

Разработал тактику мелкого саботажа (никакой инициативы, антисоветских высказываний не слышал, очень занят на работе). Принципиально порочная тактика может затянуть в большие

неприятности, но другого выхода я не видел. Резко отказаться от контактов с КГБ нельзя без неприятных последствий. Пакость можно ожидать в любую минуту, причём и не поймёшь, откуда ветер дует. Напомню, в описываемый период я аспирант со стипендией 78 рублей, двое маленьких детей, комната в общежитии. Сложная, конфликтная ситуация во взаимоотношениях с сыном научного руководителя, когда всячески препятствовали выходу с диссертацией на защиту. Не знаю, влияли ли «органы», и каким образом на решение ректора отпустить первого аспиранта института, в срок защитившего диссертацию, в Тюмень, но при уезде предупреждали о наведении контактов с местным КГБ («если к Вам обратятся»). Слава богу, за 9 лет работы в Тюменском индустриальном институте, КГБ ни разу не пытался привлечь меня к сотрудничеству. Состоялось несколько открытых встреч с чекистами, когда они совместно с ОБХСС разбирались с финансовыми махинациями в ТИИ.

Теперь о более приятном. Следом за Окуджавой на песенно-гитарном горизонте всходила звезда Владимира Высоцкого. Впервые услышал фамилию, когда Валентин Аникеев привёз из Москвы магнитную катушку с записью концерта Высоцкого в актовом зале физфака МГУ. С большим трудом где-то раздобыли огромный магнитофон (1964 год!), притащили в общежитие и несколько раз прослушали. Впечатление произвело, хотя запись любительская, много постороннего шума, к тому же магнитная лента скрипела от «переработки». Однако восторженный приём зала передавался и нам. Высоцкий приобрёл всенародную популярность (сначала интеллигенция, космонавты, молодые офицеры, затем остальные), хотя власти чинили препятствия его концертам, видели крамолу в его песнях. В 70-е я встретил только маленькую пластинку с 4 песнями, одну из которых играли даже в детских садах: «Если Вы в своей квартире…». Думаю, не в песнях они видели крамолу, а в независимом поведении Высоцкого. Ведь травили Высоцкого не только партийные функционеры, но и известные деятели культуры, не желавшие принимать манеру исполнения хриплым горлом и признавать, что являются свидетелями прорыва в некую новую эстетику.

В описываемый период немало пили. Предпочитали пиво (трудно было достать) и сухое вино. Именно в первое барнаульское лето я установил личный рекорд потребления пива, в речном порту мы втроём за вечер выпили три ящика пива, т. е. в среднем по 10 литров на нос. Жуткое опьянение, с трудом добрался до общежития, урок на всю жизнь.

Из сухого вина предпочитали «Димиат» по 1 руб. 25 коп., «Мискет» и «Гамзу» по 1.45 (водка стоила 3.12). В 1964 г. Барнаул

забили болгарским вином десятков наименований, большинство предпочитали креплённые «Варну» и «Биссер». Любил сухое вино и Борис Владимирович. Много раз мы с Аникеевым (+ 2–3 человека) приходили в квартиру Тронова с подаренным родителями гигантским портфелем (а он вмещал до 18 бутылок вина). Мукарама готовила отличный плов. Андрей следил за отцом и пытался отправить его спать, но не тут-то было.

Борис Владимирович в подпитии разговорчивый, вспоминал любопытные детали научного бытия. И о привлечении в 20-х 30-х годах в университет абсолютно безграмотных, но политически правильно ориентированных абитуриентов; об арестах профессоров с неожиданным возвратом отдельных учёных (профессор-химик Кулёв, колчаковский офицер)… В то же время в публичных лекциях Борис Владимирович часто поминал мракобесов науки, традиционно «вытирая ноги» о дважды нобелевского лауреата Лайнуса Полинга и его теории резонанса (штамп советской пропаганды в течение 30–40 лет). Книги Бориса Владимировича начинались дифирамбами в адрес партии Ленина-Сталина. Любил Тронов поговорить и писать о взаимоотношениях химии и философии (как-то неловко даже вспоминать эти факты). По-видимому, это защитная реакция крупного периферийного учёного, выработанная коммунистическим режимом.

Так уж в моей жизни получилось, что с последних курсов университета до пенсионного возраста немало пьянствовали, но у читателя не должно сложится ощущение, что автор — законченный алкоголик. Поясню употребляемую терминологию. Одни и те же слова, касающиеся потребления спиртных напитков, не однозначно понимаются (и применяются) разными группами пьющих. Люди, уверенные в себе, чаще интеллектуально развитые, не стесняясь, вслух говорят — «собрались на пьянку», «пропьянствовали вечер», «пойдём выпьем водки», «хочу выпить водки» и т. д. Люди, действительно подверженные пьянству в понимании словаря русского языка Ожегова (постоянное и неумеренное потребление спиртных напитков), или опасающиеся чужого негативного восприятия, никогда по отношению к себе таких фраз и выражений не произносят. Здесь наиболее употребляемые выражения: «хорошо посидели», «неплохо отдохнули», «по грамульке приняли» и т. п. Запомнилась с тех времён популярная в компаниях молодёжи частушка: «На столе стоит стакан, рядом четвертиночка, мой милёнок — цзаофань, а я — хунвэйбиночка!» Удивительно, но молодое поколение россиян в массе своей не имеет представления о «культурной» революции в Китае в 60-х годах.

1966 г. Барнаул. Юбиляр (75 лет) Борис Владимирович Тронов с аспирантами, в центре Витя Левин.

Всё описанное выше является неким фоном к основной деятельности, экспериментальному изучению комплексов галогеннафталинов с нитросоединениями, нудной работе с утра до вечера с ощущением, что финишная прямая находится непонятно где за горизонтом. Год интенсивной работы в Барнауле показал бесперспективность и второй темы, предложенной Троновым в связи с отсутствием достаточно чистых монозамещённых нафталинов. Не буду утруждать читателя специальной терминологией, скажу только, что изучались тонкие эффекты межмолекулярного взаимодействия (комплексы с переносом заряда) методами спектрофотометрии. Решил поставить крест на нафталинах, ещё раз обратился к Тронову с просьбой поменять объекты исследования. Тронов согласился с условием, что уже наработанные в Барнауле результаты будут оформлены мной в виде статьи. Так, в 1966 г. в Журнале общей химии АН СССР появилась моя первая статья (в соавторстве с Б.В. Троновым).

Я уже описал выше недоразумение, возникшее во взаимоотношениях с Борисом Владимировичем при подготовке данной статьи. Урок профессора не пошёл впрок. Алфавитному принципу расстановки соавторов я следовал во всех последующих

работах, написанных моей рукой, чем удивлял столичных научных «бонз», особенно когда первыми авторами оказывались неизвестные научной публике студенты или аспиранты. Вообще говоря, вопрос соавторства в научной работе чрезвычайно деликатен и расстановка соавторов в соответствии с фактическим вкладом (наиболее справедливая!) чревата несравненно более конфликтными ситуациями, чем в принятой мной алфавитной системе. Химик-экспериментатор в наше время, практически, не может работать один, без помощников. Как правило, хорошо работает коллектив, численность определяется объёмом поставленных задач, в котором чётко просматривается внутренняя (негласная) структура: голова, руки, жопа. Кто-то должен уметь всё основательно продумать, кто-то хорошо отработать экспериментальные методики, а кто-то (большинство) своей усидчивостью должен обеспечить надёжность экспериментальных результатов. Я никогда не стеснялся включать в число соавторов исполнителей низшего звена, скажем студентов 2-го курса. Никогда не принимал и не принимаю распространённый подход авторов, особенно характерный для медиков-экспериментаторов, которые выпускают статью под своей фамилией. В конце текста мелким шрифтом выражают благодарность Иванову за подготовку литературных данных, Петрову за проведение экспериментальных работ, Сидорову за помощь в статистической обработке результатов, Фёдорову за плодотворные консультации и т. п.

Итак, научным руководителем сформулирована 3-я тема: изучение комплексов галогенанилинов с нитросоединениями. Прошло 2/3 срока аспирантуры, а до диссертации, «как до луны». Выполнена литературная проработка темы, сданы кандидатские экзамены, приобретён приличный экспериментальный опыт, т. е. наработан стартовый капитал, не более того. Пришлось взять тайм-аут, академический отпуск (01.10.65–05.11.66), поучить студентов и разобраться с новым направлением диссертационной работы.

Ассистент

В августе 1965 г. перед переходом в ассистенты впервые подрабатывал на вступительных экзаменах (почасовая оплата). Мероприятие оказалось чрезвычайно мировоззренчески полезным для всей последующей профессиональной жизни. Денег больших не заработал, однако существенно расширил кругозор, наивность в сфере набора студентов в институт резко уменьшилась.

Хрущева уже нет во власти, но решения знаменитого пленума ЦК КПСС о химизации народного хозяйства продолжали раскручиваться. Вступительный экзамен по химии стал обязательным при поступлении на все технические специальности наравне с математикой и физикой. Потребовались дополнительные экзаменаторы.

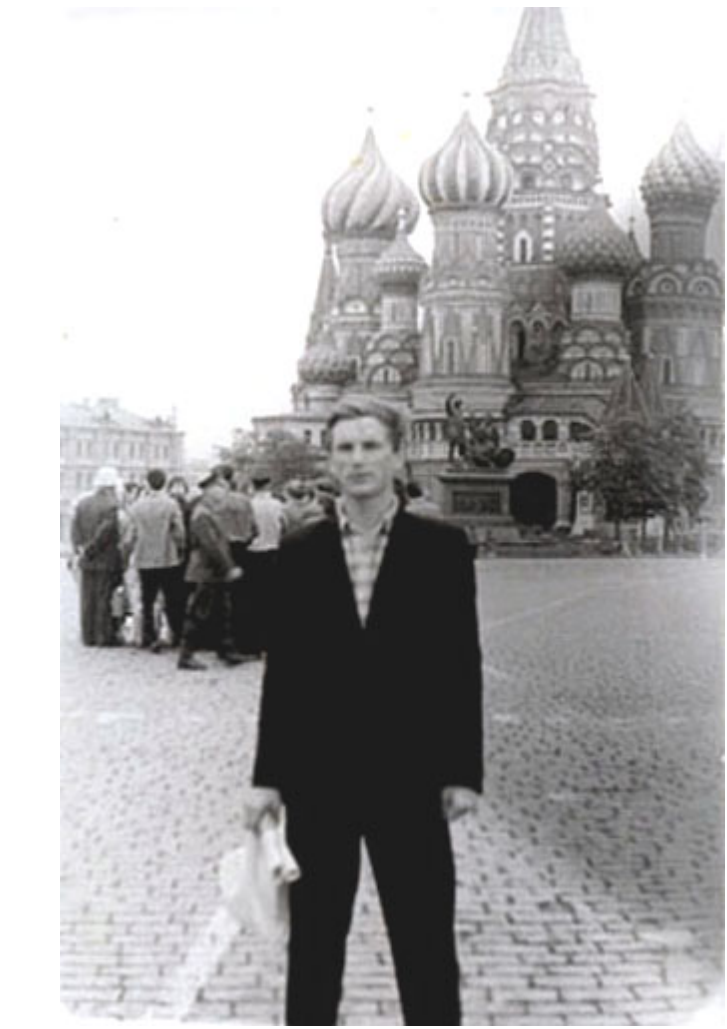
Оказалось, в круг экзаменаторов попасть трудно, случайных людей здесь нет. Как я среди них оказался? Кто инициатор? Похоже, ректор АПИ В.Г.Радченко, весьма доброжелательно ко мне относившийся, так как на следующее лето меня «повысили» до ответственного секретаря факультетской приёмной комиссии (одна из самых *потенциально* взяткоёмких должностей в период вступительных экзаменов).

Итак, Барнаул, АПИ, 1965–1966 гг. Что поразило? На экзаменах встречались абитуриенты, не способные не то что на вопросы билета отвечать, но даже написать формулу серной или соляной кислоты. Причём из тех, кому я не должен был поставить двойку. Где они учились? Как они дошли до вступительных экзаменов?

К внешним строгостям не подкопаешься, каждая пара экзаменаторов узнаёт о группе, аудитории и получает ведомости за 5 минут до начала экзаменов. А дальше?

Ежедневно, со ссылкой на ответственного секретаря приёмной комиссии института, экзаменаторам спускаются списки фамилий, которым нельзя ставить «неуд», некая страховка от немедленного возврата документов из приёмной комиссии, причём это просто клочки бумажек с конкретными фамилиями (и всё). Юридически не документ, никто лично тебе ничего не приказывает, используются выражения типа «посмотрите внимательней», ответственность перекладывается на экзаменатора, а тройку всегда легко оправдать. Кто или что за этими фамилиями стоит никого не должно волновать, однако, слава богу, здесь не требуют, хотя и желательно, отметки выше тройки. Как-то, *случайно* я выгнал одного «списочного», шум

поднялся, устроили переэкзаменовку и тройку ему поставили. А мне на вид! Невозможно представить, что абитуриент, сдающий примитивнейший (для специальностей не химического профиля) экзамен по химии с такой страховкой, способен самостоятельно лучше сдать физику, математику или грамотно написать сочинение. Кстати, литераторы вызывали сочувствие, им приходилось *правильно* обрабатывать сочинения, чтобы тройка выглядела естественной (материалы письменных экзаменов подлежали длительному хранению и изредка контролировались). Устный экзамен проще, закрыл глаза на тупость или элементарную неподготовленность сдающего, задал для формы несколько дополнительных вопросов, поставил требуемую оценку и «до свидания». До встречи в студенческой аудитории…



Май 1966 г. Москва. Командировка за реактивами и в

библиотеку МГУ.

Кроме списков-страховок сверху тьма обращений от коллег-экзаменаторов, здесь уже речь идёт о повышенных оценках, чтобы избежать проблем с конкурсом при зачислении. Отказать практически невозможно, зато и твоей просьбе коллеги пойдут навстречу. Для меня первоначально всё выглядело дико, но вынужден был придерживаться общих правил, причём совершенно бескорыстно. Только где-то на десятый день приёмных экзаменов понял, мой напарник, многолетний экзаменатор, раза в два старше меня по возрасту, взяточник, берёт деньги, причём не малые. Впервые осознал это, когда увидел, как его после экзаменов встречают на легковом автомобиле (40 лет назад автомобиль в Барнауле считался не средством передвижения, а предметом роскоши и отнюдь не по карману ассистенту без учёной степени). Действовал напарник (не могу вспомнить фамилию) осторожно, всех своих блатных абитуриентов усаживал на экзамен ко мне, естественно, оговорив повышенную оценку. Небольшое пояснение. Для пущей объективности оценки знаний абитуриента всегда присутствуют два экзаменатора, они должны вместе слушать ответы на вопросы. Фактически, каждый экзаменатор берёт себе отдельного абитуриента, разбирается с ним, а коллега просто расписывается в ведомости и экзаменационной карточке.

Особая статья — поступающие «великие» спортсмены, здесь списки и просьбы многократно дублируются. Завкафедрой физкультуры лично торчит у дверей, без конца заглядывает. Такие спортсмены и «учатся» без проблем, кто-то с кафедры физкультуры во время сессии ходит по преподавателям с зачётной книжкой студента, спортивными достижениями прославляющих ВУЗ. Здесь и футболисты, и мотогонщики, и шахматисты (удивительно наблюдать мастера спорта по шахматам, совершенно беспомощного в химии во время учёбы). Типичная практика советского времени. Почему-то приходит на ум любимый народом президент России Путин. Примерно в описываемые годы, школьник со средним аттестатом зрелости, спортсмен высокого разряда по дзюдо, потенциальный мастер спорта, поступал на юридический факультет Ленинградского университета при конкурсе 40 человек на одно место. На экране ТВ появляются люди, убеждающие, что он поступал на равных и дзюдо ни при чём. Ох-хо-хо…

Со стороны система вступительных экзаменов выглядит пристойной, приёмная и экзаменационная комиссии формально независимы, все задействованные персонажи с серьёзными

лицами рассуждают о важности объективности в оценке знаний абитуриентов. Под это словоблудие уже в 1966 г. в АПИ экзамены по математике сдавали на машинах, якобы с целью уменьшения роли субъективизма конкретных экзаменаторов. Мгновенно выяснилось, что при тестовой системе проверки знаний в наших условиях объективность ещё больший мыльный пузырь, любую оценку здесь не сложнее организовать, чем при устном экзамене.

Конкретный пример. Летом 1966 г. приехал из Целиноградской области Казахстана поступать в АПИ мой кузен Слава Полле. Аттестат зрелости хороший, большинство отличных оценок. Отправил его на тренировки по сдаче математики на машинах, вроде бы всё очень хорошо. Считал, поступит сам. 1 августа прихожу усталый с работы, Слава лежит на кровати, уставившись в потолок. Сколько? Завалил! Как? Почему сразу не сообщил? Хватаю за руку, бегом в институт, экзаменационные ведомости уже закрыты, перекидываю документы на *вечернее* отделение, отдаю под опеку знакомому математику… Дальше дело техники, ситуацию не выпускал из-под контроля до окончательного зачисления на *дневное* отделение.

В ходе приёмных экзаменов ректор АПИ неоднократно проводил совещания с экзаменаторами и давал разгон тем, кто много двоек ставит. А из кого мы будем выбирать студентов?

Одновременно в Алтайском мединституте подход был другой. Следует напомнить, что престиж медицинского образования в то время (да, пожалуй, и сейчас, за редкими исключениями) существенно превосходил технические дисциплины, конкурс и *уровень* поступающих в мединститут абитуриентов гораздо выше. Мои друзья, физики АПИ, Валентин Аникеев и Витя Маркин получали возможность хорошо зарабатывать, выполняя задание тамошнего ректора: берёте в день две группы по 40 человек, резвитесь, как хотите, но к вечеру должна остаться одна группа, т. е. половина абитуриентов должна получить двойки. И здесь списочки сверху, только дополнительно указывалось, кому нельзя ставить положительную оценку (не любили в мединституте приезжих из-за пределов Алтайского края). В 1966 г. приехала поступать в мединститут сестра Вельда. Аттестат зрелости весьма и весьма приличный. С подстраховкой друзей она получила отличные оценки по физике и химии, написала сочинение (требовалась только положительная оценка). Мы уже начали отмечать её поступление, вдруг Витя Маркин решил сбегать уточнить, как там проверяют сочинения. И вовремя. Оказалось, сочинение Вельды было закодировано шифром, указывающим проверяющим литераторам на необходимость двойки. Перешифровали, Вельда успешно

окончила Алтайский мединститут.

Несколько слов о вступительных экзаменах по литературе. В год моего поступления в ВУЗах не было деления на профильные и непрофильные экзамены. Сочинение по литературе считалось трудным экзаменом, но его результат суммировался с оценками по математике, физике, химии, иностранному языку. Полвека позади, но я до сих пор горжусь, что сумел получить отличную оценку по литературе при поступлении в университет. Прошло совсем немного времени и литературу перевели в статус формально обязательного предмета, но по схеме зачёт-незачёт (им гораздо легче манипулировать экзаменационной комиссии). К чему привело *преступление* чиновников от образования, а скорей более высокого уровня? К массовой безграмотности выпускников технических ВУЗов! В этом лично убедился за двадцать лет работы на Томском нефтехимическом комбинате, сотни ИТР, даже высоко поднявшиеся по служебной лестнице не в состоянии грамотно изложить мысли на бумаге. Принято рассуждать, что сочинение затрудняло поступление в институт абитуриентам с физико-математическими наклонностями. Однако математических вундеркиндов мало, и они легко выявляется через олимпиады. В среднем же, человек, с детства не наученный грамотно писать, формулировать и излагать собственные мысли, слабо воспринимает новые знания и в других сферах. Спорно? Возможно, но убеждение сформировалось за многие годы преподавательской, научной, производственной деятельности.

Из барнаульского периода жизни запомнилась история с поступлением на учёбу офицеров с Семипалатинского атомного полигона. Офицеры приезжали группами, командование части разрешало каждому офицеру сделать одну попытку поступления, существовала соответствующая очередь. Зачисление на заочную учёбу было единственной потенциальной возможностью в будущем сбежать с полигона (надо представлять полупустынные окрестности Семипалатинска, а полигон в нескольких сотнях километров). Офицеры пытались любым способом использовать предоставленный шанс. Разве можно забыть, как завалились семь лейтенантов и старших лейтенантов в нашу семейную комнату в студенческом общежитии с коньяком и закусками, просили Аникеева, меня, Романчукову (из группы аспирантов профессора Тронова) помочь с пересдачей уже заваленных вступительных экзаменов (им, офицерам, для зачисления достаточно было сдать все экзамены удовлетворительно). До сих пор вспоминаю собственный стыд при виде унижающихся офицеров. С другой стороны, где и как эти молодые ребята учились азам физики,

химии и математики, что не смогли «удовлетворить» экзаменаторов даже демонстрируя форму офицера. Конечно, мы им помогли без денег, все были зачислены. Не знаю дальнейшей судьбы их учёбы, так как вскоре переехал в Тюмень, но одного старлея незамужняя Романчукова взяла мёртвой хваткой, а это гарантия прохождения по экзаменационным препонам для любого заочника.

Последняя стадия работы приёмной комиссии — зачисление. Возможности манёвров для взяточников, в отличие от экзаменационной сессии, значительно сужены. Объявляется проходной балл, выбор делается между теми, кто немного недобрал. Существуют взяткоёмкие варианты переброски абитуриентов со специальности на специальность, однако рядовому члену комиссии влиять на зачисление конкретного абитуриента сложно, легко засветиться, так как решения принимают декан и ректор. Кто и как на их мнение влияет, покрыто мраком, но, несомненно, они находятся под мощным давлением. Принимая решение, ректор далеко не всегда считает целесообразным аргументировать своё поведение.

Запомнился случай. Я — ответственный секретарь приёмной комиссии химико-технологического факультета по графику принёс в кабинет ректора папки с документами на зачисление. Одной из первых ему попадает на глаза папка абитуриента с серебряной медалью, хорошо сдавшего экзамены, грузина по национальности. Ректор резко швыряет папку: у них всё куплено. Мои попытки что-то пояснить оборваны на корню. Помню удручённые неглупые глаза приехавшего издалека абитуриента. Я ничего объяснить ему не мог, кроме того, что не прошёл по конкурсу. Я не знаю, помогал кто-либо этому мальчику поступать, но знаю, что в Сибирь приезжали учиться дети жителей Грузии, у которых не хватало денег для поступления в местный ВУЗ.

Перебираю в памяти свою работу в приёмных комиссиях АПИ и (через 5 лет) Тюменского индустриального института и думаю: господи, а сдаёт ли кто-нибудь вступительные экзамены самостоятельно, без протекции или взяток?

С другой стороны, не у тебя же одного есть родственники, которым надо помогать. Помимо упомянутых сестры и двоюродного брата устроил в АПИ кузин Эльзу и Эльфриду, несколько человек в ТИИ. В очередной раз поражался, приезжают из Абхазии троюродная сестра и её подружка с очень хорошими аттестатами зрелости, а знания полностью отсутствуют. Но у меня моральные обязательства перед тётей Фридой (двоюродная сестра папы) и дядей Артуром. Дошло до того, что вступительный письменный экзамен по математике они переписывали у меня в

лаборатории. Года полтора мучений в институте и хорошая девушка Рената вернулась в Абхазию рожать детей, лет 20 назад их было трое, сейчас не знаю.

Говоря о моральных обязательствах перед родственниками должен пояснить, что оказался единственным, реально поднявшимся в советской действительности, и старшим из поколения, следующего за родителями, успевшими получить высшее образование в 1940 г. В Советском Союзе *интеллектуально* загублено два поколения русских немцев. Тёти и дяди, родные и двоюродные (жизни их переломали 30-е годы, война, лишение гражданских прав, включая свободу передвижения до 1957 г.), с большой доброжелательностью относились ко мне, желали своим детям лучшую долю, надеялись на мою помощь. Разве можно забыть, как в 1972 г. не успевший получить нормальное образование дядя Артур, потерявший лёгкое в трудармии на шахтах уральского Копейска, созывает соседей абхазов в деревне Лыхны и с гордостью показывает племянника, кандидата наук из Сибири. И не попытаться оказать посильную помощь. О трудной судьбе родного дяди (см. «Отто Полле») и его детях написано выше. Естественно, помогая родственникам, я никому денег не платил, но был обязан коллегам на вступительных экзаменах.

Уважаемый читатель! Может быть, я утомил рассуждениями о приёмных экзаменах, но это ключевой момент системы высшего образования. Именно на этой стадии можно и нужно определять, что для абитуриента главное: знание или диплом. Говорят, в начале 21-м века у молодёжи России превалирует тенденция к знанию. Не уверен в массовости явления. В «умном» Томске на столбах повсеместно развешаны броские объявления с предложениями дипломов *государственного образца* о высшем образовании за полгода, год.

Следующий этап, приближавший меня к учебной деятельности, руководство студентами на уборке урожая.

Сентябрь 1965 г. АПИ отправил 100 химиков, преимущественно девушек (моя группа — 35 человек) в крупный совхоз невдалеке от райцентра Топчиха. Директор совхоза определил отряд целиком в отделение, расположенное в десятке километров от центральной усадьбы и занимающееся выращиванием сахарной свеклы. Поселили в огромном помещении без перегородок с нарами, то ли бывшем складе, то ли казарме, трое руководителей, мужиков, расположились в примыкающей комнатушке. Питались в столовой отделения под будущий расчёт.

Плантации сахарной свеклы впечатлили, плоские квадратные

чеки в 20–25 гектаров, с каждой стороны (400–500 м) чек окаймлён узкой лесополосой с двумя рядами высоких пирамидальных тополей и кустарниками между ними (система задержания снега зимой, да и пыльные бури летом в степном Алтае доставляют много неприятностей). По чеку проходил специальный комбайн, подкапывающий корнеплоды, задача студентов: собрать бураки в кучи, затем обрезать ботву. К концу дня подготовленные корнеплоды погрузить на транспорт, взвесить и отправить на сахарный завод. От веса сданных корнеплодов зависела оплата, причём основная «валюта» — сахар, несколько килограммов бесплатно, остальное по 38 коп/кг, в Барнауле сахар продавался по 78–86 коп/кг.

Отличная солнечная погода, дневное задание перевыполнялось, сачковать невозможно, все на виду, проблема — туалет. Периодически устраивали общий перерыв, «девочки налево, мальчики направо». На 4-й день обратил внимание, девушки начали индивидуально бегать с ускорением к лесополосе. Одна, другая, третья… Начал интересоваться, девушки смущаются (мне-то всего 24), ничего не говорят. Два час наблюдений, сообразил — отравление. Понёсся к заведующему отделением. Тот: «А Вы знаете, я киселя поем, меня тоже слабит». Медпункт в отделении закрыт, то ли фельдшер собственную картошку копает, то ли грибы собирает. С попутным грузовиком доехал до центральной усадьбы, купил в аптеке на свои личные деньги двадцать упаковок синтомицина (популярный в те годы кишечный антибиотик) и начал сам лечить девушек. Скандалил в столовой, в глазах «аборигенов», наверно, выглядел озабоченным клоуном. Больных освободил от работы, дня через три все уже занимались свеклой.

Прошло более 40 лет, думаю, зачем мне всё это было надо? Забота о людях? Скорей всего! А риск? В то время удивляла инфантильность коллег-руководителей при ликвидации последствий массового пищевого отравления студентов, теперь нет.

Активная позиция в неприятном эпизоде расположили ко мне девушек, в технологические перерывы (комбайн впрок свеклу не подкапывал, так как на солнце она быстро теряла в весе) собирались на куче ботвы и беседовали на самые доверительные темы. Запомнился вопрос 18-летней «крупногабаритной» девушки:

— Эрвин Гельмутович! Скажите, а ведь любви же нет?

— Что Вы, девушки, конечно есть! И Вы ещё встретите свою любовь!

Если говорить откровенно, то, имея жену и дочь, был совсем

не уверен в собственных утверждениях. Приближающаяся к финалу жизнь доказала, что ответил студенткам правильно.

Хорошая работа студентов на уборке свеклы вызвала недовольство местных жителей, они сами хотели заработать сахар (из дешёвого сахара и самогонка легче пьётся), руководство совхоза отправило нас домой с благодарностями на 2 недели раньше запланированного срока. Не все студенты захотели полностью выкупать заработанный сахар, я этим воспользовался и наполнил рюкзак под завязку. 64 кг. В ночной пригородный поезд рюкзак мне помогли поднять, рано утром надели на плечи и подсадили на вокзале в городской автобус. Вышел в центре Барнаула и на автопилоте двигался около километра (к счастью, прохожих и знакомых ещё на улицах не было), в 6:30 открыл дверь в комнату общежития и упал прямо с грузом. Жена довольна!

Работа ассистентом способствовала повышению эрудиции, приобретению опыта преподавательской работы, одновременно помогла чуть-чуть поправить семейные финансовые дела (ставка ассистента аж на 27 рублей выше стипендии аспиранта), на основе почасовой оплаты подрабатывал в мединституте. Однако денег для семьи катастрофически не хватало, только учёная степень могла вывести на приличную зарплату.

Занятия вёл с дневниками-химиками, заочниками и вечерниками специальности «промышленное и гражданское строительство». У строителей программа проще, чем у студентов-химиков, но довольно обширная, включала лекции, лабораторные и семинарские занятия. Боже мой! Бывают дневники слабые, но заочники (подавляющее большинство) — это нечто. Люди взрослые, стремящиеся любым способом получить зачёт и сдать экзамен (не как, а просто сдать). Стыдно, когда перед 24-летним, унижаются, пытаются угодить работяги, старшие тебя на 10–15 лет. Как можно забыть заискивающие глаза вопрошающего наедине заочника: «Вам машину дров привезть?» Сразу я даже не понял, о чём речь.

Тяжело вести занятия с вечерниками. В отличие от заочников, находящихся в учебном отпуске и занимающихся в дневное время, вечерники приходят 4 раза в неделю после трудового дня (в советские времена от вечерников требовалась справка с места работы). Студенты усталые, вторую вечернюю пару большинство борется со сном. Лучше других воспринимали вечерние занятия студенты, пристроившиеся работать в институт лаборантами, секретарями…. Если лектор грозит будущими карами на экзамене, посещаемость хорошая, если жалеет студентов, может остаться наедине со старостой, обязанным приносить на занятия

групповой журнал из учебной части. Считал и считаю, вечернее образование для химиков, физиков, биологов и других специальностей, для которых экспериментальная практика является фундаментом образования (скажем, лабораторные занятия по органической химии в мои студенческие годы продолжались 8 часов), профанацией. Та же история, что и с заочниками, большинству вечерников важны не знания, нужен диплом. Отсюда желание любым способом угодить очередному преподавателю. За 14-летнюю вузовскую деятельность я встретил не больше 2–3 действительно толковых вечерников, причём это были студенты, перешедшие с дневного отделения по семейным обстоятельствам.

В начале 1966 г. практически одновременно получил из родительского дома два неприятных известия. На 44-м году скоропостижно умер дядя Роберт (см. «Роберт Полле»). Не успел отреагировать (телеграммой или поездкой) получил сообщение, что у мамы диагностирован рак матки, через двое суток операция. Бросил всё, поездом в Талды-Курган, оттуда автобусом в Алма-Ату, к началу операции вместе с папой сидел в вестибюле экспериментальной клиники (см. «Мама»).

В период работы ассистентом произошло несколько ЧП, которые могли привести к тяжёлым последствиям. На занятиях по органической химии у студентки, неаккуратно работавшей со спиртовкой, загорелся халат, я находился в другом конце лаборатории, когда услышал крик. Подбежал. Крупная девица (одна из тех, кто «на свекле» выяснял, существует ли любовь) орёт, вокруг человек 10 и никто не оказывает помощь. Сорвал халат так, что пуговицы куда-то улетели, платье только-только начало тлеть. Счастье, что я находился в это время в лаборатории, несколько секунд и трагедии не избежать.

Учебные занятия со студентами не отвлекали от главного, диссертационной работы. Много сил потратил на синтез промежуточных для основного эксперимента галогенанилинов. Теоретически подобные соединения получать легко (для химиков-синтетиков), любой успевающий второкурсник напишет на бумаге соответствующую реакцию, однако каждый синтез имеет нюансы и требует соответствующей прописи, которую надо искать в литературе 19-го века (в Барнауле таких возможностей не было). Две крупные аварии в лаборатории едва не привели к личной трагедии и убедили в бессмысленности потери времени на рутинную, не имеющую принципиальной новизны, работу.

Оба случая произошли поздно вечером, когда в лаборатории находился один и в четырёхэтажном корпусе только старенькая вахтёрша. Первый раз вылетела из рук двухлитровая делительная

воронка при экстрагировании одного из промежуточных веществ горячим эфиром, загорелся халат, руки. Обошлось.

Второй раз взорвалась установка вакуумной перегонки (только выключил вакуумный насос и отвернулся). Взрыв такой силы, что установка разлетелась по лаборатории на мельчайшие осколки. Громкость взрыва перекрыла ощущение удара в спину, только осколки вытряхивал из халата. Прибежавшая вахтёрша увидела бледного экспериментатора и ярко-синюю стену (в процессе синтеза, по-видимому, образовался прочный голубой краситель). Позже стену белили много раз, но полностью ликвидировать синеву не удавалось.

Взрыв в лаборатории подчеркнул абсурдность потери времени на синтез стандартных, но промежуточных в эксперименте реактивов. Проявил настырность, заявился к проректору по науке Мищенко: «Мне нужна командировка в Москву и деньги на покупку реактивов. В противном случае в аспирантуру не вернусь!» После неприятных рассуждений на тему шантажа, неоднократных устных и письменных доказательств, положительное решение ректоратом было принято. Руководство АПИ было заинтересовано в защите диссертации в срок.

Фортуна улыбнулась, нужные мне галогенанилины (не чистые, а в виде легко разделяемых солей) купил в центральном магазине химреактивов в районе Варшавского шоссе. Любопытно, в то время никто не помешал мне пронести портфель с «пахнущими» реактивами на борт ИЛ-18 рейса Москва — Барнаул. Удивительно повезло, я многократно позже приезжал в этот магазин за реактивами, но галогенанилинов в наличии не было.

Майская 1966 г. двухнедельная командировка в Москву позволила не только достать необходимые реактивы, но и обстоятельно поработать в уникальной библиотеке химфака МГУ с потрясающей производительностью. Химические журналы в широчайшем мировом ассортименте, начиная с 19 века, в свободном доступе. Не могу понять, как меня туда пустили. Чертовское везение или настырность (морду редькой и вперёд)? Сколько аспирантов Барнаула, Томска и Тюмени пытались пройти по моим следам, никого не пустили.

Первое обстоятельное знакомство с масштабом Москвы, работал в главном корпусе на Ленинских горах, а проживал в гостинице «Алтай» (одна из комплекса отвратительных гостиниц ВДНХ с удобствами в конце длинного коридора, единственное достоинство — возможность в порядке живой очереди после многочасового сидения в вестибюле улечься на кровать в четырёхместном номере).

Добирался в МГУ с несколькими пересадками на разных видах транспорта. Позже в Москве бывал десятки (может сотни) раз. Всегда ощущал суетливый ритм гигантского города. Но это на улице, в транспорте. В учреждениях, институтах москвичи вели себя по-другому. Возможно, выскажу спорную мысль о принципиальной разнице между средним москвичом и средним человеком с периферии (говорю о советских временах): москвич отдыхает на работе и решает домашние дела, компенсируя энергетические и временные затраты на дорогу; человек с периферии более интенсивно трудится, а отдыхает и решает личные дела после работы. В памяти кабинеты в главке, министерстве: 5–6 письменных столов, хозяева числятся присутствующими, на рабочем месте не более 2 человек. К сожалению, московская чиновничья тенденция отдыхать на работе к концу 80-х пришлась по нраву периферийным чиновникам. И не только чиновникам, на закрытых заводских территориях (наглядный пример — ТНХК) начали открывать магазины, талонные распределители, что приводит к длительному отвлечению рабочих и служащих в течение рабочей смены. Впрочем, это явные проявления скрытой безработицы и нарушений техники безопасности при обслуживании технологически сложных производств.

В первую поездку в Москву удалось познакомиться с прекрасной природой Подмосковья. Разыскивал Тимофея Ефимовича Березовского, полковника в отставке, дядю Нины. Сначала Опалиха, затем Новый Иерусалим. Недалеко от Москвы, а пейзажи сельские: маленькая речушка с пескарями, заросшая по берегам ивняком, перелески, стадо коров, на холме стоит знаменитый древний монастырь. Позже я бывал в Подмосковье по другим направлениям. Растительность везде разная. Есть чистые дубравы, сосновые боры, берёзовые и липовые рощи, но чаще смешанный лес в разных комбинациях. Много ягод и грибов, хотя временами кажется, грибников гораздо больше.

Положительные эмоции на всю жизнь оставило первое посещение Сандуновских бань, где познакомился с настоящей парной в *общественной* бане. В течение 30 лет в каждую московскую командировку я посещал эти старые московские бани. Привлекало всё, начиная с базарчика перед входом с набором веников разного размера и качества (берёзовые, дубовые, берёза + дуб, пихтовые, эвкалиптовые, берёзовые с травами). Поражала внутренняя отделка (зеркала, настенные росписи, старинная лепнина, картины), лестницы, располагающие к разговору диваны в раздевалке. Пиво подавалось «по первому повороту головы» даже в период активной борьбы с

алкоголизмом. Ничего подобного мне не приходилось видеть в провинциальных общественных банях. Но это не самое главное.

Основа бани — парилка, вмещающая человек 30. Периодически появляются «инициативные» 2–3 человека, которые начинают мыть и сушить парилку, выгнав всех наружу. У двери собирается толпа, постепенно набирающая раздражение деятельностью «умников». Наконец, толпа врывается в парилку, кто-то поддаёт «во чрево» огромной печи целую шайку кипятка. На самом верху находиться невозможно — «уши заворачиваются в трубку». Но пар сухой и, хорошо поработав веником, выскакиваешь отдохнуть вполне удовлетворённым. В моечной большой бассейн (я брезговал им пользоваться), души, в т. ч. душ Шарко (мне нравится), каменные скамейки для мытья. Существенный недостаток столичной бани: не успеешь отвернуться, украдут веник и мыло с мочалкой (что-то не помню такого в периферийных банях).

Интересно общение с совершенно незнакомыми людьми в раздевалке. Здесь можно услышать обо всём: как пьяный Грибов («великий старик» МХАТа, народный артист) «учил плавать» в бассейне шпроты из консервной банки; спортивные и около спортивные новости; политические анекдоты и многое другое. Что характерно, в чисто мужской банной компании практически не слышно разговоров про женщин (по крайней мере, в моей памяти такие факты не зафиксированы). Это наблюдение относится ко всем общественным баням, где мне приходилось бывать.

Вернулся в Барнаул окрылённый, всё, запланированное в Москве, выполнено по максимуму. К финишному «броску на диссертацию» готов, однако вернуться из академического отпуска в аспирантуру оказалось не просто.

Барнаульские годы вспоминаются не только интенсивной работой и молодёжными пьянками.

Возобновил занятия филателией. Душа не вытерпела, вступил в Барнауле в местное общество коллекционеров, регулярно посещал «сборища», проводившиеся по воскресеньям (в отличие от Томска, где филателисты собирались по вечерам в рабочие дни). Учёл томский опыт и вёл себя крайне осторожно. В Москве, в первой командировке купил польские кляссеры (специальные альбомы для марок) — радость неописуемая. Активный международный обмен с Европой, Китаем прекратился после письменного предупреждения таможни о запрете пересылки марок. Оттепель закончилась! Участвовал в марочных аукционах, выкупал марки четырёх направлений по подписке через магазин: космос, фауна, флора, СССР. В очередной раз

снизил активность, слишком дорого. Позже, в Тюмени, активно марками не занимался, безуспешно пытался увлечь детей этим занятием. А коллекция собрана неплохая, к сожалению, осталась в Тюмени и дальнейшая судьба её мне не известна.

Сентябрь 1966 г. Алтайский край, Алейский район. Первый «колхоз» в качестве руководителя.

Серьёзно продвинулись познания в рыбной ловле, благо Валентин Аникеев тоже любил посидеть с удочкой. Начинали рыбачить ранней весной в деревенских прудах. Мелкий карась — рыба осторожная, требует высокой культуры обращения с удочкой. Помню, Витя Левин всё удивлялся: почему у тебя клюёт? Рассматривал мою насадку, высоту поплавка, забрасывал рядом со мной. Ничего не помогало. Результат: у меня 7, у Вити 2, у Валентина 4 карася (не рисуюсь, конкретные цифры на разных рыбалках отличались, но соотношение всегда примерно такое). Кончилось соревнование с Витей тем, что он просто в моём присутствии прекратил рыбачить. Витя — типичный умный представитель своей национальности, всегда уверенно (кажется, профессионально) рассуждал на любую тему, а в конкретных делах нередко оказывался слаб. Однажды, он завлёк нас с Валентином разговорами о ловле линей в одной деревне в 150 км от Барнаула. Поехали. Сначала поездом в сторону Бийска. Затем

30 км на попутном грузовике. Приехали в маленькую деревню на берегу большого озера. Даже следов линя увидеть не удалось. Половили немного ельцов, впервые освоил новую для себя наживку — ручейник, местные жители зовут его «дударь» (белый червячок спрятан в маленькую дудку). Елец прямо дуреет, дождевой червь в описываемой ситуации впервые в моей практике проиграл конкуренцию. На ручейника иногда рыбачат и томские любители.

Летом обычно рыбачили на Оби. Утром встанешь пораньше, пешком добираешься до берега, без особого труда начинаешь «таскать» щурят, часам к 10 возвращаешься с 3-х литровым бидончиком, полным щурят. Наживка? Обычный червь.

В субботу с Аникеевым, ещё кем-то, иногда с женщинами, на теплоходе перебирались на обские острова с ночёвкой. Ловля закидушками и донными удочками. Всегда были с рыбой, однажды поймал на донную удочку стерлядь, большая редкость после строительства ГЭС в районе Новосибирска. Естественные пути размножения стерляди оказались перекрыты. Рыбачили с берега, никогда с лодок, просто у нас к ним не было доступа.

Часто с Аникеевым ловили мелочёвку для ухи в мелких речушках по ходу электрички в сторону Новосибирска. Пытались ловить карпов в прудах (в СССР бум по искусственному разведению), но каких-то серьёзных успехов я не помню. Вообще раз в жизни я видел потрясающую ловлю удочкой на горбушку хлеба огромных карпов в прудах Московского ботанического сада, в той самой первой командировке по вечерам (гостиница в полутора километрах) наблюдал браконьерство работников сада, посторонних не подпускали к «столу». Процесс выуживания зацепившегося карпа достоин киносъёмки и продолжается 20–30 минут. Затем мужик деловито прячет пятикилограммового карпа в рюкзак и отбывает «к семье и детям».

1966 г. Окрестности Барнаула. Палатка, неудачная рыбалка, утренние раздумья с Аникеевым о дальнейших планах.

В сентябре 1966 г. приехали с Ниной и Эльвирой в Талды-Курган. 12 октября родился Игорь (см. «Полле Игорь Эрвинович»). Через несколько дней оставил Нину с детьми в Талды-Кургане на попечение родителей и уехал в Барнаул завершать диссертацию

Андрей Тронов, фактический хозяин кафедры, чувствовал, что я опережаю его в подготовке диссертации, препятствовал возвращению в аспирантуру. Сначала уговаривал меня сидеть с детьми, чтобы Нина делала диссертацию (в Барнауле Андрей стал её непосредственным руководителем), затем начал давить через отца-профессора. Заявление на перевод из ассистентов в аспиранты на кафедре мне не подписали.

В трудных ситуациях необъяснимо просыпается в характере воля к победе. За всю сознательную жизнь подобные ощущения возникали 5–6 раз. Как следствие, решительные шаги. Двух детей надо кормить, необходима защита диссертации (поясню, разница в оплате преподавателей института со степенью и без неё

огромна, ставка ассистента 105 рублей, старшего преподавателя-кандидата наук без стажа — 250 рублей). Полвека назад зарплата «остепенённых» считалась в Советском Союзе высокой, в несколько раз выше средней.

Пошёл напролом, через голову научного руководителя и заведующего кафедрой, декана факультета (в ВУЗах так не делается). В очередной раз пообщался с проректором по науке Мищенко, прорвался к ректору Радченко. В ректорате за год узнали мерзкий характер Андрея, действовавшего за спиной профессора, нередко заставлявшего Бориса Владимировича отказываться утром от принятых вечером решений или обязательств. Приказ о переводе из ассистентов в аспиранты подписан без факультетских и кафедральных виз.

Третий год. Защита диссертации

5 ноября 1966 г. — точка отсчёта завершающего года аспирантуры и работы запредельной интенсивности, благо жена с детьми находилась в Талды-Кургане. Ноябрь, декабрь 1966 г., январь, февраль 1967 г. — экспериментальная часть диссертации выполнена, режим работы 7.00–01.00 без выходных. Первым приходил в химкорпус АПИ, последним уходил. Как-то ночью вахтёр заглянула в лабораторию, где я, не разгибаясь, производил серийные измерения растворов на ручном ультрафиолетовом спектрофотометре СФ-4А: «Миленький, да ты же спишь!» Не знаю, как смог выдержать. Никогда в последующей жизни не работал в таком плотном режиме. Две недели эксперимента, неделя оформление статьи в центральную академическую печать, две-три бутылки сухого вина с Аникеевым и снова вперёд.

Периодически организм давал сбои, возобновились желудочные боли, удачно в Барнауле прописали викалин. Препарат помог и лет 20 я сам, не утруждая поликлиники, при появлении болей начинал приём викалина (~ 200 таблеток на курс), в конце 80-х перешёл на Де-Нол. Как всегда, выручало и молоко. В декабре 1966 г. получил сильнейшее отравление метанолом (основной растворитель в эксперименте) от вдыхания паров. Нос синий, губы синие, хорошо, вовремя в зеркало посмотрел. Никуда не обращался, времени не было, начал пить ежедневно по полтора — два литра молока. Дней через 5–6 лицо порозовело. Не зря всё-таки молоко является спецпитанием для химиков.

Экспериментальная часть завершена, следующая не простая стадия — оформление диссертации. Борис Владимирович разрешил использовать свой кабинет (появлялся в институте на 1–2 часа). Работал с повышенной нагрузкой, но умудрялся после обеда подремать 20–30 минут на письменном столе профессора.

Фолиант получился весьма объёмным, прежде всего, за счёт таблиц приложения, где зафиксированы результаты обработки экспериментальных данных на простейших механических арифмометрах «Феликс» и ВК-2. В 21-м веке сложно представить, как много мозговой энергии и времени тратилось на элементарные расчёты. Задержусь на уровне вычислительной техники.

Ноябрь 1966 г. Барнаул. С 7 утра до 1 часа ночи.

В описываемый период много шума вокруг создания вычислительных центров. Каждый уважающий себя ВУЗ создавал собственный ВЦ. ТГУ и АПИ не были исключением. Химики с трепетом (как о чём-то запредельном) слушали рассказы физиков и математиков о работе на ЭВМ, гордых попаданием в ночное расписание (режим работы ЭВМ объявлялся круглосуточным, но много времени уделялось ремонту и профилактике). Первые ЭВМ были ламповые, требовали больших площадей и массу обслуживающего персонала (в т. ч. программистов для подготовки задания вычислительной машине), очень капризные, чувствительны к качеству электроэнергии, имели ещё много недостатков, но это прорыв в новое информационное пространство. Для меня ЭВМ казались чем-то абсолютно недоступным, да и не видел в них потребности, мне бы «Феликс». В аспирантуре объём расчётов несравненно вырос по сравнению с 5-м курсом университета. К счастью, АПИ, являясь институтом молодым, относительно больше средств выделял на обеспечение научных работников, чем ТГУ. Сразу по приезду я получил в личное пользование кнопочный арифмометр ВК-1, усовершенствованный «Феликс». В конце 1966 г. объём обработки экспериментальных данных вырос настолько, что работа на ВК-1 могла затянуться на многие месяцы. Пробойный начальник вычислительного центра АПИ Шукис достал механический арифмометр с электрическим приводом ВК-2. Через проректора по науке добился разрешения работать на ВК-2 непосредственно в вычислительном центре. Приходил в одно из огромных

помещений ВЦ (работали человек 30 программистов) к 9.00, уходил в 18.00. Трудился, не разгибаясь. На третий день окружающие «одурели» от шума (ВК-2 работал громко, «как трактор»). Начальник программистов вежливо уточнил, много ли мне ещё считать, после чего милостиво разрешил забрать ВК-2 на кафедру. Это и нужно было. Радость мою трудно описать. Эксперимент быстро (так я в то время считал) обсчитан. Кстати, арифмометр ВК-2 имел конструктивные недостатки, часто требовал ремонта и буквально через несколько лет перестал пользоваться спросом.

Чем ближе завершение диссертации, тем больше подключал в качестве «толкачей» отдел аспирантуры и проректора по науке. Андрей Тронов явно отставал со своей диссертацией и постоянно ставил палки в колёса, причём в удивительно вежливой форме (со стороны и не разобраться).

Весной 1967 г. начал представлять диссертацию. В мае выступил на Всесоюзном симпозиуме в Яремче (турбаза в Прикарпатье). Конечно, главное — деловые разговоры, не рисуясь, скажу, произвёл приятное впечатление на многих известных учёных в области физико-химических методов анализа. Интересно было смотреть по сторонам. Крутые горы, покрытые растительностью почти как джунгли, быстрая речка с ледяной водой, стилизованные под сказочные мотивы корпуса турбазы, лежащие у входа в турбазу разукрашенные гуцулы, продающие деревянные поделки — очень красиво и необычно. Кстати, привёз оттуда папе в подарок пивную кружку из морёного дуба, мама приспособила её для хранения соли (у женщин своя логика!). Потрясающее впечатление произвела воскресная автомобильная экскурсия в Закарпатье (через Рахов до Хуста, ~ 250 км). Перевалили Карпаты и долго двигались в нескольких метрах от государственной границы, проходящей по широко известной по детективам реке Тиса, левому притоку Дуная. Населённые пункты отличаются, как по архитектуре строений, так и по внешнему виду жителей, чередуются украинские, румынские, венгерские деревни. В одежде много ярких красок, оказалось, жители сами изготавливают краски древними способами. Поразило разнообразие растительности Закарпатья. В районе Хуста мы пешком поднимались к развалинам древнего замка венгерского князя, я всё пытался посчитать, сколько разновидностей деревьев на небольшой территории встретил. Забыл, сколько, раз в 10 больше, чем можно одновременно встретить в Сибири и на Алтае. Разнообразные виды ели и сосны хорошо сочетаются с дубом, липой, дикой грушей, берёзой…. Очень красиво!

Возвращаясь из Яремче домой, не мог упустить возможность

познакомиться с Львовом. Доложил диссертацию преподавателям и дипломникам химического факультета Львовского университета. Слушали с интересом, много вопросов, но письменный отзыв получить не удалось (зав. кафедрой органической химии оказался слишком осторожным). Удивился, что некоторые химические дисциплины в ЛГУ читаются на украинском языке (в СССР было принято естественные науки читать на русском языке). Походил по великолепному многовековому парку университета. Гигантские платаны и цветущие каштаны, обилие цветов и приятных запахов. Университетской роще Томска далеко до этого парка. Город мне понравился и, прежде всего, своим откровенно «заграничным» видом, резким отличием от насаждаемого «советского» стиля градостроительства. Львов расположен на холмах, древние улицы и кривые переулки мощены камнем, тёмные от старости дома имеют остроконечные черепичные крыши. Много костёлов.

Во второй половине июня повёз диссертацию в Томск с попыткой представить к защите в Совете по химии при ТГУ (в составе профессора ВУЗов Томска). Согласие получил, удалось раскрутиться, преодолевая бесчисленные препятствия. Работа срочная, в начале июля «вузовская наука» уходит в отпуск, Написал автореферат, как напечатать? В Барнауле «прикормил» машбюро крайисполкома и проблем не имел. А в Томске? Машинистки нарасхват, в официальной аспирантской очереди можно стоять месяцами, *грамотные* (тексты химиков, мягко сказать, специфичны) машинистки дефицитны. Наконец, в политехническом институте нашёл женщину, согласившуюся печатать после работы. Дальше надо подписать автореферат в учёном совете (не глядя, никто не подписывает) и получить письменное разрешение на размножение. Естественно, ротапринты ТГУ и ТПИ заняты заказами на год вперёд. Опять уговоры и деньги (конечно, не такие, как сейчас). Следующая стадия рассылка по 100 адресам.

Диссертационные дела в Томске закончил 3 июля 1967 г., защита назначена, чем не только озадачил Тронова (он и предположить не мог, что в 2 недели смогу представить диссертацию, подготовить и разослать автореферат), заставил ахнуть барнаульских друзей, но и приятно удивил ректорат АПИ.

1966 г. Барнаул. Слева лучший друг жизни Валентин Аникеев, в центре маленькая Эльвира.

Июль 1967 г. Горный Алтай. Валентин перебирается через быструю речку.

Появился в Барнауле, а Аникеев с Лидой Ситниковой (будущей женой) и супруги Корнейчуки собираются 2 недели путешествовать по Горному Алтаю. Нина с детьми уже в Талды-Кургане. Решил отдохнуть в горах после трудного года, резкое возмущение Нины прочувствовал позже, при личной встрече.

Цель — красивейшее озеро Шавло. Сначала 400 км преимущественно гравийной дороги от Бийска по отдельности на

двигающихся в Монголию грузовиках (водители за деньги подсаживали в кабину) вверх по Чуйскому тракту с ночёвкой у «придорожной жены» водителя (помните блестящий фильм Шукшина «Живёт такой парень» с Куравлёвым в главной роли). В течение суток собрались у посёлка Курай, примерно в сотне км от государственной границы. Дикие горные туристы надели рюкзаки и вперёд согласно нарисованной с чьих-то слов схеме (карты секретны?!) по совершенно незнакомым и безлюдным местам, временами исчезающим человеческим и звериным тропам. Интенсивно двигались от рассвета до заката под практически непрерывным моросящим дождём (не повезло с погодой), короткий ночной привал и снова вперёд.

По пути заглянули в альпинистский лагерь Актру. Здесь неожиданно встретили профессора Михаила Владимировича Тронова (75 лет!), младшего брата шефа, руководителя практики студентов-гляциологов, изучающих ледники Алтая.

Днём делали кратковременный привал, перекусывая сухарями и куском сухой польской колбасы. В моём рюкзаке запас спирта. В небольших дозах выдавал на ужин, чтобы не заболеть. По дороге встретили группу альпинистов с ледорубами, в альпинистских ботинках «триконях», а мы в обычных кедах. Проходили камнепады, по которым альпинист-профессионал никогда не пойдёт. Видно судьба нас берегла.

На пятый день рано утром неожиданно встречаем на лошади алтайца. Разбираемся с маршрутом, алтаец показал короткий путь к озеру и тропу. Расстояние? Четыре километра! Надо ли объяснять, как мы, молодые умники, физики и химики, взбодрились. Вперёд! Без привалов, без обеда! Пришли на озеро без сил в полной темноте. «4 км» интенсивно, стиснув зубы, без шуток и прибауток двигались минимум 14 часов!

Озеро Шавло изумительное место. Всемирно известный математик академик Борис Николаевич Делоне, пришедший с группой московских альпинистов через 2 дня, уверял, что не видел подобной красоты в Швейцарии. Мне нравилось общаться с Делоне, часами слушал с разинутым ртом. Удивительны рассказы о нравах в академии наук (1967 год!): «Все боятся говорить, раньше не боялись высказываться только атомщики, а сейчас ещё и ракетчики…» Впервые услышал о Сахарове, о взрывных выступлениях академика Тамма на общем собрании АН СССР по поводу уровня сельскохозяйственной науки, учёности Мичурина, учения Павлова… Рассказал Делоне, как посадили его сына (позже известный диссидент и правозащитник): «Дурак, читал стихи у памятника Пушкину». Кстати, 14-летний внук Делоне (сын правозащитника) постоянно крутился у нашей палатки,

обменивал сигареты или что-нибудь московское вкусненькое на возможность пострелять из наших малокалиберных винтовок.

Запомнилась ловля хариусов при впадении речки, вытекающей из-под красивейшего ледника, в озеро Шавло. Меня убеждали, на дождевого червя ничего не поймаешь, нужна только искусственная мушка из медвежьей шерсти. Но я человек консервативный, принёс 9 крупных хариусов (грамм по 400). Позже, правда, убедился, что на мушку удобней ловить, не надо без конца поправлять червяка. А вообще ловля хариуса непростое дело, он пуглив, хватает только движущуюся наживку, необходимо длинное удилище, причём забрасывать желательно из-за какого-нибудь укрытия. Так уж случилось, был основным поставщиков хариусов. Варили уху, поджаривали на костре. Вкусно!

Возвращались на Чуйский тракт другим маршрутом, в посёлок Чибит, ни у кого даже мысли не мелькало спрашивать местных жителей на лошадях о расстояниях. Урок на всю жизнь! Говорят же, конный пешему не товарищ.

Из Чибита снова поодиночке добирались в Бийск на грузовиках, возвращавшихся из Монголии. Автобусы в тех краях не ходили. Я ехал в кабине опорожненного бензовоза. По дороге водитель показывал обрывы, где разбился его отец, старший брат, тоже водители. На крутых поворотах на спуске, не снижал скорость, только командовал мне смотреть за встречным транспортом. Не похоже, чтобы такой лихач мог надолго пережить близких родственников. Возможно, тяга к риску стимулировалась большой по тем временам зарплатой водителей, допущенных к межгосударственным перевозкам.

Июль 1967 г. Горный Алтай. Жемчужина, не уступающая прелестям Швейцарии — озеро Шавло.

До Бийска «долетели» часов за 10 без остановки у «дорожной жены». Как удивилась тёща, когда поздно вечером появился зять, мокрый, грязный, заросший. Она и понятия не имела, что я в горах. Ванна, несколько рюмок тёщиного самогона, чистая постель и к утру был свеж, «как огурчик», чем весьма удивил на железнодорожном вокзале своих спутников. На следующий день поезд увозил меня из Барнаула в Талды-Курган.

Месяц в Талды-Кургане, затем подготовка непосредственно к защите: доклад, оформление демонстрационных материалов,

сбор отзывов. За отзывом официальной оппонирующей организации (Киргизский университет) пришлось ехать самому, выступать с докладом, подготовленным для защиты. Всё прошло удачно, положительный отзыв в портфеле, но запомнилась поездка во Фрунзе (Бишкек) в сентябре 1967 г. и столкновением с аномальным человеческим поведением.

Валентин Аникеев часто употреблял любимую поговорку студентов-физиков МГУ «*лес рубили дровосеки, оказались гомосеки*». Поговорка казалась забавной, но бессмысленной. Однако физики МГУ вкладывали в поговорку, как минимум, два смысла, причём один из переносных считали важным (потенциал есть, разговоры есть, а серьёзных научных трудов нет). Что касается прямого смысла, у меня уже двое детей, о гомосексуализме что-то смутно слышал, не более того, лично не сталкивался. И вот Фрунзе — прекрасный южный город, утопающий в зелени. Особенно хорош бульвар, упирающийся в центральное здание железнодорожного вокзала. С гостиницами в городе проблема, я неделю жил в типичной для того времени вокзальной комнате отдыха с 10–15 кроватями с давно ослабленной панцирной сеткой, без стульев, телевизора, умывальник в «благоухающем» общем туалете. По вечерам единственное развлечение (на ресторан денег не было) — прогулки по бульвару. Жара спадает, сотни видов цветов на клумбах, деревья аккуратно подстрижены, порой казалось, ты в раю или во сне. Сядешь на скамеечку против красивой клумбы, любуешься, думаешь о чём-то своём, докладе, документах, будущей защите. В последний свободный вечер идиллия неожиданно улетучилась. На скамеечку подсел узбек 30–40 лет. Обычный разговор случайно встретившихся людей в районе железнодорожного вокзала. Откуда? Где остановился? Когда уезжаешь? Неожиданно понял, узбек оценивает меня в качестве потенциального партнёра, в характерной сластолюбивой манере зовёт «покушать» на недалеко расположенную квартиру. Встаю и начинаю двигаться в сторону вокзала. «Товарищ» не отстаёт, одной рукой пытается ухватить мой пенис, другой вложить в мою руку собственный орган (через штаны, разумеется). Под лопатками неприятное чувство страха, начинаю усиливать движение, фактически тащу узбека за собой в сторону света и людей (удивительно, но в 11 часов вечера на бульваре безлюдно). Продолжаю прикидываться дурачком и, ускоряя ход, объясняю гомосеку (термин «голубой» широко вошёл в обиход лет через 20–30), как много на вокзале желающих женщин, проституток. С трудом отвязался только перед входом в ярко освещённый вокзал. Не сразу оценил юмор ситуации, давило смешанное чувство

омерзения и страха, в чужом городе я всегда опасался за карманы, но не ожидал подобных приключений. Зато в Барнауле друзья, представляя меня в роли дровосека, веселились от души. Любопытна реакция одной из умных женщин: «Теперь ты понимаешь, как бывает противно, когда незнакомый мужик начинает к женщине приставать!»

Защита диссертации состоялась в ТГУ 3 ноября 1967 г., за 2 дня до конца аспирантского срока. До того ни один аспирант АПИ не защищался в срок (по-видимому, основная причина активной поддержки меня ректоратом в конфликтных ситуациях с научным руководителем и его сыном). Да и из сокурсников, одновременно поступивших в аспирантуру, пока никто не защитился.

Члены Совета разошлись по делам, а я сижу со своими бумажками, ни радости, ни горести, просто моральная и физическая усталость. Вечером выпил с кем-то (не помню) стакан-два вина. Последующие два дня «вприпрыжку» носился по инстанциям с оформлением стенограммы защиты, протоколов, сбором подписей…. Вечером 5 ноября необходимый пакет документов отправлен в Москву на утверждение высшей аттестационной комиссии (ВАК), а я двинулся в сторону вокзала.

По завершении диссертации ощутил качественный (диалектика!) скачок во внутренней самооценке, появилась уверенность в собственных возможностях. Окружающая научная «публика» Барнаула и Томска убедилась в моей способности решать трудновыполнимые задачи в установленный срок. После доклада диссертации в сибирском физико-техническом институте при ТГУ получил приглашение на работу в группу профессоров Прилежаевой и Даниловой (спектроскопия межмолекулярных взаимодействий). Жильё не предоставлялось, вопрос отпал.

Особо впечатлил при личной встрече председатель Совета по защитам диссертаций профессор Армин Генрихович Стромберг, один из ведущих учёных-химиков Томска, научное светило мирового уровня. Он выразил мысль, которую я не мог озвучить много лет, чтобы никого не обидеть. Смысл сказанного: диссертация реабилитировала направления работ Бориса Владимировича Тронова, предыдущие диссертации Рыжовой (мой дипломный руководитель, затем многолетний завкафедрой органической химии ТГУ), Круликовской (доцент родной кафедры) были очень слабыми.

6 ноября появился в Барнауле, состоялся скромный банкет в ресторане «Алтай» (человек 25 близких друзей и сотрудников кафедры). Исторический репер — страна с большой помпой празднует 50-летний юбилей октябрьского переворота, на демонстрации много поздравлений. Приятно.

Сверхзадача (защита диссертации) выполнена. Ректор АПИ Радченко сдержал обещание: 21 ноября переехали из общежития в новую *трёхкомнатную* квартиру. Пусть верхний (пятый) этаж типовой хрущёвки, пусть крайний дом в Барнауле (начало строительства крупного микрорайона, 40 минут на автобусе до АПИ), но это своя квартира. Первая из пяти квартир, полученных мной (1967–1981 гг.) от государства при карьерном продвижении. Новоселье отмечали, сидя на стопках книг, чемоданы использовались в качестве столов. Детям раздолье. В зале детское корыто с игрушками, больше нет ничего.

Отдалённость от института, отсутствие домашнего телефона добавили сложностей с часто болеющими Эльвирой и Игорем (раньше жили в 5 минутах пешком от работы). Устроили Эльвиру в круглосуточный садик, забирали в среду и пятницу, но и это не спасало ситуации. Старались с Ниной так утрясать расписание занятий со студентами, чтобы один из родителей мог всегда быть дома.

Потихоньку обустраивались. Как-то в воскресенье звонок. Открываю, стоит заочник (или вечерник, точно не помню) и протягивает коробку с лентами войлока и гвоздями для обивки наружной двери. Пытаюсь отказаться, студент поставил коробку на пол и сбежал. Как он узнал о новой квартире, кто дал адрес, на какой стройке украл войлок с гвоздями (это сейчас всё можно купить в магазине)? Вопросы остались без ответа, но эта взятка (тащить войлок с гвоздями в институт и попытаться вернуть — смешить людей) надолго врезалась в память. Не помню, что я поставил ему на экзамене, скорей всего «удовлетворил», так как лишние двойки — головная боль преподавателей, начинаются институтские разборки по поводу качества обучения (плохо готовите, срываете план выпуска!).

На кафедре продолжалась возня, начатая год назад. После завершения учёбы в аспирантуре остро встал вопрос о должности. Ректор публично обещал каждому аспиранту АПИ сразу после защиты диссертации должность старшего преподавателя (при наличии учёной степени оклад гораздо выше, чем у «остепенённого» ассистента). Опять конфликт на родной кафедре: сын Тронова фактически руководит делами на кафедре, являясь «не остепененным» старшим преподавателем. Ректорат даёт дополнительную ставку под меня в штатное расписание, Б.В.Тронов отказывается визировать приказ. Наконец, 28 ноября ректор, вопреки мнению заведующего кафедрой подписал приказ о моём назначении старшим преподавателем с 06.11.1967 г. (задним числом!). Шум не утихал месяц, затем атмосфера на кафедре и факультете успокоилась, но я понял, надо уходить,

творческой работы не будет.

Подвернулось объявление о конкурсе в тюменский индустриальный институт, позвонил, сел на поезд, через двое суток вернулся с бумагой, 28.06.1968 г. подписанной ректором ТИИ Косухиным. Выражена просьба к ректору АПИ отпустить Э.Г.Полле, как прошедшего по конкурсу на должность доцента кафедры технологии нефти и газа ТИИ, а Н.Н.Полле ассистента кафедры физической химии. Отправил с привезённым письмом-обращением к Радченко Бориса Владимировича, как лицо, заинтересованное в моём уходе. Существовала юридическая проблема, аспирант обязан отработать 3 года (как и молодые специалисты после окончания ВУЗа). Ректор АПИ, зная ситуацию на кафедре и условия, в которых прошла подготовка и защита диссертации, не хотел нас отпускать. Не один раз Б.В.Тронов ходил к ректору, убеждая подписать моё заявление. Наконец, ректор вызвал меня, уговаривал остаться, резко негативно прошёлся по адресу Андрея Тронова. Но заявления об увольнении подписал.

Закончу об Андрее Тронове. Защищался он через год после меня, возле университета в Томске дежурила скорая помощь: Борис Владимирович не переживёт, если Андрея «прокатят». Через несколько месяцев Борис Владимирович умер. Сколько же неприятностей Андрей доставил людям, что его моментально выставили из института. В ответ Андрей Тронов демонстративно пошёл работать грузчиком на железнодорожную станцию (в те времена кандидат наук грузчик! вызов обществу), потом уехал в Бийск (филиал АПИ), затем в Брянск… Мукарама давно его бросила.

Принципиально решив вопрос с переездом в Тюмень, отправился в компании с Ниной, Валентином, Лидой, Витей Левиным в Горный Алтай. Конечная цель маршрута озеро Тайменье. Перед непосредственным выходом с автомобильной трассы в горы к нам присоединился «тёмный» москвич, путешествовавший в одиночку с самодельной разборной малокалиберной винтовкой. Рюкзаки тяжеленные! Основную часть маршрута, особенно на затяжных подъёмах шёл впереди колонны. Что-то есть в характере, психологически затрудняющее движение вторым…

Запомнилась ночёвка у пастухов (с мая по сентябрь выгуливают торбаков двухлетних коров-нетелей) через несколько дневных переходов от тракта. Угостили пастухов спиртом, улеглись. Проснулись часа в 3 ночи от дикого крика. «Это Колька хайлает, медведь напал на его овец, а у него карабин неисправен». Мы схватили свои «мелкашки» и в полной темноте

побежали в крутую гору сквозь траву в человеческий рост на голос. Прибежали, а Колька: «Да внизу медведь задрал торбака, я вам и кричал». Сработали «фокусы» акустики: с горы отчётливо слышен рёв задираемой коровы, а в избушке на берегу маленькой журчащей речушки в 100 метрах от стада ничего не слышно. Утром осмотрели погибшую корову, медведь присыпал её листьями и камнями, оставил подтухнуть. Пастухи настроили самострелы из карабинов (страшно даже подумать, что кто-то из туристов может зацепиться за натянутую леску). Оказалось, с весны из 200 торбаков, медведи задрали уже 18-го. Прождали сутки, на следующую ночь медведь не пришел, и мы продолжили маршрут.

На озере Тайменьем стоянка дней на 5. Ночёвки в период движения и на стоянке оказались малоприятным занятием (гораздо лучше чувствовал себя москвич в индивидуальном спальном мешке на свежем воздухе). Палатка двухместная, температура ночью не намного выше 0, 5 человек по команде переворачиваются с бока на бок, а если учесть, что в Вите килограмм 120… И, конечно, большая глупость ходить в физически трудный поход с женой: нервная разрядка идёт на мужа (вполне вероятно, это чисто индивидуальная черта Нины или что-то раздражало в поведении мужа).

Моя основная задача обеспечение рыбой. Ловля хариуса шла неплохо, однако он был мельче, чем годом раньше на Шавло. После интенсивной ловли хариуса несколько месяцев болела рука в области между кистью и локтем (длинное, тяжёлое удилище непрерывно забрасывается, неподвижную наживку хариус «презирает»). Лет через 15 Аникеев рассказывал, что в местах наших первых походов хариуса не стало.

Московский спутник убил медведя-двухлетку. Опасаясь матери-медведицы, переправляли тушу на самодельном плоту, разделывали в устье выходящей речки. Получилось 2 ведра отличного варёного мяса. Неожиданно Валентин и Витя не стали есть медвежатину (кстати, Левин до последнего перевала нёс бутылку уксусной кислоты специально для шашлыка из медвежатины, дальше стало тяжело!). Типичный пример поведения больших любителей поговорить.

Повторюсь, в путешествиях по Горному Алтаю являлся хранителем спирта (в аспирантской лаборатории всегда в наличии солидный запас хорошо очищенного мной, подготовленного для тонких экспериментов спирта). В таких трудных и дальних походах без аварийного запаса спирта нельзя. Другие алкогольные напитки в горы можно таскать при наличии лошадей, иначе на рюкзаки никакого здоровья не хватит.

Использовали спирт как средство против простуды в условиях дождливой холодной погоды. Понемножку, грамм по 100 спирта выпивали у костра перед ночёвкой, а остаток, когда возвращались на автомобильную трассу. Кстати, о запасах спиртного нельзя было ни в коем случае сообщать пастухам, изредка попадавшимся на пути. В конце июля 1968 г., возвращались с озера Тайменье по новому маршруту, в другое место трассы. Остался дневной переход. Поставили палатку около аила (чума) одинокого пастуха-алтайца, чтобы расспросить о надёжной тропе через перевал в долину Катуни. Начали готовить ужин, вдруг алтаец унюхал спирт, я стал для него «самым хорошим» человеком. Притащил сушёное мясо. Конечно, мы его угостили. Утром он бросил отару, потащился нас провожать через перевал, от меня не отходил. Ни добрым словом, ни матом отвязаться невозможно. Когда спустились к Катуни, алтаец ходить не мог, лежал поперёк седла своей лошади. Уж не знаю, как он потом добрался до своей отары.

Долина Катуни — райское место со своим микроклиматом! На берегу деревня староверов. Мужики с бородами. Многие жители никогда не видели железной дороги. После сухарей, сухой колбасы и пищи из концентратов накинулись на сметану, самодельный хлеб и помидоры, *вызревающие на корню*, без теплиц. Хозяйке отдали всю колбасу, чему она была страшно рада. Деревня в 40 км от горного райцентра Усть-Кокса, почту привозят на вездеходе не чаще 1 раза в неделю. Другого транспорта нет. Только легли погреться на берегу Катуни (вода тёмная) и начали размышлять, где лучше половить тайменя, появилась машина. Упустить шанс нельзя. И вот мы в автобусе Усть-Кокса Горно-Алтайск. Автобус идёт с ночёвкой, причём каждый ночует, как хочет. Из автобуса всех выгоняют, шофёр идёт к подруге, местные жители кто куда. Одни туристы «болтаются как попало» с 18 часов до 9 утра.

При появлении в Барнаул радость: пришла долгожданная открытка из ВАК об утверждении 12.07.1968 г. результатов защиты диссертации. Вот уж теперь можно ощущать себя полноценным кандидатом химических наук.

Несколько дней потратили на отправку контейнеров в Тюмень. Проводы друзей, все помогают… Затем с детишками поехали на несколько недель в Талды-Курган. Закончился сложный, но очень интересный этап жизни в Барнауле, автору 27 лет. Что впереди?

Возможно, зря уехали. Наберись я терпения в 1968 г., то после того как выкинули Андрея Тронова из института, реальных претендентов на заведование кафедрой органической химии АПИ

не осталось. Дальнейшая жизнь могла пойти совсем по другому сценарию.